

3472

XO

P17

**Развитие
законодательства
Советского
Казахстана
и практика
борьбы
с преступностью**

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

КАРАГАНДИНСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОГО
КАЗАХСТАНА И ПРАКТИКА БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Сборник научных трудов

Караганда 1984

Рекомендовано редакционно-издательским советом Карагандинской высшей школы МВД СССР

Развитие законодательства Советского Казахстана и практика борьбы с преступностью: Сб. научн. тр./Под ред. профессора *Б. С. БЕЙСЕНОВА*.—Караганда, 1984.—192 с.

Рассматриваются теоретические проблемы развития законодательства Советского Казахстана и его применения в свете решений XXVI съезда КПСС, последующих Пленумов партии. Особое внимание уделено тенденции совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства, правового регулирования деятельности Советов народных депутатов и административной юрисдикции. Даны рекомендации по совершенствованию правовых норм, их применению в деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступностью.

Подготовлен по материалам республиканской научно-теоретической конференции, проведенной 25 марта 1983 г. Научным советом по проблеме «Закономерности развития государства, управления и права» Академии наук Казахской ССР на базе Карагандинской высшей школы МВД СССР. Рекомендуем студентам юридических факультетов и слушателям вузов МВД СССР, а также научным и практическим работникам.

Разд. 4.

Редакционная коллегия: Б. С. БЕЙСЕНОВ, профессор (отв. ред.); С. Н. САБИКЕНОВ, канд. юрид. наук, доцент (зам. отв. ред.); Е. И. ГАИРЖАНОВ, профессор; Ю. Д. ЛИВШИЦ, профессор; К. Д. МУХАМЕДШИН, профессор; Э. Н. КУНАЕВ, канд. экон. наук, доцент; А. С. МАТВЕЕНКОВ, канд. юрид. наук (отв. секретарь).

Карагандинская высшая школа МВД СССР, 1984 г.

**Раздел 1. Теоретические проблемы развития
законодательства и его применение**

М. Т. Баймаханов
академик Академии наук КазССР

КОНСТИТУЦИЯ И ТЕКУЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В РАЗВИТОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Решение грандиозных задач, стоящих перед советским обществом, предполагает эффективное использование такого важного средства руководства и воздействия, каким является право. Социалистическое право располагает большими созидательными возможностями. В определенной мере оно способно ускорять общественное развитие, вызывать в нем позитивные сдвиги и изменения. Творческий потенциал права необходимо в полной мере поставить на службу интересам коммунистического строительства. На это ориентируют решения XXVI съезда партии, ноябрьского (1982 г.) и июньского (1983 г.) Пленумов ЦК КПСС.

В системе связей и отношений, характеризующих функционирование и развитие права, важное место занимают связи и отношения между конституционным и текущим регулированием. От степени их налаженности в определенной мере зависит общее состояние права, а также эффективность его воздействия на экономические, социальные и духовные процессы.

Значение конституционного регулирования общественных отношений огромно. Его функции не поглощаются другими формами регулирования. Вполне закономерно является то, что на определенном этапе правового развития появились конституции, причем в дальнейшем они получили почти повсеместное распространение. Это следует расценивать не как случайность, а как объективную необходимость. Если же взять современный период, когда общественные процессы в высшей степени усложняются и испытывают возрастающее влияние таких факторов, как научно-технический прогресс, социально-классовая дифференциация и т.д., то тут конституция становится обязательным атрибутом права.

К. Маркс называл конституцию «законом законов»¹. Этой краткой, но весьма емкой характеристикой четко обрисовывается ведущее место конституции в действующем законодательстве. Она обладает такими свойствами, которые не присущи другим компонентам правовой системы. Образуя ядро права, она в силу этого прямо или косвенно влияет на регулирование важнейших вопросов жизнедеятельности государства и общества.

Особенно велика роль конституции при социализме. В. И. Ленин отмечал: «Все существовавшие до сих пор конституции стояли на страже интересов господствующих классов. И только одна Советская Конституция служит и будет постоянно служить трудящимся и является могучим орудием в борьбе за осуществление социализма»². То же самое можно сказать и о других социалистических конституциях, которые, как правило, отражают опыт борьбы трудящихся и закрепляют их исторические завоевания.

В этом отношении показательна Конституция СССР 1977 г., соответствующая условиям развитого социализма. Являясь Основным Законом общенародного государства, она имеет большое общественно-политическое и юридическое значение.

Конституции союзных и автономных республик 1978 г. преломляют положения Основного Закона СССР к условиям своих республик. Такова, в частности, Конституция Казахской ССР, являющаяся правовой основой государственной и общественной жизни республики. Она создает юридические предпосылки для текущего правового регулирования, которое в пределах республики должно осуществляться на основе ее предписаний и в строгом соответствии с ними.

Одна из особенностей конституции, отличающих ее от всех других правовых актов, состоит в том, что она охватывает в органическом единстве основные стороны деятельности государства и общества. Так, в действующей Конституции СССР нашли закрепление основы общественного строя и политики, взаимоотношения государства и личности, национально-государственное устройство страны, принципы формирования и деятельности органов государства. Никакой иной правовой акт, каким бы важным он ни был, не ставит

¹ Маркс К., Энгельс Ф.—Соч. 2-е изд., т. 7, с. 40.

² Ленин В. И. Речь на митинге в Пресненском районе. 26 июля 1918 г.—Полн. собр. соч., т. 36, с. 535.

и не может ставить перед собой такой задачи в полном объеме. Постановка и решение ее—прерогатива конституции. Регулируя с единых позиций узловые вопросы государственной и общественной жизни, она тем самым определяет характер и общую направленность всего текущего законодательства, влияет на содержание и структуру большинства правовых институтов и норм. Ее положения являются исходными и отправными для всех других актов государства, служат для них как бы руководящим ориентиром, отклонение от которого юридически недопустимо.

Вместе с тем следует также подчеркнуть огромную роль текущего законодательства в решении задач, выдвигаемых конституцией. В текстах некоторых законов и подзаконных актов прямо подчеркивается, что их целью является содействие успешной реализации конституционных принципов и норм.

В этой связи нельзя забывать также следующей особенности конституции: многие ее положения, имеющие общий характер и изложенные в обобщенном виде, объективно нуждаются в определенной детализации и конкретизации,—без этого их регулирующее воздействие серьезно затрудняется, если вообще не прекращается.

Конкретизация и детализация конституционных норм— важная функция текущего законодательства, на осуществление которой направлены многие его акты. Так, Конституция СССР устанавливает основы осуществления и охраны социалистической законности¹. В частности, она содержит общую норму, в соответствии с которой Советское государство, все его органы действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан (ст. 4). Эта норма получает развитие во множестве правовых актов о статусе отдельных государственных органов, а также в актах всех отраслей законодательства. Яркий пример этому ст. 3 закона «О судеустройстве Казахской ССР»².

Акты текущего законодательства, детализирующие и конкретизирующие конституционные положения, служат необ-

¹ См.: Еременко Ю. П. Советская конституция и законность.—Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1982, с. 21 и след.

² См.: Сборник законов Казахской ССР.—Алма-Ата: Казахстан, 1981, т. 2, с. 137—138.

ходимым промежуточным звеном между ними и регулируемы́ми общественными отношениями. Они, во-первых, дают возможность полнее раскрывать смысл, содержание и задачи конкретизируемых и детализируемых конституционных положений, во-вторых, позволяют уяснить пути и способы превращения их в жизнь¹.

Поэтому конституция может быть в полной мере эффективной и действенной лишь тогда, когда ее положения получают необходимое развитие в системе законов и подзаконных актов.

Сказанное, однако, нельзя понимать так, будто без детализирующих и конкретизирующих актов действие конституции невозможно. На самом деле она действует независимо от того, приняты такие акты или нет. Но наличие последних облегчает ее реализацию, создает для этого более благоприятные условия и предпосылки.

Как видим, зависимость конституционного и текущего регулирования является как бы «встречной», взаимной. Оба названных вида регулирования оказывают друг другу содействие в решении стоящих перед ними задач. В ряде случаев их цели перекрещиваются, иногда становясь общими.

Механизм воздействия конституции на текущее законодательство разнообразен. В первую очередь он выражается в создании норм о субъектах правотворчества и о важнейших источниках действующего права. Являясь ведущим государственно-правовым актом, конституция призвана определить круг органов, наделенных правотворческими функциями, и в общем плане урегулировать распределение правотворческой компетенции между ними. Каждая конституция решает эти вопросы по-разному.

Например, если прежде считалось, что единственным законодательным органом в стране является Верховный Совет, то в соответствии с Конституцией СССР 1977 г. не только этот орган выступает субъектом законотворчества: теперь общесоюзные законы могут приниматься также всенародным голосованием (референдумом), проводимым по решению Верховного Совета СССР. Заметно расширен круг общественных отношений, подлежащих регулированию законами.

---

¹ Подробнее см.: Баймаханов М. Т. К вопросу о роли текущего законодательства в обеспечении реализации конституции.—В кн.: Теоретические проблемы реализации Конституции СССР. М., 1982, с. 30—32.

В частности, вместо Положений о выборах в Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных и автономных республик и местные Советы приняты и действуют общесоюзные и республиканские законы по этим вопросам. Узаконена сложившаяся практика внесения в случае необходимости Президиумом Верховного Совета СССР, который наделен законодательными функциями, изменений в действующие законодательные акты СССР; это полномочие может осуществляться в период между сессиями Верховного Совета СССР с последующим представлением принятых решений на его утверждение на очередной сессии. Ряд серьезных изменений внесен Конституцией СССР 1977 г. в систему актов других государственных органов с уточнением их субординации и иерархии. Отдельные источники права (распоряжения местных Советов), показавшие на практике свою нецелесообразность, теперь вообще не предусматриваются в числе форм регулирования общественных отношений.

Все эти изменения в правотворчестве вызваны к жизни назревшими потребностями общественного развития. Будучи закреплены в Конституции СССР 1977 г., они знаменуют собой дальнейшее совершенствование формы текущего законодательства, которая теперь полнее увязана с современной обстановкой и способствует расширению демократических основ правотворчества.

Однако конституция влияет определяющим образом не только на форму, но и на содержание текущего законодательства. Давая варианты решения ряда общих и конкретных проблем государственно-правового строительства, она тем самым ориентирует на соответствующее решение смежных вопросов, которые входят в сферу текущего законодательства. Неслучайно изменение конституции (особенно — существенное) влечет за собой изменение содержания многих правовых институтов и норм, включая и те, которые выходят далеко за пределы дословного воспроизведения ее положений. Например, сразу же за осуществленным в 1977—1978 гг. обновлением всего конституционного законодательства в стране началась большая работа, имеющая целью привести в соответствие с ним все действующее право. В процессе этой работы были отменены акты, противоречащие новым положениям конституции, и внесены необходимые изменения в акты, продолжающие действовать; кроме того, подготовлен и принят ряд новых правовых актов. Мы видим, как изменив-

шиеся с учетом особенностей периода развитого социализма конституционные нормы затем нашли воплощение во всем действующем праве, содержание которого при этом также подверглось существенной переработке.

В свою очередь, текущее законодательство также способствует совершенствованию конституционных норм. Ведь первоначально многие нормативные идеи и принципы закрепляются в актах текущего законодательства. Здесь они «накапливаются», апробируются, получают практическую проверку и обоснование. И лишь по истечении определенного времени они находят закрепление в конституциях. Последние как бы «заимствуют» их у текущего законодательства. Примером такого заимствования могут служить нормативные идеи о трудовых коллективах и их роли в решении государственных и общественных дел: сначала они были сформулированы на уровне текущего законодательства и только после этого нашли отражение в действующем Основном Законе СССР (ст. 8). Со своей стороны, конституционное закрепление данных идей явилось новым мощным стимулом для их дальнейшего развития, результатом которого стало принятие первого в истории человеческого общества закона «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями»¹.

Приведенный факт свидетельствует о том, что на практике трудно провести четкое разграничение между конституционным и текущим законодательством по предмету регулирования. Из числа общественных отношений, регулируемых правом в целом, конституция берет лишь самые важные. При этом она обеспечивает их общее закрепление, оставляя подробную регламентацию текущему законодательству. В силу этого ряд положений конституции дословно воспроизводится в текстах законодательных и подзаконных актов. Возьмем к примеру такую норму: «Деятельность Советов народных депутатов строится на основе коллективного, свободного, делового обсуждения и решения вопросов, гласности, регулярной отчетности исполнительных и распорядительных органов, других создаваемых Советами органов перед Советами и населением, широкого привлечения граждан к участию в их работе» (ч. 1 ст. 94 Конституции СССР). Имея отношение ко всем органам власти, эта норма, естественно,

---

¹ СП СССР, 1983, № 15, с. 78.

должна быть отражена в посвященных им законодательных и подзаконных актах. Поэтому она почти дословно, в соответствующем преломлении к разным звеньям органов власти, воспроизведена в ч. 1 ст. 2 Регламента Верховного Совета Казахской ССР, в ч. 1 ст. 4 закона «Об областном Совете народных депутатов Казахской ССР», в ч. 2 ст. 6 закона «О районном Совете народных депутатов Казахской ССР» и других актах о Советах¹.

Воплощение конституционных положений в систему норм текущего законодательства—процесс творческий; он сопряжен с большими трудностями. Уловить во всей глубине смысл и направленность конституционных норм и разработать всецело соответствующую им систему предписаний более конкретного характера не всегда удается сразу. Иногда поиски адекватных форм затягиваются на долгое время.

В соответствии с решениями ноябрьского (1982 г.) и июньского (1983 г.) Пленумов ЦК КПСС в стране ведется большая работа по укреплению государственной, трудовой и исполнительской дисциплины, усилению организованности и порядка на производстве. Приняты меры по дальнейшему совершенствованию законодательства о трудовой дисциплине. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1983 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР» усилены санкции за нарушения трудовой дисциплины, установлен ряд новых неблагоприятных последствий за такого рода деяния². Все эти нормы полнее соответствуют духу и букве названных выше конституционных положений, теснее связывают их с трудовыми отношениями людей.

До сих пор речь шла преимущественно о соотношении конституционного и текущего регулирования на одном уровне—либо только общесоюзном, либо только республиканском. Но в федеративном государстве эта связь намного усложняется, ибо здесь наряду с горизонтальными действуют еще и вертикальные линии субординации и иерархичности правовых актов. Эти линии перекрещиваются.

Определение оптимальных пропорций соотношения конституционного и текущего регулирования—актуальная задача

---

¹ См.: Сборник законов Казахской ССР, т. 1, с. 65, 185—186, 218, 252, 290.

² Известия, 1983, 16 авг.

теории и практики социалистического правотворчества. Ее успешное решение позволит повысить качество советского права, эффективность его институтов и норм. Действуя согласованно и слаженно, в едином ритме, конституция и текущее законодательство смогут активнее способствовать ускорению экономических, социальных и духовных процессов, совершенствованию важнейших сторон жизни советского общества.

С. З. Зиманов

академик Академии наук КазССР

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА И СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ НАУК

На современном этапе по-новому ставятся и приобретают особо актуальное значение такие общественные ценности и формы, как социалистическая дисциплина и организованность, урегулированность основных связей и отношений, правопорядок. В обеспечении и дальнейшем их укреплении советское право, а следовательно, и правовая наука играют важнейшую роль. Однако признание этого факта недостаточно для утверждения того, что правовая наука на деле выполняет свою такую роль. До этого надо доработаться ей и подняться. Это не означает, что правовая научная мысль недостаточно развивается. Истина в том, что, с одной стороны, практика государственно-правового строительства на этапе совершенствования зрелого социализма выдвигает немало новых, более сложных общих и частных проблем, теоретическое осмысление которых становится настоятельной потребностью. С другой стороны, правовая наука постоянно должна решать собственные внутренние проблемы саморазвития. А они тем больше, чем значительнее задачи, решаемые ею.

Общая теория права, в силу того, что в ее арсенале содержатся обобщающие теоретические формулы правовых явлений, занимает ведущее место в системе правовых наук. Развитие специальных отраслей правового знания во многом связано с развитием общей теории права. Однако эта связь не односторонняя. Специальные правовые науки своим развитием оказывают значительное влияние на содержание общеправовой науки. Механизм связей и взаимообусловленности общей теории права и отраслевых правовых дисциплин

довольно сложен и динамичен. Более или менее ясное представление их места и отношений взаимопределения на современном этапе познания служит интересам правовой науки в целом, дает возможность усилить эффективность ее воздействия на правовую практику.

На первый взгляд может показаться, что постановка проблемы о месте общей теории права в системе правоведения во многом искусственна. В действительности положение гораздо сложнее: неразработанных или слабо разработанных, спорных и запутанных аспектов проблемы немало и становится все больше. А главное — недостаточная познавательная активность в их преодолении и решении уже сказывается отрицательно на практике государственно-правового строительства.

Мы остановимся на освещении двух вопросов, имеющих значение исходного начала и принципиально важных для определения взаимосвязей общей теории права и специальных правовых наук.

Первый вопрос — методологическая роль общей теории права в правовом познании. Известно, что каждая наука в том или ином объеме выполняет частную методологическую функцию, поскольку в ее теориях содержится некий научный подход, метод освоения и познания конкретного явления. Объем и содержание этой функции различны в различных науках и зависят от того, как положен объект познания и насколько глубоко он отражен в теоретической мысли. Отсюда важна не только и не столько констатация методологической роли той или иной области научного знания. Важнее раскрытие этой роли науки применительно к каждой ее отрасли, показ пределов и возможностей ее методологической функции и на этой основе установление реальной взаимосвязи и соотношения универсальной методологии познания и методологии частного познания в теориях отдельных наук.

Место общей теории права в системе правовых наук, в правовом познании вообще во многом определяется ее методологической функцией, объемом, содержанием и эффективностью этой функции. Одно только то, что она является «общей теорией» функционирования права как феномена и целостной системы еще недостаточно для того, чтобы ставить ее на самый верхний этаж правовых наук и объявить в методологическом плане «высшей» инстанцией в правовом познании. Это было бы неверно.

Ряд видных ученых нашей страны считают общую теорию государства и права методологической наукой. С. С. Алексеев еще в начале 60-х годов писал, что «общая теория права—наука методологическая. Опираясь на данные конкретных наук, она вырабатывает понятия, которые затем имеют для них основополагающие значения»¹. Аналогичной точки зрения придерживался проф. Н. Г. Александров. По его мнению, общая теория государства и права по отношению к отраслевым юридическим дисциплинам играет роль «общетеоретической науки, а также методологической науки, конкретизирующей методологию исторического материализма применительно к изучению государственно-правовой надстройки»². А. Ф. Шебанов был одним из самых активных сторонников этого взгляда. Одну из своих статей, предложенную в качестве основного доклада на научной конференции, он озаглавил так: «Общая теория государства и права как методологическая наука». Свое утверждение о том, что общая теория государства и права является «общеметодологической наукой» и в то же время «философской наукой» он обосновал тем, что «она дает научное решение основного гносеологического вопроса применительно к государству и праву»³.

Этот тезис вызвал среди ученых противоречивые отклики. Д. А. Керимов считал, что общая теория государства и права не является и не может являться методологической наукой, что она общетеоретическая наука, имеющая методологическое значение в системе правоведения⁴. А. М. Васильев взял под сомнение обоснованность критики взгляда на общую теорию государства и права как на методологическую науку. По его мнению, уже утвердилось в науке «представление о теории государства и права как о методологической

---

¹ Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права.—М., 1961, с. 171.

² Александров Н. Г. Сущность социалистического государства и права.—М., 1969, с. 12.

³ Некоторые вопросы советской правовой науки.—Кишинев, 1968, с. 45.

⁴ См.: Керимов Д. А. Философские проблемы права.—М., 1972, с. 29—30.

науке по отношению к специальным областям юридических знаний»¹.

Некоторые исследователи вовсе не усматривают различия между понятиями «методологическая наука» и наука, имеющая «методологическое значение». Они считают, что наука, претендующая на методологическую роль в группе социальных наук или имеющая методологическое значение, тем самым становится и методологической наукой в этой системе знания. В то же время от правильного решения этого вопроса зависит многое в определении характера и функции самой науки общей теории государства и права, а также ее места и роли в системе правоправедения.

Мы считаем неправомерным относить общую теорию права (а следовательно, и общую теорию государства и права, составной частью которой она является) к категории «методологическая наука». Познавательная роль теории права ограничена ее теоретическими конструкциями как познанными закономерностями правовой системы. Формирование методов в специальных науках происходит путем образования теории, через теорию. А система теории в общей теории права не содержит ни общих принципов, ни логических процедур познания, тем более—требований и методов научно-теоретического мышления. Ни одна предметная теория не заменит теорию познания диалектики. Так, методы постижения объективной истины при изучении правовых явлений и отображения их такими, какими они являются в действительности (по природе), основанные на восхождении мысли от абстрактного к конкретному, на принципах исторического и логического анализа и освоения правового объекта познающим субъектом как целостной конкретности и как части системы, в которую он входит, и другие методы познавательной деятельности, без которых не может обходиться ни один исследователь-юрист, содержатся в арсенале методологии материалистической диалектики. Эти философские методы не сводимы к методам общей теории права, специальных наук вообще.

Общая теория права не является методологической наукой², но она имеет методологическое значение, точнее теоре-

¹ См.: Васильев А. М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права.—М., 1976, с. 18—19.

² Кроме общетеоретической несостоятельности, признание общей теории государства и права (а следовательно, и общей теории права)

тико-методологическое значение для правоведения. Это не приписка и не связано с наделением ее такой ролью. Это есть свойство теории. Всякая теория, если она подлинная, т.е. выражает истинные закономерности явлений реальности, содержит в себе подход к освоению этого явления и его фрагментов и способы этого освоения. Общая теория права, содержащая в своем теоретическом арсенале познанные законы, принципы бытия и функции правовой системы в целом, содержит специальные правила и способы подхода и освоения правовых норм, их системы и частей, а следовательно, она является наукой в системе правоведения не только общетеоретической, но, вместе с тем и в силу этого, и наукой, имеющей теоретико-методологическое значение. Методологическая роль общей теории права носит частно-методологический, предметно-методологический характер.

Методологический престиж теории права зависит не от того, что в ее природе и структуре заранее заложено методологическое свойство. Методологическое значение теории права находится в прямой связи с ценностью и объемом ее теоретических конструкций. Чем фундаментальнее ее теоретические обобщения и формулы, тем ценнее они в теоретико-прикладном плане и тем активнее сама наука выполняет теоретико-методологическую роль в системе правоведения. Наоборот, чем более беден и неглубок теоретический арсенал общеправовой науки, тем меньше ее методологическое значение для познания правовых явлений.

Следующее, на чем мы хотим здесь остановиться, это — характер и назначение общей теории права. Этот вопрос тесно связан с первым, рассмотренным нами выше, и в то же время имеет относительно самостоятельное значение, поскольку он выражает другой, скорее прикладной уровень определений общеправовой науки и ее связь с отраслевыми правовыми знаниями.

Авторы многотомного курса, подготовленного Институтом государства и права АН СССР, считали, что общая теория государства и права по отношению к другим юридическим дисциплинам выполняет «направляющую роль», имеет «руководящее», «определяющее значение»¹. Такой взгляд прово- методологической наукой на практике ведет к ослаблению внимания ученых к методологии, данной в материалистической диалектике, и к философским и методологическим проблемам самой правовой науки.

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия.— М., 1970, с. 55—56.

дился и стал доминирующим в ряде других работ. П. Е. Недбайло также признавал «руководящее значение для всех других юридических наук» общей теории государства и права¹. А. М. Васильев, признавая общую теорию государства и права «теоретической базой» изучения другими юридическими науками проблем правоведения, делал особый акцент на то, что она является «фундаментальной наукой правоведения»².

Следует отметить, что «руководящая роль» общей теории права в системе специальных правовых дисциплин, как правило, связывается с ее функцией как методологической науки и как науки, содержащей общетеоретическое знание о праве в целом. Нам представляется, что такая связь искусственна, навязана, а сам тезис о «руководящей роли» общей теории права в системе правовых наук далеко не бесспорен.

При характеристике места и роли общей теории права в системе правоведения, как и любой общетеоретической дисциплины в системе науки, употребление таких выражений, как «руководящая роль» или «направляющая роль» не проясняет существо вопроса, а, наоборот, затрудняет и даже искажает смысл и назначение науки. Если общая теория права «руководит» отраслевыми правовыми науками и всей познавательной работой в них, «направляет» их, то такие свойства и роль следует признать за принципами, понятиями и категориями, которые разработаны общей теорией права и из которых она состоит. Сказать, например, что теория о нормах права или теория о правовых отношениях «руководит» разработками, ведущимися в отраслевых дисциплинах о нормах права или правовых отношениях в рамках этих частных дисциплин или «направляет» их, несуразно. Другое дело, что они имеют общетеоретическое, основополагающее, частнометодологическое значение при разработке отраслевых, частных вопросов права.

«Неудобство» приписывания общей теории права «руководящей роли» в системе правовых дисциплин заключается

¹ Недбайло П. Е. Введение в общую теорию государства и права.— Киев, 1970, с. 38.

² Васильев А. М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий права.— М., 1976, с. 29; Теория государства и права: Учебник для вузов/Под ред. проф. А. М. Васильева—М., 1977, с. 10.

еше в том, что по смыслу этого понятия под ее контроль, руководство переходит все в научном построении—его формы и содержание, сущность и бытие, его схема и структура, словом, сверху до низу. И тем самым общетеоретические правовые концепции из двигателя и стимула частнотеоретических разработок превращаются в их оковы, в ограничителя творческой мысли в специальных правовых науках. На самом деле, любая общая теория, в том числе общая теория права, раскрывает общие закономерности, общие принципы, управляющие данным явлением, овладев и вооружившись которыми ученый берется за изучение многообразия форм этого явления. При этом часто общетеоретические формулы проверяются на практике на истинность и эффективность; они обогащаются этой практикой, уточняются, совершенствуются и нередко даже опровергаются. При «руководящей роли» этих общих формул такие действия затруднены и маловероятны.

В других науках, как естественных, так и общественных, общетеоретическая область знания, как правило, называется «фундаментальной», «основополагающей» наукой по отношению к специальным, отраслевым наукам, входящим в единую область знания. В отношении даже таких наук, как марксистско-ленинская философия в целом, диалектический материализм или исторический материализм не говорят о «руководящей» или «направляющей» их роли в системе познания, хотя она в этом действительно глобальна.

Общей теорией права можно вооружаться и руководствоваться при изучении частных форм явления, к которому она относится. Но «руководящая роль» общей теории звучит как требование, как жесткая мера познавательного поведения, что недопустимо в такой области деятельности, как познание. От признания «руководящей» роли общей теории права легко скатиться к признанию ее как «философской» и «методологической» науки, как конкретной модификации диалектики.

Принятие тезиса о «руководящей роли» общей теории права так или иначе может привести к тому, что ее выводы и теоретические конструкции будут играть роль общих критериев, определяющих истинность положений специальных и отраслевых правовых наук. Говоря иначе, значения частных правовых наук приобретут статус научности только тогда, когда они станут соответствовать концепциям общей теории

права. Это означало бы выведение знания из готовых понятий, вместо получения его в результате анализа самого жизненного явления, или подведение знания под эти понятия. Нарушился бы один из важнейших принципов диалектического метода, предписывающий в процессе исследования раскрывать логику самой вещи, самого явления и отражать ее в логике знания.

Важно отметить и другое обстоятельство. Слабое знание общей теории права, а иногда—представление о возможности обходиться частнотеоретическими конструкциями, составляющими общую часть каждой специальной правовой дисциплины, без обращения к знаниям общей теории права, так или иначе приводит к проблемным выводам и решениям. За примерами далеко ходить не надо. Укажем лишь на некоторые: а) в отдельных принятых важных законодательных актах последнего времени, в составлении которых принимали активное участие «отраслевники»—специалисты права, значительное место отведено общим декларативным положениям, призывам и наставлениям, а сами нормы, имеющие властно-конструктивное значение, оказались отодвинутыми на второй план. Это, разумеется, результат недостаточной общетеоретической правовой подготовки тех юристов, которые отвечали за этот участок в законоположениях; б) с «санкции» и одобрения ученых-специалистов в последние годы кое-где проводилась массовая проверка документов граждан, оказавшихся в общественных местах, сопряженная с временным их задержанием, незаконность и недопустимость которого с точки зрения теории очевидна; в) в некоторых новых актах об административной ответственности заметно одностороннее увлечение установлением высокой штрафной системы как основного метода борьбы с правонарушениями. Таковым, например, является акт об административной ответственности за нарушение правил уличного движения и др.

Многих из указанных пробелов в разработках и рекомендациях, выполняемых учеными-юристами в специальных областях правового знания, могло и не быть, если бы мы в достаточной степени обеспечили смычку и взаимное дополнение общей теории права и отраслевых правовых дисциплин.

С. Н. Сабикенов
кандидат юридических наук

ОСОЗНАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОТВОРЧЕСТВА

В условиях социализма, а тем более его развитой стадии, роль и значение правотворчества все более возрастают. Это определяется теми основными задачами, которые стоят перед социалистическим государством в современный период. Цель правотворческой деятельности государства развитого социализма—создание и поддержание целостной, стабильной системы права, адекватно отражающей законы общественного развития, проникнутой едиными принципами и выражающей интересы и волю всего советского народа. Следует иметь в виду, что от степени познания правотворческими органами объективно существующих законов общественного развития и правильности отражения их в правовой норме зависит эффективность действия права.

В связи с этим во многих исследованиях заостряется внимание на объективной обусловленности деятельности государства по созданию правовых норм и ее соответствии требованиям законов общественного развития¹.

Однако, каким образом, через какой механизм или какие опосредствующие звенья проявляются объективно существующие законы общественного развития в процессе правообразования вообще, правотворчества в частности, пока еще остается не выясненным.

Социалистическое правотворчество есть сознательная деятельность органов государства и общественных организаций, направленная на создание, изменение и отмену правовых норм, а также на эффективное претворение в жизнь политики Коммунистической партии. Но «политика партии,— как отмечалось на XXIV съезде КПСС,—приносит нужные результаты тогда, когда она точно учитывает как интересы всего народа, так и интересы составляющих его классов и социальных групп, направляет их в одно общее русло»². Поэтому своевременное познание, выявление, правильный учет и согласование интересов всего советского общества, дру-

¹ См., например, Керимов Д. А. Философские проблемы права.—М., 1972, с. 375; Научные основы советского правотворчества.—М., 1981, с. 10, 66—67; и др.

² Материалы XXIV съезда КПСС.—М., 1971, с. 172.

жественных классов—рабочего класса и колхозного крестьянства, различных социальных групп, коллективов трудящихся и отдельных индивидуумов—необходимая предпосылка научно обоснованного, целесообразного и эффективного правотворчества.

В процессе правотворчества необходимо раскрыть те существенные причинно-следственные связи, которые характеризуют действие этих законов, найти конкретные формы проявления законов во всем их многообразии. Научный анализ механизма действия законов в процессе правотворчества означает выявление конкретных форм, при помощи которых осуществляется реализация объективно необходимых отношений, составляющих сущность закона в деятельности людей. Важнейшей из этих форм, на наш взгляд, является категория интереса¹.

Социальные интересы, нашедшие свое отражение в праве, выражают направленность экономических и социальных законов, силу и широту их действий, степень заинтересованности масс в их осуществлении.

Реально существующий интерес, как объективное отношение классов, групп и индивидуумов к тенденциям общественного развития, является важнейшим средством осуществления объективных законов.

Одна сторона этого отношения выступает как объективная возможность, ставшая содержанием интереса. Другая же—законодатель, который познает, оценивает данную возможность с точки зрения ее значения для коллектива, социальных групп, государства, общества и т. д. Таким образом осознанный интерес как важнейший стимул заключает в

¹ Говоря о неопределимом методологическом значении категории интереса для правильного понимания специфики исторического процесса, проф. Д. И. Чесноков указывает, что «понять механизм действия объективных социологических законов развития общества... можно лишь учитывая место и роль такого фактора, как интерес» (Чесноков Д. И. Исторический материализм.—М.: Мысль, 1965, с. 127). Такого мнения придерживаются и другие авторы: Вишневский С. С. Интересы и управление общественными процессами.—В кн.: Научное управление обществом.—М.: Мысль, 1967, с. 175; Ермолаев И. Д. Законы развития общества и строительство коммунизма.—М.: Мысль, 1974, с. 8—9; Гончарук С. И. Законы развития и функционирования общества.—М.: Высшая школа, 1977, с. 29; Василек М. А. Механизм действия и использования политических закономерностей в развитии социалистического общества.—Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, с. 78; Зеркин Д. П. Объективные законы общественного развития и политика.—М.: Мысль, 1982, с. 61—62; и др.

себе сознательное отношение законодателя к объективной возможности, к тенденции общественного развития, а также к тем объектам, которые порождаются в результате реализации этой возможности. Трудно согласиться с Е. А. Лукашевой, которая полагает: «Для правотворчества интерес— категория общественного правового сознания. Он представляет собой определенную направленность правовых идей, представлений, настроений, возникающих из осознания объективных потребностей общественного развития и ставящих перед собой задачу—придать правовую общеобязательную форму общественным отношениям, имеющим особое значение для осуществления целей класса или общества в целом»¹. Наоборот, для правотворчества категория интереса имеет значение прежде всего как объективное явление, как форма проявления в деятельности субъектов социальных и экономических законов общественного развития. Интерес—не элемент правового сознания в силу того, что он, являясь объектом правового отражения, выступает как внешняя по отношению к правотворческой деятельности объективная реальность. Интересы осознаются в процессе осуществления правотворческой деятельности государства и закрепляются в соответствующих правовых актах. Найдя свое отражение в правовом сознании, а затем закрепившись в соответствующей правовой норме, они остаются вне правовой сферы, не превращаются в правовые явления. Та или иная норма права, созданная в результате правотворческой деятельности, представляет собой социально-правовую модель интересов соответствующих социальных форм образований. В связи с этим правотворческие органы государства познают закономерности общественного развития через определенный механизм (интерес), стремясь при этом нейтрализовать нежелательные и вредные для общества последствия объективного развития и т.д.

Поэтому процесс познания и осуществления закономерностей общественного развития не может не опосредствоваться интересами общества, классов и индивидуумов. И поскольку процесс их познания происходит через интересы, отношение законодателя к этим закономерностям приобретает свойство избирательности, целеустремленности, и он выде-

---

¹ Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность.— М., 1973, с. 175.

ляет из всей совокупности явлений общественного развития ту часть, которая в данный момент отражает наибольший интерес государства, общества, коллектива и т.д.

Деятельность органов государства и общественных организаций по созданию правовых норм можно считать целесообразной лишь тогда, когда они познают объективные условия и действующие на их основе законы, когда они используют эти закономерности в своих интересах.

Правильно отмечает Д. А. Керимов, что «чем глубже и полнее познана законодателем действительность и объективные законы ее развития, тем большей степени свободы достигнет в правотворчестве, тем с большим эффектом будет осуществляться правовое регулирование общественных отношений»¹.

При социализме законодатель должен считаться с реальными возможностями, вытекающими из объективных условий. Всякая попытка перескочить через этапы общественного развития приводит к тому, что правовой норме придаются такие цели, которых нельзя практически достичь в данных условиях. В силу этого результативность или же эффективность их могут быть прямо противоположны задуманному законодателем при их создании. В этой связи Е. А. Лукашева справедливо отмечает: «Отставание от назревших потребностей экономического развития, равно как и забегание вперед, стремление перескочить через какой-либо этап развития лишают право его действенной, активной роли, обрекают на пассивность и бездействие»².

Так, в прошлом основная причина неудачи законодательных актов по ограничению личного подсобного хозяйства—размеров приусадебных участков колхозников, норм содержания скота и т.д. заключалась в недостаточном учете объективных условий развития социалистического общества, в неадекватном познании соответствующих социальных интересов, неглубоком, поверхностном, торопливом изучении их диалектического соотношения, а также в стремлении разрешить все проблемы волевыми, административными методами и т.д. Субъективизм проявлялся также в попытках не считаться с законом стоимости при определении цен на про-

---

¹ Керимов Д. А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе.—М., 1960, с. 20.

² Лукашева Е. А. Указ. соч., с. 172.

дукты, в игнорировании личной и коллективной материальной заинтересованности в развитии производства, а также в повышении заработной платы без учета объективного экономического требования опережающего роста производительности труда.

Коммунистическая партия, учитывая уроки прошлого, ориентирует правотворческие органы государства на необходимость прежде всего всестороннего познания и правильного учета реальных возможностей, вытекающих из объективных условий общественного развития. В общественной жизни причиной проявления элементов субъективизма и волюнтаризма являются не только игнорирование или недостаточный учет объективных условий. Они становятся возможными там, где нарушаются принципы коллективного руководства, социалистической демократии, социалистической законности. Поэтому обеспечение научно обоснованного правотворчества тесно связано с последовательным осуществлением ленинских норм партийной жизни, с дальнейшим совершенствованием и развитием социалистического демократизма. Эти проблемы занимают важное место в решениях ноябрьского (1982 г.) и июньского (1983 г.) Пленумов ЦК КПСС.

Исторический опыт развития социалистического правотворчества свидетельствует, что в каждом отдельном случае нарушения научных критериев при определении правильности осознания социальных интересов и точности отражения их в праве, последнее не могло выступать средством дальнейшего совершенствования социалистических общественных отношений, а, наоборот, тормозило их. Поэтому подлинное научное познание интересов всех социальных уровней и закрепление их в соответствующих правовых нормах есть важнейшее условие социальной эффективности социалистического права.

Познание социальных интересов—это лишь исходный момент в деятельности правотворческих органов государства. Управление общественными процессами посредством правовых норм должно опираться на выяснение противоречий интересов различных уровней, учитывать, использовать их как важный фактор совершенствования действующей системы права.

Как свидетельствует практика социалистического и коммунистического строительства, именно противоречия являются источником развития, а поэтому игнорирование их неизбежно наносит серьезный ущерб общественному развитию и может привести к кризисным ситуациям. Так, например, IX Чрезвычайный съезд ПОРП, анализируя причины политических и экономических кризисов, имевших место в Польше в 1980—1981 гг., отмечал, что в их основе лежало отсутствие четкой концепции разрешения противоречий, возникавших в социально-экономических отношениях в течение всего тридцатилетия¹.

Поэтому советское правотворчество должно служить не только обеспечению данного состояния общественных, коллективных и личных интересов, но и своевременному, правильному разрешению противоречий, могущих возникнуть в результате появления новых объективных потребностей и интересов.

Основным средством, при помощи которого правотворческие органы познают и всесторонне используют многообразные интересы как стимулы поведения людей в правовой сфере, являются данные естественных и общественных наук. С изменением социальной и экономической обстановки в стране, по мере ее продвижения вперед по пути социального развития, утрачивают значение некоторые прежние интересы и их место занимают новые, соответственно меняются принципы взаимоотношений общества и личности, государства и гражданина. Однако этот процесс не автоматический, а творческий. В его осуществлении большая роль принадлежит правовой науке. Именно на ее основе обеспечивается нормальное функционирование правовой основы государственной и общественной жизни общества как единого целого, осуществляются наиболее целесообразные взаимоотношения и связи между его составными частями, удовлетворяются интересы и потребности трудящихся.

В результате соответствующих научных рекомендаций разрабатываются оптимальные, комплексные планы правового развития страны, своевременно вскрываются реальные противоречия, неизбежно возникающие в процессе совершенствования развитого социализма, и намечаются меры для разрешения этих противоречий в интересах общества и

¹ Nowe drogi, 1981, № 8, с. 117.

личности, государства и гражданина¹. В современных условиях задачами правовой науки являются: разработка вопросов, способствующих более точному отражению в правовых решениях требований основных экономических и социальных законов социализма. При этом прогностическая ценность научных правовых рекомендаций тем выше, чем точнее они отражают не только данное состояние интересов различных уровней социальной организации общества, но и закономерную, основную тенденцию их развития.

Правовая наука, изучая и выясняя закономерные связи и отношения интересов субъектов права, тем самым не только четко определяет свои принципиальные исходные позиции, но и показывает активный характер советского законодательства в реальном обеспечении и во всестороннем удовлетворении этих интересов.

Важность такого теоретического исследования заключается в том, что характеристика связи различных интересов в праве как закономерной указывает, какие правовые факторы, стимулы можно использовать для того, чтобы получить ожидаемые результаты.

Изучая причину правонарушений и раскрывая конкретные формы закономерной зависимости между социальной средой и личностью, социальным и психофизическим, убеждением и принуждением и т.д., юридическая наука разрабатывает рекомендации, осуществление которых позволит путем воздействия на эти причины и условия добиться устранения всяких правонарушений, а тем самым—столкновений различных интересов.

Для правильного познания социальных интересов и наиболее адекватного отражения их в соответствующих право-

---

¹ Конечно, степень использования законодателем средств научного познания, достижения науки, в том числе и юриспруденции,—как правильно отметил А. Нашиц,—зависит от позиции самого законодателя, от того, насколько представляемые им общественные интересы позволяют ему опираться на научное познание действительности, насколько эти интересы заставляют его видеть в адекватном отражении этой действительности необходимую цель правотворческой деятельности (Нашиц А. Правотворчество: Теория и законодательная техника.—М.: Прогресс, 1974, с. 83—84).

вых актах органы советского государства в своей законодательной деятельности также опираются на результаты конкретно-социологических исследований¹.

Конкретно-социологические методы исследования используются также и при определении степени результативности или эффективности действующих в обществе правовых норм. Материалы проводимых конкретно-социологических исследований позволяют разработать рекомендации по дальнейшему совершенствованию правового регулирования социально-экономических общественных отношений.

Чрезвычайно важную роль в обеспечении научно обоснованной деятельности государства по выработке и принятию правовых норм играет также учет динамики действия социальных интересов. Это объясняется тем, что социалистическое общество, как полиструктурная система общественных отношений, представляет собой постоянно функционирующий и развивающийся социальный организм. Это, естественно, накладывает обязанность на директивные органы строить программу действий с учетом предполагаемых изменений в развитии действующих в обществе социальных интересов. Именно поэтому В. И. Ленин призывал все социальные явления рассматривать «не в статическом, а в динамическом виде...»².

Все это указывает на то, что законы о государственном плане социального и экономического развития страны, как текущие, так и перспективные, должны носить подлинно научный характер, основываться на реальных и объективных расчетах и быть в достаточной степени мобильными. «Нельзя ускорить то,—указывал В. И. Ленин,—для чего еще не созрели исторические условия»³. Но нельзя также и отставать от хода событий. «Мы не можем удовлетвориться тем, чтобы наши тактические лозунги ковыляли вслед за событиями, приспособляясь к ним после их совершения. Мы должны стремиться к тому, чтобы эти лозунги вели нас вперед, осве-

¹ О возможности применения конкретных социально-правовых исследований для выявления особенностей интересов специфических групп в сфере управления производственным коллективом см.: Управление, социология, право.—М.: Юрид. лит., 1971, с. 154—156.

² Ленин В. И. Карл Маркс: Краткий биографический очерк с изложением марксизма.—Полн. собр. соч., т. 26, с. 77.

³ Ленин В. И. Оппортунизм и кризис II Интернационала.—Там же, т. 27, с. 117.

щали нам дальнейший путь, поднимали нас выше непосредственных задач минуты»¹. Те или другие задачи государственного, хозяйственного и культурного строительства должны выдвигаться и решаться по мере подготовки и вызревания материальных и духовных предпосылок. Это означает, что всякая правовая норма, выражающая интересы общества в целом или его отдельных звеньев и частей, должна представлять динамическую модель, соответствующую требованиям общественных законов. Каждая такая модель должна строиться на полной и достоверной информации, правильно отражающей объективные интересы как общества, так и личности, а также субъективные возможности их реализации. Примером такого подхода к выработке политико-правовых актов на данном этапе служит ныне реализуемый пятилетний государственный план социального и экономического развития СССР, где все важнейшие социально значимые интересы в достаточной степени обоснованы и увязаны между собой.

В условиях развитого социализма, в связи с происшедшими огромными изменениями во всех сферах общественной жизни деятельность правотворческих органов государства значительно активизировалась. Она осуществляется в направлении все более полного и всестороннего отражения, удовлетворения назревших потребностей и интересов социальных субъектов. В этот период для правотворческого процесса стали наиболее характерными такие черты, как возрастание руководящей роли Коммунистической партии в осуществлении правотворческой деятельности государства, широкий демократизм, плановость, научная обоснованность и гибкость процессуальных форм ее осуществления. Такой характер правотворческого процесса всегда предохраняет от принятия каких-либо необдуманных, поспешных правовых актов. Он позволяет адекватно отражать объективные закономерности общественного развития и определять в соответствии с ними общее направление этой деятельности. Именно этим объясняется в современных условиях повышение социальной эффективности советского права, небывалый рост активности и сознательности масс в процессе его осуществления.

---

¹ Ленин В. И. Революция учит.— Полн. собр. соч., т. 11, с. 141.

С. Сартаев

член-корреспондент Академии наук КазССР

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СВЕТЕ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ СССР

Изучение практики строительства и развития национальных республик и конституционного статуса союзных республик в свете новой Конституции СССР и новых конституций союзных и автономных республик представляет большой научный и практический интерес. Новая Конституция СССР и конституции союзных и автономных республик уделяют большое внимание государственно-правовым вопросам национально-государственного строительства, общей характеристике национальных республик, вопросам государственного суверенитета, национальному языку и делопроизводству в национальных республиках и в целом общей характеристике правового статуса союзных республик.

Когда речь идет о конституционном статусе союзной республики, имеется в виду ее государственно-правовое положение в едином многонациональном государстве, взаимоотношения ее высших органов государственной власти с соответствующими органами Союза ССР, формы ее участия в решении вопросов, отнесенных к ведению Союза ССР, правосубъектность союзных республик в международных отношениях. Поэтому из этого комплекса вопросов мы рассмотрим лишь некоторые.

Конституция каждой союзной республики в главе, посвященной политической системе, дает общую характеристику республики, а именно, что данная республика есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся республики всех национальностей. Такая характеристика национальной государственности дается впервые. Новаторский характер этой емкой, четкой формулировки заключается и в том, что союзные (автономные) республики, оставаясь национальными по форме, названы общенародными, что отвечает их сущности, социальной базе.

Социалистическое государство в целом и национальные республики в частности, являясь важными структурными элементами политической системы развитого социализма, находят свое динамичное выражение в постоянном развитии

социальной базы государства до уровня всего общества. Именно это обстоятельство дало возможность сделать важный вывод о том, что социальную основу СССР, союзных и автономных республик составляет нерушимый союз рабочих, крестьян и интеллигенции.

Общенародное государство способствует дальнейшему усилению социальной однородности общества—стиранию классовых различий, существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, всестороннему развитию и сближению всех наций и народностей. Усиление социальной однородности общества, господство социалистических форм собственности привели к построению развитого социалистического общества в СССР, в каждой союзной (автономной) республике. В социалистическом общенародном государстве сложился присущий развитому социалистическому обществу советский образ жизни, т.е. определенные условия, социальные, моральные и политические формы жизнедеятельности, которые сформировались и развиваются под руководством рабочего класса и его авангарда—Коммунистической партии Советского Союза. Определяемые самим характером социалистического общенародного государства, эти формы, в свою очередь, создают все условия для укрепления и дальнейшего развития зрелого социалистического общества.

Новая Конституция СССР и новые конституции союзных республик указывают, что политическим выражением, политической формой полной и окончательной победы социализма, заключающейся в стирании граней между классами и создании все большей социальной однородности общества, является перерастание государства диктатуры пролетариата в общенародное государство.

Развитое социалистическое общество в нашей стране характеризуется серьезными изменениями в области национальных отношений. Партия взяла курс на дальнейший экономический и культурный расцвет советских республик, еще более тесное и всестороннее сближение наций. Национальная государственность в условиях общенародного государства не только не предполагает государственного обособления отдельных народов, проведения между ними политических и экономических барьеров, а, наоборот, является политическим средством, усиливающим их дружбу, единство, политические и экономические связи, интернациональные начала в органи-

зации и функционировании государственных органов. Ибо в Советском Союзе под руководством Коммунистической партии построено социалистическое общество, отношения в котором характеризуются растущим социальным, политическим и моральным единением и сближением социальных слоев, юридическим и фактическим равенством всех наций и народностей. Высокая степень зрелости национальных взаимоотношений свое историческое выражение нашла в рождении новой исторической общности людей—Советского народа, каждому представителю которого присуще чувство общенациональной гордости.

Союзная республика—общенародное по сущности, национальное по форме суверенное социалистическое государство, равноправный член Союза ССР и субъект международных отношений.

В условиях развитого социализма одни союзные республики, такие, как Армения, Грузия стали общенародными государствами, оставаясь по своей национально-демографической структуре по существу однопациональными, а другие, например, Казахская ССР и Киргизская ССР—многонациональными. Но в основе всех общенародных государств в рамках национальных республик лежат такие основополагающие принципы, как дружба рабочих, крестьян и интеллигенции, советский патриотизм и социалистический интернационализм.

Общенародное государство и в рамках СССР, и в рамках национальных республик прежде всего показывает расширение социальной базы социалистического государства до уровня всего общества. Оно выступает как политический институт развитого социалистического общества, где нации и народности, все классы и социальные группы имеют общую марксистско-ленинскую идеологию, общие коренные интересы и идеалы, объединяемые общенациональной гордостью советского человека.

Социалистическое общенародное государство есть политическая организация народа, которая определенной системой общественных отношений, а также учреждений обеспечивает развитие социалистической демократии.

На современном этапе развития зрелого социалистического общества и его политической формы—общенародного государства—еще существуют определенные проблемы, связанные с развитием и правовым статусом союзных республик.

Поэтому в Программе нашей партии указывается, что следует «...полностью использовать и совершенствовать формы национальной государственности народов СССР»¹. Новые Конституции союзных республик свидетельствуют о выполнении этого программного требования. В этой связи следует заметить, что говорить, как это делают некоторые, о ликвидации отдельных национальных республик на том основании, что они стали многонациональными, что нации, давшие имя республике, ныне не представляют компактного большинства,—значит либо не понимать существа нашей национальной политики, либо намеренно пытаться исказить ее суть.

В материалах майского (1977 г.) Пленума ЦК КПСС и седьмой внеочередной сессии Верховного Совета СССР девятого созыва со всей очевидностью показано, что национальные формы государственности не исчерпали своей возможности и они должны получить дальнейшее развитие. Мы за централизованное унитарное государство. Но эта проблема не требует ни искусственного подталкивания, ни задерживания. Марксизм-ленинизм считает государство, в том числе и социалистическое, выступающее в национальной форме, исторически преходящим явлением. Для перехода в безгосударственное, безнациональное состояние в условиях победы коммунизма требуется полное развитие как наций, так и национальных социалистических государств с их неотделимым свойством—суверенитетом.

Коммунистическая партия Советского Союза полностью поддерживает и отстаивает принцип суверенитета во взаимоотношениях Советского Союза как с другими малыми и большими государствами, так и с союзными социалистическими республиками.

Каждая союзная республика является суверенным социалистическим общенародным государством и, как составная часть суверенной социалистической федерации, обладает подлинным государственным суверенитетом. Суверенитет характеризуется и отличается неограниченностью, единством и нераздельностью. Неограниченность суверенитета—это полновластие и независимость государства в осуществлении всех прав и полномочий, в установлении ему угодного пра-

---

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза.—М.: Политиздат, 1974, с. 114.

вопорядка. Единство и нераздельность государственного суверенитета означает возможность его осуществления целой системой высших органов государственной власти. Суверенитет каждой союзной республики имеет черты, свойственные суверенитету Союза ССР,—отрицание любой из них равносильно отрицанию государственного суверенитета союзной республики. Эти черты получают свое наиболее яркое юридическое подтверждение в наличии права союзной республики вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций, а также свободно выходить из состава СССР. Эти права закреплены в конституционном порядке.

Процесс социалистического и коммунистического строительства вызывает интенсивную миграцию населения, в результате которой каждая советская республика становится многонациональной. Особенно примечателен в этом отношении Казахстан: для освоения несметных богатств приезжают и оседают на его земле представители разных национальностей нашей страны. Поэтому государственный суверенитет здесь олицетворяет суверенитет новой многонациональной общности, какой выступает народ Казахской ССР. Таким образом, в условиях Казахской республики складывается принципиально новый по смыслу государственный суверенитет, опирающийся на социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность, на орудия и средства производства. Он выступает не только как выражение государственной воли казахского народа, но и как орудие осуществления единой и общей воли всех народов, населяющих республику.

Новая Конституция СССР и конституции союзных и автономных республик в той или иной степени уделяют внимание вопросам национального языка в государственной жизни. Имеются в виду ст. 34, 36 и 159 Конституции Казахской ССР и соответствующие статьи конституций союзных и автономных республик, в которых речь идет о равенстве языков, возможности пользоваться родным языком, праве ведения судопроизводства на языке союзной или автономной республики, автономной области, автономного округа или большинства населения данной местности. Следует заметить, что некоторые конституции союзных и автономных республик

пошли еще дальше в этих вопросах. Так, Конституции Белорусской ССР и Казахской ССР в главе о суде и арбитраже указали, что судопроизводство ведется соответственно на языке коренного населения или на русском языке, или языке большинства населения данной местности.

Примечательно, что некоторые конституции союзных и автономных республик указывают на государственные языки. Речь идет о Конституциях Азербайджанской, Армянской, Грузинской союзных республик и Конституциях Абхазской и Аджарской автономных республик, в которых указывается, какой язык является государственным и как обеспечивается национальным меньшинствам употребление родного языка.

Главной и важнейшей юридической гарантией и основой развития социалистического общества и государства является Конституция развитого социализма. В ней сказано, что руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза.

Нет сомнения в том, что политическая значимость, государственно-правовое содержание, социальная направленность новой Конституции в плане теории научного коммунизма, теории государства и права будут исследоваться многие годы нашими юристами, социологами, философами, экономистами и историками.

А. Е. Еренов

член-корреспондент Академии наук КазССР

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРИРОДЫ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXVI СЪЕЗДА КПСС

Природа — единственно возможная среда для существования человека. Это подлинная сокровищница ценнейших богатств, необходимых для роста материального производства и повышения благосостояния народа, источник эстетического и творческого вдохновения.

Под окружающей средой подразумевают определенную совокупность природных явлений, с которыми люди осуществляют взаимодействие. С одной стороны, в этом кругообороте люди воздействуют на природу, так или иначе изменяют ее, с другой—они сами подвергаются изменениям в процессе ее преобразования, происходит взаимодействие общества и природы.

Советское социалистическое государство обладает богатым арсеналом средств, обеспечивающих охрану природы, к их числу относится советское право. Это важный регулятор отношений, складывающихся в процессе природопользования и охраны природы. Оно служит действенным инструментом проведения в жизнь политики партии и правительства в этой области.

В свете требований XXVI съезда КПСС в области охраны природы возрастает роль правовой науки, призванной способствовать повышению действенности, эффективности юридических средств борьбы за оздоровление окружающей среды. Отсюда возникает задача огромной важности: смягчить и максимально уменьшить отрицательное влияние на природу индустриального развития, способствовать восстановлению темпов самоочищения природной среды и позаботиться об умножении природных богатств. Стержень этой задачи—правовое обеспечение рационального использования комплекса природных ресурсов. Идея надлежащей охраны природы принадлежит В. И. Ленину. Еще в обращении «К населению» по случаю победы Великой Октябрьской социалистической революции он призывал: «Берегите, храните как зеницу ока, землю...»¹.

Первый знаменитый декрет Советской власти—декрет «О земле» был разработан им самим. Ленинская забота об охране земли в равной мере относится ко всем другим природным ресурсам. Декреты о лесах, недрах и многие другие важнейшие акты Советской власти в этой области были подготовлены по его инициативе. Достаточно сказать, что при жизни Владимира Ильича опубликовано множество декретов и других распоряжений природоохранительного содержания, из которых не менее 90 подписаны лично вождем. Это ленинское наследие и поныне служит теоретической базой для обеспечения охраны природы.

Коммунистическая партия и Советское правительство рассматривают охрану природы кровным делом советского народа. Это отражено в материалах съездов партии и Пленумов ЦК КПСС, важнейших актах Советской власти. Принцип бережного отношения к природе возведен Конституцией СССР в ранг важнейшей общенародной задачи. Например, ст. 67 гласит: «Граждане СССР обязаны беречь природу, ох-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 67.

ранять се богатства». В ст. 18 записано: «В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства богатств и улучшения окружающей человека среды».

Неоценимую роль в деле обеспечения охраны природы играют решения XXVI съезда КПСС, а также ноябрьского (1982 г.) и июньского (1983 г.) Пленумов ЦК КПСС. Работа по претворению в жизнь этих решений приобрела в нашей стране широкий размах. Пути их реализации определены в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Например, предстоит усилить внимание к сохранности сельскохозяйственных угодий, повысить темпы рекультивации земель. Необходимо комплексно осваивать месторождения полезных ископаемых, больше заботы проявлять о чистоте и полноводности рек и озер. В целях сокращения выбросов вредных веществ в атмосферу следует совершенствовать технологические процессы, транспортные средства. Намечается осуществление мер, направленных на увеличение численности диких животных, воспроизводство ценных рыб, усиление охраны лесов от пожаров, защиты от вредителей и болезней.

Таким образом, от ленинских декретов об охране природных ресурсов и их рациональном использовании до XXVI съезда КПСС пролегал эпоха грандиозных перемен. Среди них меры, направленные на обеспечение надлежащей охраны природы и рационального природопользования. Они обусловили выработку партией и правительством нового подхода, новой линии, которую можно было бы назвать экологической политикой¹.

Одной из составных частей этой политики является выработка правовой основы обеспечения охраны окружающей человека природной среды. За годы Советской власти накоплен богатейший опыт по созданию действенного природоохранительного законодательства.

Развитие Советского природоохранительного законодательства характеризуется, на наш взгляд, двумя крупными этапами.

¹ См., например, *Колбасов О. С. Природа—забота общая.*—М., 1982, с. 15.

Первый из них охватывает период с 1917 г. до конца 30-х годов. На этом этапе цель законодательства—преобразование старых общественных отношений в области природопользования и выработка правовых основ охраны природы в ходе социалистического строительства. В основе его лежал отраслевой принцип, в соответствии с которым каждый природный ресурс охранялся самостоятельным законом. Охрана всего природного комплекса предусматривалась Конституцией победившего социализма.

Второй этап развития природоохранительного законодательства — конец 50-х и начало 60-х годов—обусловлен утверждением зрелого социализма и необходимостью подведения правовой базы под развернутое коммунистическое строительство, борьба за экономию и бережливость в эксплуатации природной среды. Вместе с тем продолжала иметь место охрана каждого природного ресурса в отдельности¹. Конституция СССР 1977 г. юридически закрепила новую экологическую политику партии и правительства и создала добротный фундамент для дальнейшего совершенствования природоохранительного законодательства.

Итак, как общегосударственная задача, охрана природы основывается на долговременной программе мер по широкому развертыванию движения за реализацию решений XXVI съезда партии в этой области. Успех обеспечивается внедрением плановых начал в процесс эксплуатации и охраны природных ресурсов. Особенно это относится к достижениям научно-технического прогресса, так как, наряду с внедрением новых методов производства, технологических процессов, происходит перевооружение объектов охраны новой техникой и это предполагает совершенствование управления процессом охраны природы.

Именно управление обеспечивает неукоснительное соблюдение всех требований природоохранительного законодательства, а в случаях их нарушения—применение государственных мер воздействия на виновных вплоть до применения наказания. Все эти и многие другие требования отражены в новом природоохранительном законодательстве и дополняющих его нормативных актах.

Таким образом, вступление СССР в новую стадию развития привело к созданию более совершенной системы об-

---

¹ Более подробно см.: Правовая охрана природы в Казахской ССР.— Алма-Ата, 1977, с. 20—27.

щих и отраслевых природоохранных правовых актов. Большую роль в этом сыграли директивные установки партии и правительства, направленные на обеспечение активного поддержания равновесия в окружающей среде при использовании природных ресурсов, а в случае его нарушения—принятие несложных эффективных мер к его восстановлению.

Например, в 1972 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместно специальное постановление «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов»¹. Важность и значение этого акта состоит в том, что им установлен партийный и государственный контроль за использованием и охраной природных ресурсов, в частности за борьбой с эрозией почв, правильным использованием колхозами, совхозами, предприятиями и организациями природных богатств, за соблюдением ими действующих правил и норм по рекультивации земель, по предотвращению загрязнения и засоления почв, поверхностных и подземных вод, а также атмосферы, по сохранению водоохраных и защитных функций лесов, водорегулирующей роли торфяных массивов, воспроизводству животного и растительного мира.

Согласно постановлению, впервые, начиная с 1974 г., стали разрабатываться перспективные и годовые планы рационального использования природных ресурсов и охраны природы как составная часть перспективных и годовых планов развития народного хозяйства.

1 декабря 1978 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов»². Этим постановлением установлена полная ответственность министерств и ведомств СССР, Совета Министров союзных республик, объединений, предприятий, учреждений и организаций за охрану природы, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов и своевременное осуществление соответствующих природоохранных мероприятий.

В развитие директивы XXVI съезда КПСС об обеспечении комплексного подхода к охране и использованию природных ресурсов ЦК КПСС и Совет Министров СССР в

¹ СП СССР, 1973, № 2, ст. 6.

² Там же, 1979, № 2, ст. 6.

1982 г. приняли постановление «Об усилении работы по экономии и рациональному использованию сырьевых, топливно-энергетических и других материальных ресурсов», в котором намечена долговременная программа повышения эффективности природопользования, развертывания борьбы за экономию природных ресурсов; еще раз подчеркнута важность работы по охране природы.

Как уже отмечалось, правовые отношения, связанные с рациональным природопользованием и охраной окружающей среды, регулируются специально созданными законами. В этом отношении знаменателен период с 1968 по 1980 г., когда были полностью обновлены отраслевые законы, регулирующие указанные отношения относительно каждого объекта в отдельности. Следует особо выделить общесоюзные законы, основополагающие, которые выражают стратегию партии и советского государства в деле обеспечения рационального природопользования и охраны окружающей среды в целом по стране. Ими являются: Основы земельного законодательства Союза ССР и союзных республик, Основы СССР и союзных республик о здравоохранении, Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик, Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах, Основы лесного законодательства Союза ССР и союзных республик, Закон Союза ССР об охране и использовании животного мира и Закон Союза ССР об охране атмосферного воздуха. На их базе по ряду природных объектов (земля, вода, леса и недра) разработано республиканское законодательство, регулирующее рациональное использование и охрану природных ресурсов.

Е. К. Нурпеисов

кандидат юридических наук

ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС с особой остротой был поставлен вопрос о необходимости дальнейшего совершенствования экономической, политической и идеологической сфер общественной жизни¹.

---

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г.—М.: Политиздат, 1983.

В последовательной реализации установок Пленума значительную роль играют социалистическое право и юридическая наука.

Систематическое совершенствование законодательства—одна из актуальных научных и практических задач, так как развитие и изменение существующих и возникновение новых общественных отношений обуславливают необходимость адекватного изменения действующего нормативно-правового массива. Важное место здесь принадлежит научному анализу общественных отношений под углом зрения выявления необходимости их правового регулирования. В связи с этим особую значимость приобретает проблема установления пределов правового регулирования.

В юридической литературе необходимость исследования этой проблемы подчеркивалась неоднократно. Особенно часто она в порядке постановки отмечалась в работах, посвященных исследованию соотношения правовых и других социальных норм, функций государственных и общественных организаций, проблемам криминализации и декриминализации и др. Внимание к этой проблеме не ослабевает по сегодняшний день¹, хотя специальных исследований, посвященных ее разработке, до сих пор нет. Между тем значение этой проблемы трудно переоценить, имея в виду теоретические выводы и практические рекомендации, которые могут быть сформулированы при ее успешной разработке.

В самом общем виде суть проблемы состоит в том, чтобы определить горизонт действия права. Речь идет не об исторических границах действия права, поскольку исчерпывающий ответ на этот вопрос дан в трудах классиков марксизма-ленинизма. Задача заключается в определении принципиальных положений, руководствуясь которыми можно было бы дать точный ответ на вопрос, должно ли то или иное общественное отношение (соответственно те или иные виды социального поведения) подвергаться правовому регулированию. Решение этой проблемы оказалось бы безусловно по-

---

¹ См.: *Васильев А. М.* Право развитого социализма.—В кн.: XXVI съезд КПСС и развитие советского государства и права. М.: Юрид. лит., 1982, с. 185; *Кудрявцев В. Н.* XXVI съезд КПСС и советское правоведение.—Там же, с. 385. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация.—М.: Наука, 1982; *Кудрявцев В. Н., Малеин Н. С.*—Закон и пределы правомерного поведения.—Сов. государство и право, 1980, № 10, с. 31—38.

лезным для правотворческих органов, поскольку вооружил бы их надежным ориентиром, позволяющим разрабатывать такие нормативно-правовые акты, которые объективно диктуются действительностью. В теоретическом плане успешное решение данной проблемы оказалось бы ценным потому, что выводы об определенном круге общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, могут быть положены в основу рационального объяснения, во-первых, причины применения различных методов правового регулирования, во-вторых, необходимых условий использования такой формы реализации права, как применение права, в-третьих, критериев применения того или иного вида юридической ответственности и ряда других проблем правовой науки.

В связи с тем, что в решении проблемы пределов правового регулирования пока еще четко не наметились сквозные линии исследования, следует, видимо, остановиться на уяснении некоторых подходов к ее анализу.

Анализ этой проблемы можно осуществлять, отправляясь от практики правового регулирования, т.е. фиксировать предметные сферы действия права, изучая действительность сквозь призму норм права. При этом исследование может не ограничиваться изучением сферы действия современного права, а продолжаться в виде своеобразного исторического экскурса вплоть до истоков возникновения правового регулирования. Кстати, такой подход обнаруживается в ряде исследований, посвященных проблемам правового регулирования общественных отношений, истории права. Возможно, таким путем можно будет установить определенную закономерность, позволяющую очертить границы правового регулирования.

Но такой подход может увести от правильного решения проблемы. Дело в том, что разработка и принятие нормативно-правовых актов не всегда осуществлялись на строгой научной основе и поэтому они не всегда оказываются соответствующими тем условиям, в которых действуют. Поэтому, рассматривая общественное отношение сквозь призму регулирующей его правовой нормы, можно ошибочно включить это отношение в предметную сферу действия права, хотя оно должно находиться вне ее. При этом может быть сформулирован не совсем точный вывод о характере тех общественных отношений, которые должны быть в сфере правового регулирования.

Но это вовсе не означает, что мы должны отказываться от такого подхода к изучению пределов правового регулирования. Его познавательные возможности должны использоваться в полной мере. Вместе с тем, не абсолютизируя рассматриваемый подход к исследованию границы правового регулирования, необходимо применять иные подходы к изучению данной проблемы.

В качестве одного из них можно предложить следующий вариант. Пределы правового регулирования только тогда могут быть определены с наибольшей долей вероятности, когда общественные отношения изучаются не в урегулированном правом виде, а под углом зрения выявления необходимости или нецелесообразности их правовой регуляции. Такой подход, в частности, используется при решении вопроса о необходимости принятия того или иного нормативного акта, призванного регулировать определенное общественное отношение.

Но когда речь идет об определении пределов правового регулирования, рассчитывать на анализ всех наличных и перспективно возможных общественных отношений нельзя, так как здесь важно абстрагирование от несущественных, незначительных признаков, отличающих одно отношение от другого, и выявление тех признаков, которые в данных исторических условиях с неизбежностью обуславливают необходимость правового регулирования этих отношений. Теоретическая модель такого общественного отношения должна служить тем практическим ориентиром, который поможет безошибочно решить вопрос о необходимости правового регулирования того или иного отношения.

Общественные отношения, взятые в системе и конкретно исторически, сами «подсказывают» тот способ воздействия, который может быть к ним применен (моральный, религиозный, правовой и др.). Здесь вполне уместны слова о том, что «способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни, зависит прежде всего от свойств самих этих средств...»¹.

Точно также способы воздействия на общественные отношения, являющиеся условием жизни людей, содержатся в них. Именно поэтому особое звучание приобретают слова

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.—Соч. 2-е изд., т. 3, с. 19.

К. Маркса о том, что «законодательная власть не создает закона, она лишь открывает и формулирует его»¹.

Определенный иллюстративный интерес в этом отношении вызывает ситуация возникновения права.

Известно, что возникновение государства и права связано с разделением общества на классы и непримиримостью противоречий между ними. Это самая общая причина появления государства и права на исторической арене. Одним из более непосредственных, вытекающих из этой причины условий возникновения права явилось следующее обстоятельство. Правовых норм в первобытном обществе не было. Все отношения внутри общины, рода регулировались моральными нормами и другими нормативными институтами. До тех пор, пока мораль была единой для всех членов первобытной общины и представляла собой одну систему, вопрос о правовом регулировании не возникал. Но как только эта, вполне оправдывавшая себя система морали распалась (что было связано с началом расслоения общества на классы) и на ее месте возникли две противоположные моральные системы (эксплуататоров и эксплуатируемых), моральная регуляция не смогла обеспечить в полной мере необходимый уровень нормативной регуляции общественных отношений. В такой ситуации на исторической арене появляется право, которое регулирует прежде всего новые, классовые отношения, моральная регуляция которых не обеспечивала классовый интерес.

В условиях социализма формирование единой системы морали приводит к изменениям границ правового регулирования.

Уже стало хрестоматийным положение о том, что право регулирует не все волевые отношения, а некоторую их часть. Встречающиеся в литературе правильные суждения о том, что праву не подвластны образ мысли и интимные отношения человека, правовое регулирование нецелесообразно в случаях единичного характера асоциальных или антиобщественных поступков, отживающих общественных отношений и др., не решают проблему в целом, хотя и освещают отдельные ее стороны. Происходит это потому, что не выделяется целостно теоретическая модель общественного отноше-

¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права.—Маркс К., Энгельс Ф.—Соч. 2-е изд., т. 1, с. 285.

ция, подлежащего в данных исторических условиях правовому регулированию. Между тем правовые отношения «коренятся в материальных жизненных отношениях»¹.

Для создания такой модели, видимо, необходимо сначала мысленно расчленить общественное отношение на составляющие его элементы и рассматривать их, а также внутрисистемные связи этих элементов с точки зрения возможности и необходимости правового воздействия на них. К числу основных элементов любого общественного отношения относятся субъекты этих отношений, их взаимные (кооперативные или контрарные) поступки, материальные и духовные ценности.

Вопрос о том, в каких случаях и какой субъект общественных отношений должен находиться в сфере действия права, рассматривается отраслевыми юридическими дисциплинами. Сравнительно недавно этот вопрос в аспекте проблемы пределов правового регулирования рассмотрен В. Н. Кудрявцевым и Н. С. Малеевым². При этом они значительное внимание уделили возрастным границам, в пределах которых человек может и должен быть субъектом права.

Разумеется, возраст—не единственный признак; по которому может определяться возможность или невозможность человека быть носителем юридических прав и обязанностей. Необходимо исследовать типы социальных ролей человека, которые должны получить правовую регламентацию, а также состояние его сознания и воли, психологические качества, что особенно важно для установления пределов вменяемости и соответственно ответственности.

Относительно поведения, видимо, недостаточно ограничиваться тем, что правом должно регулироваться поведение, способствующее и препятствующее удовлетворению интересов других лиц, и, напротив, «действия человека, основанные, например, на генетической, физиологической программе, не могут быть урегулированы правом, так как не подвержены социально-нормативному опосредованию»³. Хотя известно, что правом дозволяются общественно полезные (и допустимые) и запрещаются общественно вредные варианты пове-

¹ Маркс К. К критике политической экономии.—Предисловие.—Маркс К., Энгельс Ф.—Соч. 2-е изд., т. 13, с. 6.

² Кудрявцев В. Н., Малеев Н. С. Правовое поведение: его субъекты и пределы.—Правоведение, 1980, № 3, с. 31—40.

³ Орзих М. Ф. Право и личность.—Киев—Одесса: Вища школа,—1978, с. 32.

дения, но пока еще трудно ясно ответить, почему не все виды таких поступков получают правовую регламентацию. При анализе этого вопроса следует иметь в виду, что некоторые виды социальных поступков (вопрос о том, какие именно) должны подпадать под сферу действия права — прежде всего потому, что их социально полезные результаты или негативные последствия не могут быть соответственно достигнуты или предотвращены без помощи права. Другие виды социальных поступков должны регулироваться правом потому, что в обществе отсутствуют апробированные, укоренившиеся и наиболее эффективные в данных условиях способы осуществления этих поступков.

Материальные и духовные ценности вовлекаются в сферу действия лишь постольку, поскольку они являются носителями отношения человека к человеку. Вне человеческих отношений они для права интереса не представляют. Социальное значение этих ценностей меняется в зависимости от того, в систему каких отношений они вовлечены. И поэтому возможный их «правовой статус» должен определяться с учетом этих обстоятельств.

Приведенная в этой статье схема анализа проблемы пределов правового регулирования не является единственно возможной. Предполагаются и другие варианты, которые, безусловно, будут выявлены при последовательном изучении методологических основ и теоретического содержания обсуждаемой проблемы.

А. У. Бейсенова

кандидат юридических наук

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРАВОО ПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В решениях съездов и Пленумов ЦК КПСС особо указывается на необходимость повышения эффективности всех видов и форм общественного производства, науки и управления. В полной мере это относится к праву как инструменту государственного руководства обществом, поскольку основная его цель — воздействие на человека, на его поведение в интересах дальнейшего развития социалистических общественных отношений и перерастания их в коммунистические.

Цель эта приобретает особую актуальность в свете задач, поставленных июньским (1983 г.) Пленумом ЦК КПСС¹.

Юридическая политика нашей партии, основы которой были заложены В. И. Лениным, реализуется в трех основных направлениях: правотворчество; применение права; развитие правосознания и правовой культуры трудящихся. Политика эта лежит в основе создания новых норм деятельности правоприменительных органов, а также учреждений, ведущих работу по правовому воспитанию населения².

Правовая наука в настоящее время в числе своих важных задач видит изучение путей дальнейшего повышения эффективности действующего законодательства. Огромное значение при этом имеют социологические исследования, что обязательно предполагает рассмотрение социальных условий, находящихся вне правового механизма—социальной среды, в которой функционирует этот механизм, а также социальных факторов и процессов, органически включенных в сам механизм действия права.

В данном случае наш интерес привлекает социальная действительность, пронизывающая право и его реализацию. Речь идет о социально-психологическом, социально-этическом, политико-идеологическом содержании механизма реализации права, без исследования которого не могут быть изучены эффективность, действенность законодательства, проблемы укрепления законности и правопорядка в обществе зрелого социализма.

Эффективность законодательства должна изучаться в сфере его практического применения, и главным материалом для суждений об его эффективности служат достигнутые в процессе практической реализации цели правового регулирования³. При этом юридическая и социальная эффективность не тождественны.

Процесс применения законодательства—весьма важное звено всего механизма действия права. Прежде всего на этот процесс оказывает влияние правовое сознание лиц, применяющих закон, и лиц, участвующих в процессе применения

¹ Постановление Пленума ЦК КПСС «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии». — Правда. 1983. 16 июня.

² См.: *Кудрявцев В. Н.* Право и поведение.—М., 1978, с. 165.

³ См.: Эффективность правовых норм.—М., 1980, с. 22; *Кудрявцев В. Н.* Указ. соч., с. 162; Другой точки зрения придерживаются авторы книги «Эффективность действия правовых норм».—М., 1977, с. 31.

права в качестве объектов правового воздействия. Общий уровень правового сознания является одним из важных факторов эффективности законодательства, что и делает его предметом специального изучения.

В настоящее время возрастает и приобретает особую значимость, качественно новое содержание воспитательная роль всех правоохранительных органов Советского государства, в том числе и таких, как органы внутренних дел, прокуратура и суд. В связи с этим исключительный теоретический и практический интерес представляют вопросы воспитательного воздействия правового сознания лиц, применяющих правовые нормы, на сознание и поведение всех участников процесса применения права. Значение воспитательного воздействия профессионального правосознания трудно переоценить уже по той простой причине, что общее действие законодательства является по своей сути социальным процессом, само существование которого влияет на формирование правового сознания граждан, а регламентированное осуществление реализации права, т. е. вся правоприменительная деятельность, есть психологический процесс взаимодействия общественного правосознания, воплощенного в действиях и поступках правоприменителей, и индивидуального правосознания.

Органы применения права являются носителями общественного правосознания и должны добиваться максимального воспитательного воздействия всей своей деятельностью на формирование правосознания граждан. Как отмечает И. Сабо: «В процессе применения права индивидуальное правосознание как в его психологическом, так и в юридическом аспектах оценивается с точки зрения выражаемого в праве общественного правосознания»¹. То есть применение права, когда в нем согласуются общий и индивидуальный интересы, одновременно приближает индивидуальное сознание к общественному.

Известно, что общественному правосознанию присуще осознание целей, социальной роли права, его отраслей и институтов, поэтому общественный и воспитательный аспект правосознания, проявляемый в спорных ситуациях, особенно воздействует на формирование индивидуального правосознания. Иначе говоря, одна из особенностей правоприменитель-

---

¹ Сабо И. Основы теории права.—М., 1977, с. 31.

ной деятельности состоит в том, что в процессе практической реализации законодательства осуществляется одна из важных функций социалистического права—воспитательная.

Справедливое и гуманное применение закона, установление объективной истины, высокая правовая культура применения права самым непосредственным образом влияют на упрочение законности и правопорядка, на развитие и формирование правосознания, правовой культуры граждан, что в свою очередь способствует эффективности законодательства.

Надо отметить, что принцип законности для реализации воспитательной функции социалистического права имеет особо важное значение. Принцип социалистической законности в процессе применения права выполняет еще и важную идеологическую функцию. В. И. Ленин тесно связывал законность с культурностью, призывая «бороться культурно за законность»¹.

Совершенно очевидно, что в деле укрепления законности первостепенное значение приобретает «воспитание у каждого советского человека высокого правосознания и чувства гражданского долга»².

Решения партии об улучшении правового воспитания потребовали в свое время активизации разработок научных основ правовоспитательной деятельности. Большую роль при этом сыграли проводимые целым рядом научных учреждений конкретно-социологические исследования правового сознания трудящихся, а также факторов, определяющих его содержание. Уже накоплен определенный опыт по организации и проведению правового воспитания трудящихся. В свете этого опыта выявились возможности различных органов, ведущих работу по пропаганде правовых знаний.

Вопросы воспитательного воздействия профессионального правосознания в правоприменительном процессе как одного из важных факторов эффективности законодательства, оптимизации этого воздействия могут быть изучены посредством конкретно-социологических исследований судебной деятельности. Именно в ней, как ни в какой другой, важна форма

---

¹ Ленин В. И. План доклада на II Всероссийском съезде политпросветов.—Полн. собр. соч., т. 44, с. 465.

² Постановление ЦК КПСС «О мерах по улучшению правового воспитания трудящихся».—Вопросы идеологической работы КПСС/Сб. документов (1965—1973 гг.). М., 1973, с. 296.

применения права, уровень профессионального правосознания, так как реальная социальная значимость норм материального права может быть потеряна и бездейственна при осуществлении их в условиях низкого уровня правового сознания и правовой культуры судей, адвокатов, прокурора. Конкретно-социологические исследования судебно-процессуальных отношений уже проводятся¹. Конкретный и всесторонний анализ их результатов мог бы дать ценный материал для ученых-юристов в смысле понимания механизма воспитательного воздействия профессионального правосознания на правовое сознание участников правоприменительного процесса. Кроме того, именно в сфере деятельности органов советской юстиции формируются проблемы эффективности законодательства, требующие решения как в практическом, так и в теоретическом отношении. Естественно, трудно определить эффективность конкретной правовой нормы только на основе изучения условий правоприменительной деятельности, даже если это изучение носило конкретно-социологический характер,—эффективность действия всего законодательства может быть изучена только в процессе реализации права.

Правоприменительная деятельность обеспечивает достижение важных целей правового воспитания—пропагандирование основных принципов социалистического образа жизни, закрепленных правом, формирование и развитие ценностно-правовых ориентаций и правовых установок, в основе которых лежат уважение к праву, убежденность в необходимости соблюдения правовых норм, осознание ценности права, справедливости его. Все это говорит о большом воспитательном потенциале правоприменительной деятельности. Вместе с тем доказано, что, помимо положительной роли контактов граждан с правоохранительными органами, отмечено и отрицательное влияние их на формирование правосознания. Криминологические исследования показали, что нередки случаи конфликта между требованиями права и индивидуальным правосознанием, истоки которого следует искать в правовой практике, точнее, в тех отклонениях от требований социалистической законности, которые становятся предметом наблюдения отдельных граждан. Совершенно ясно, что причиной этого является недостаточно высокий уровень профессио-

¹ Право и социология.—М., 1973, с. 274.

² См.: Организация и эффективность правового воспитания.—М., 1983, с. 180—181.

нального правосознания лиц, применяющих закон, а также низкий уровень деятельности некоторых органов, ведущих борьбу с правонарушениями.

Поэтому в процессе исполнения закона важно помнить о воспитательной функции права, которая и формирует содержательную сторону правового сознания граждан, и способствует престижу социалистического права, а также органов, осуществляющих применение законов. Высокая правовая культура деятельности органов, осуществляющих применение права, имеет важное значение для формирования и повышения социально-правовой активности граждан, воспитания непримиримого отношения к нарушителям закона, роста инициативы в борьбе с правонарушениями, творческого воплощения норм права в поведении. Практические работники, обладая наиболее благоприятными возможностями для широкого воздействия на правовое и нравственное воспитание граждан, реализуют их в зависимости как от общих условий воспитательного воздействия правоохранительной практики, так и от специфических, свойственных правоприменительному процессу факторов. К числу таких факторов нужно отнести престиж правоохранительных органов и степень общественного интереса к их деятельности, степень гласности, уровень правовой культуры и законности правоохранительной практики¹.

В этой связи большое значение приобретает специальная деятельность правоохранительных органов по правовой пропаганде. Юристы-практики лучше информированы об уровне правового сознания тех или иных групп населения, о конкретных потребностях различных слоев и представителей отдельных профессий в правовых знаниях. Немаловажно то обстоятельство, что правовая информация, исходящая от практических работников, имеет преимущество в плане ее эмоционального восприятия, так как личный опыт юриста придает дополнительную убедительность, обоснованность правовой информации.

Правоохранительная практика как средство правового воспитания во многом восполняет недостаток в правовых знаниях. Если в конкретном правоприменительном процессе объектом воспитательного воздействия становится лицо, в отношении которого закон применяется, и его ближайшее

---

¹ Организация и эффективность правового воспитания, с. 182--183.

окружение, то **правовоспитательные** мероприятия с широким участием **правоприменительных** органов, вооруженных научными рекомендациями, охватывают гораздо больший круг населения, обеспечивая более полное достижение целей правового воспитания. Разумеется, у разных правоохранительных и правоприменительных органов возможности воспитательного воздействия на сознание и поведение граждан и условия их использования не одинаковы. Но конечная цель — **эффективность** советского законодательства и всего права может быть достигнута только в случае, если правовое воспитание осуществляется по всем направлениям. Поэтому так важна задача повышения информационного и воспитательного потенциала практической деятельности правоприменительных органов.

Советские законы обладают всеми необходимыми положительными качествами, несут в себе большой воспитательный заряд, но если они не доведены до сведения широких слоев населения, причиной их неэффективности становится практика правовой пропаганды. Совершенно справедливо утверждение, что «эффект влияния закона на правосознание и поведение граждан складывается из суммарного информационного воздействия самого текста закона и известной гражданам практики его применения»¹. Степень зависимости эффективности законодательства от эффективности правоприменительной деятельности очень высока. Таким образом, проблема воспитательного воздействия правоприменительной деятельности на данном этапе оказывается особо актуальной, самостоятельной практической и теоретической задачей.

М. А. Ибрагимов

СОВЕТСКОЕ ПРАВО КАК ФАКТОР ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Формирование нового человека является не только важнейшей целью, но и непременным условием коммунистического строительства². Экономическое, социально-политическое и культурное развитие страны, полная реализация возможностей развитого социализма все больше зависят от успехов дела воспитания³.

¹ Эффективность правовых норм, с. 127.

² См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 г.—М.: Политиздат, 1983, с. 27.

³ См.: О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы: Постановление ЦК КПСС от 26 апр. 1979 г.—М.: Политиздат, 1979, с. 6.

В современных условиях задачи воспитания решаются целым комплексом социально-политических институтов, среди которых важное место занимает общенародное право, выступающее действенным фактором воспитательного влияния на личность. Уже первые декреты Советской власти «служили формой пропаганды»¹, были средством, позволявшим партии давать простому рабочему и крестьянину представление о политике.

Способность советского права оказывать воспитательное воздействие обусловлена рядом присущих ему черт: оно верно отражает законы и потребности общественного развития, обеспечивает их беспрепятственное осуществление; имеет целью создание оптимальных условий для успешного коммунистического строительства; закрепляет и защищает основополагающие социальные ценности; действует в том же направлении, что и все другие воспитательные меры партии, государства, общественных организаций; адекватно выражает волю и интересы советского народа; отличается глубоко гуманной природой.

Право является субъективным фактором общественного развития. Однако, будучи объективировано в системе норм, оно приобретает относительную самостоятельность, становится частью социальной среды, выступает в качестве социальной реальности, объективного фактора по отношению к индивидуальному сознанию и реализует свои творческие возможности в процессе более или менее активного и эффективного воспитательного воздействия на членов общества. Данное воздействие осуществляется как непосредственно, так и в процессе правового регулирования.

В первом случае право выступает как статическая система, содержащая указания на социально полезные цели, фиксирующая образцы (модели) социально полезного (приемлемого) поведения и учитывающая при этом его психологические основы, отражающая потребности общества и закрепляющая основные его ценности. Вместе с тем право содержит указания на вредные поступки, порицает и запрещает их. Названные особенности влияния права на личность, тесно взаимодействуя, обеспечивают выполнение правом, как

¹ Ленин В. И. XI съезд РКП (б): Политический отчет Центрального Комитета РКП (б). 27 марта.—Полн. собр. соч., т. 45, с. 111; См. также: Ленин В. И. VIII съезд РКП (б): Доклад о работе в деревне. 23 марта.—Там же, т. 38, с. 198.

системой норм, его воспитательной функции, позволяют рельефнее выявить воспитательное воздействие права.

Наряду с этим могут быть рассмотрены особенности воспитательного воздействия разных видов правовых норм, а также их составных частей, воспитательный потенциал и роль которых в формировании личности являются весьма различными¹.

Право закрепляет те отношения, которые представляют наибольшую значимость для Советского государства. Особая важность регулируемых правом отношений подчеркивается возможностью применения государственно-принудительных мер в случаях правонарушений. Обеспеченность правовых норм государственным принуждением и их обязательность отличают правовые нормы от иных социальных норм и определяют важную особенность их воспитательного воздействия на личность², а также делают необходимым исследование воспитательных возможностей права с точки зрения управленческих, ценностных, информационных, педагогических, психологических аспектов³.

Углубленному выявлению воспитательной роли права в значительной мере способствует рассмотрение воспитательного воздействия на личность принципов права (демократизма, гуманизма, равноправия, справедливости, законности

¹ Так если воспитательное значение диспозиции и санкции подчеркивается в советской юридической литературе достаточно давно (см., например, *Фарбер И. Е.* Воспитательная функция советского права.— В кн.: Государство и коммунизм. М., 1962, с. 122; *Лейст О. Э.* Санкции в советском праве. М., 1962, с. 36—39 и др.), то в отношении гипотезы правовой нормы таких констатаций (не говоря о большем) практически нет, что обусловлено, на наш взгляд, отсутствием ее очевидной роли в воспитательном влиянии на личность. Это, однако, не должно вести к заключению о полной индифферентности гипотезы юридической нормы к процессу воспитательного воздействия на личность. Так, гипотеза может способствовать формированию уверенности в законности и незыблемости имеющих или приобретаемых прав, подчеркивать необходимость исполнения обязанностей, ориентировать личность на совершение тех или иных социально полезных поступков, с которыми законодатель связывает наступление юридических последствий (активное участие в деятельности ДНД для получения дополнительного оплачиваемого отпуска, работа в районах Крайнего Севера для получения соответствующих льгот, спасение социалистического имущества и т. д.).

² См.: Проблемы советского социалистического государства и права в современный период.—М., 1969, с. 180.

³ См.: *Барнашова Л. П.* Воспитательная функция права развитого социализма: Автореф. Дис. ...канд. юрид. наук.—М., 1982, с. 9.

и др.), которые «пронизывают всю систему правового регулирования—и правовое сознание, и действующее право, и его реализацию»¹.

Наряду с непосредственным воспитательным воздействием советское право выполняет воспитательную функцию и в процессе функционирования таких элементов правового регулирования, как акты применения права, правоотношения, акты реализации прав и обязанностей. Признавая за правовым регулированием общественных отношений специфические цели, нельзя отрицать и того, что одним из результатов этого регулирования является воспитательное воздействие на участников соответствующих общественных отношений. Реализация норм в правоотношениях, использование прав, исполнение обязанностей, соблюдение запретов, властное применение правовых норм соответствующими субъектами несут в себе значительный воспитательный потенциал. В результате правомерное поведение приобретает характер навыка, у личности формируется нормативно-правовая установка и установка конкретного правомерного поведения², возникает и укрепляется личностное отношение к праву как ценности, а его предписания воспринимаются как подлежащие выполнению в силу осознания их роли, социальной необходимости и полезности. Кроме того, воспитательным результатом осуществления рассматриваемых элементов механизма правового регулирования может выступать и интериоризация (усвоение) личностью правовых норм.

Таким образом, «правовое регулирование неотделимо от воспитательного воздействия, органически сливается с ним»³, и воспитательная роль советского права может быть полнее понята и охарактеризована лишь в связи с его реализацией, специфическим процессом его воздействия на общественные отношения. Вместе с тем тесная взаимосвязь регулирующего и воспитательного воздействия не должна вести к их отождествлению, поскольку не совпадают их цели, различны вре-

---

¹ Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность.— М., 1973, с. 107.

² См. об этом подробно: Нурписов Е. К. Механизм формирования правомерного поведения личности: Автореф. Дис. ...канд. юрид. наук.— М., 1980, с. 11—13.

³ Лукашева Е. А. Указ. соч., с. 13.

менные рамки их функционирования, а также круг лиц, испытывающих такое воздействие норм права¹.

Важной характеристикой советского права как фактора воспитания является его активная роль в деле борьбы с правонарушениями. Оно содержит в себе указания на широкую систему санкций—мер государственного принуждения, применяемых в случае правонарушения и направленных на осуществление задач общей и частной превенции, исправление и перевоспитание правонарушителя, восстановление во всех возможных случаях нарушенного правопорядка². Реализация санкций правовых норм, т. е. юридическая ответственность, является реакцией Советского государства на соответствующие факты противоправных виновных поступков и способна оказать существенное воспитательное воздействие как на самого правонарушителя, так и на иных членов общества. Такое воздействие призвано преодолеть деформацию правового сознания, сформировать у личности систему позитивных потребностей, интересов и ценностных ориентаций. В ряде случаев весьма существенной является роль юридической ответственности и как мотивирующего фактора, обеспечивающего правомерность поступков личности в правозначимых ситуациях. В данном случае юридическая ответственность в конечном счете способствует формированию системы внутреннего социального контроля, обеспечивающего выбор личностью правомерных вариантов поведения без ориентации на угрозу возможного применения мер юридической ответственности.

Таким образом, воспитательная функция советского права направлена на выработку и закрепление положительных установок личности и создание психологических основ социально полезного поведения, наличие которых определяет, в частности, правомерность и каждого отдельного поступка, и всего поведения личности в правовой сфере. Наряду с этим право является важным средством вытеснения, искоренения в сознании личности негативных, антисоциальных взглядов и позиций.

---

¹ Убедительные аргументы в пользу необходимости дифференциации воспитательного воздействия права и взаимопроникающего правового регулирования высказывались ранее С. С. Алексеевым (см.: *Алексеев С. С. Проблемы теории государства и права*.—М., 1979, с. 282; его же. *Общая теория права: Курс в 2-х т.*—М., 1981, т. 1, с. 290—291.).

² См.: *Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву: теоретические проблемы*.—М., 1981, с. 7.

Подобное понимание целей воспитательного воздействия права на личность не отрицает того, что воспитательное влияние советского права может быть (и, как правило, является) и более широким, т.е. не ограниченным только той сферой индивидуального сознания, которая обращена к правовым явлениям. Воспитательное воздействие права может распространяться на нравственное, политическое сознание личности¹.

При этом право оказывает такое воздействие не «автоматически». Присущие ему свойства, которые позволяют определять его как фактор воспитания, не могут реализовываться сами собой, так как в противном случае многие проблемы воспитания были бы решены одним фактом издания соответствующего нормативного акта. Воспитательное воздействие как результат функционирования в социалистическом обществе правовой системы имеет своим объектом активное сознание личности, преломляется через это сознание, от уровня которого в значительной мере зависит восприятие правовых требований и результативность выполняемой ими воспитательной роли.

Важнейшей особенностью советского права как фактора воспитательного воздействия на личность является его богатое нравственное содержание, высокий моральный авторитет его норм, что служит свидетельством и результатом тесной взаимосвязи права и морали в развитом социалистическом обществе. В советском праве закрепляются принципы и нормы коммунистической морали, реализации которых право в значительной мере способствует, выступая фактором воспитательного воздействия. Кроме того, воспитание личности является при социализме важной социальной задачей как для права, так и для морали².

Воспитательная роль, присущая советскому праву и выполняемая им с начала его существования, возрастает в условиях развитого социализма, что обусловлено рядом при-

---

¹ См. об этом подробнее: *Баймазанов М. Т.* Право и нравственное формирование личности в советском обществе.—Сов. государство и право, 1976, № 10, с. 128; его же. Сочетание правового и нравственного воспитания личности в обществе развитого социализма.—Там же, 1977, № 12, с. 35.

² См. подробнее: *Барнашова Л. П.* Аспекты социального характера воспитательной функции советского права.—Вестн. МГУ. Сер. право. 1978, № 1, с. 47.

чии, среди которых следует выделить: 1) расширение и углубление социалистической демократии, прав и свобод советских граждан, усиление их гарантированности, что получает закрепление в законодательных актах Советского государства, и прежде всего в Конституции СССР; 2) превращение советского права в право общенародное, выражающее волю и интересы всего советского народа; 3) расширение сферы правового регулирования; 4) постоянное совершенствование общенародного права, все более точное отражение им закономерностей и перспектив общественного развития, в силу чего «новые законы позволяют тоньше, точнее регулировать различные стороны общественных отношений»¹; 5) постоянно растущий уровень сознания советских людей, что делает воспитательное воздействие права более эффективным.

Дальнейшее исследование обозначенных в настоящей статье, а также иных вопросов проблемы воспитательной роли советского права имеет важное значение как для более глубокого теоретического осмысления сущности, объективных закономерностей развития и путей дальнейшего совершенствования права, так и для решения сложных практических задач более эффективного использования творческого потенциала советского права как фактора воспитания личности.

---

¹ Материалы XXVI съезда КПСС.—М.: Политиздат, с. 64.

Раздел 2

РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЗАДАЧИ ПРОПАГАНДЫ ПРАВА

К. Д. Мухамедшин
профессор

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Одним из главных направлений развития политической системы развитого социалистического общества, развертывания социалистической демократии является дальнейшее укрепление правовой основы государственной и общественной жизни. Прочность этой основы зависит, прежде всего, от действующего законодательства, так как оно регулирует важнейшие стороны общественной и государственной жизни развитого социализма. Следовательно, чем совершеннее законодательство, тем оно точнее отражает действительные общественные отношения, которые должны быть урегулированы нормами права. Совершенствование законодательства—важнейшее условие дальнейшего укрепления правовой основы государственной и общественной жизни в развитом социалистическом обществе. В этой связи особое значение в союзной республике имеет законодательная деятельность Верховного Совета как высшего органа государственной власти.

Дальнейшее совершенствование законодательства союзной республики во всех сферах государственной и общественной жизни требует от ученых-юристов исследования теоретических аспектов законотворческой и правоприменительной деятельности Верховных Советов, внесения научно обоснованных предложений по усилению их роли в этой области. Это вытекает из требований новой Конституции СССР и конституции союзных республик.

Важным этапом в дальнейшем совершенствовании законодательной деятельности союзных республик явилось принятие Конституции СССР 1977 г. В связи с принятием новой Конституции СССР в союзных республиках проведена большая работа по совершенствованию конституционного законодательства—разработка, всенародное обсуждение и принятие конституций союзных республик. Одним из важных условий совершенствования законодательства является приведение его в соответствие с новыми конституциями. Причем

особенностью законотворческой деятельности Верховных Советов союзных республик является то, что она планируется¹. После вступления в силу конституций союзных республик Президиумы Верховных Советов утвердили планы законодательных работ, рассчитанные на 5—6 лет. Так, планом организации работы по приведению законодательства Казахской ССР в соответствие с Конституцией Казахской ССР была предусмотрена разработка 13 новых законов и других законодательных актов и внесение изменений и дополнений в 14 действующих законодательных актов². Указанные планы в союзных республиках успешно реализуются.

Анализ практической деятельности Верховных Советов и их Президиумов показывает, что они проделали значительную и эффективную работу по совершенствованию республиканского законодательства и приведению его в соответствие с Конституцией ССР и конституциями союзных республик. Подготовлены и приняты Верховным Советом Казахской ССР Регламент Верховного Совета Казахской ССР, законы о выборах в Верховный Совет Казахской ССР и местные Советы народных депутатов Казахской ССР, о Совете Министров Казахской ССР, об областном Совете народных депутатов Казахской ССР, а также Лесной кодекс Казахской ССР, Закон об охране и использовании памятников истории и культуры, Положение об адвокатуре Казахской ССР и некоторые другие законодательные акты.

Утверждены в новой редакции законы о порядке отзыва депутата Верховного Совета Казахской ССР и депутата местного Совета Казахской ССР, о районном, городском, районном в городе, поселковом, сельском и аульном Советах, Положение о постоянных комиссиях местных Советов народных депутатов Казахской ССР и др. Кроме того, во многие законодательные акты внесены необходимые изменения и дополнения, вытекающие из Конституции Казахской ССР. В республике завершено издание систематического собрания законодательства Казахской ССР. Проводится большая работа по подготовке к изданию Свода законов Казахской ССР.

---

¹ Подробно о планировании законодательства в СССР см.: Самощенко И. С. Планирование законодательства в СССР.—Сов. государство и право, 1983, № 3, с. 3—11.

² См.: Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1978, № 23, 26.

Осуществление мероприятий по приведению республиканского законодательства в соответствие с Конституцией ССР и Конституцией Казахской ССР способствовало дальнейшему его совершенствованию, укреплению социалистической законности и правопорядка, усилению охраны интересов общества, прав и свобод граждан.

Следует особо подчеркнуть, что разработка и принятие новых законодательных актов, дальнейшее осуществление кодификации права, подготовка к изданию Свода законов свидетельствуют о возросшей квалификации республиканских кадров научных и практических работников, знающих национальные и местные особенности, способных справиться со сложной задачей совершенствования законодательства.

В разработке законодательных актов участвуют широкие слои трудящихся. В этом процессе большую помощь оказывают союзные органы, в частности Президиум Верховного Совета СССР. Вместе с тем, в условиях развитого социализма развиваются различные формы сотрудничества органов союзных республик и их участия в решении вопросов, в том числе и законодательных общесоюзного значения. Правильно отмечается в литературе, что ни одно крупное государственное решение не принимается без консультации с республиканскими органами, без тщательного учета их мнения¹.

Конституции союзных республик внесли целый ряд новелл в законодательную деятельность Верховных Советов, к их числу следует отнести:

1. Наличие двух субъектов, правомочных принимать законы союзной республики.—Верховного Совета и народа республики. В соответствии со ст. 97 республиканской Конституции законы Казахской ССР принимаются ее Верховным Советом или путем народного голосования (референдума), проводимого по решению Верховного Совета Казахской ССР. Таким образом, Верховный Совет союзной республики в настоящее время не является единоличным законодательным органом.

2. Всенародное обсуждение проектов законов и других важных вопросов государственной жизни республики. Такое обсуждение осуществляется по решению Верховного Совета или его Президиума (см. ст. 5 и 102 Конституции Казахской ССР).

¹ См.: Лукьянов А. И. Конституция действует, живет, работает.— Сов. государство и право, 1982, № 10, с. 4.

3. Повышение роли субъектов права законодательной инициативы. Конституции союзных республик не только закрепили круг субъектов права законодательной инициативы, установленных ранее в законодательных актах, но и установили новые. Так, в соответствии со ст. 101 Конституции Казахской ССР такое право предоставлено: Президиуму Верховного Совета, Совету Министров, постоянным и иным комиссиям Верховного Совета, депутатам Верховного Совета Казахской ССР, Верховному суду и Прокурору республики, общественным организациям в лице их республиканских органов.

4. Повышение роли закона и усиление его верховенства среди других нормативных актов. Это выражается в более полном отражении в законах воли народа. Так, Конституция Казахской ССР в ст. 102 установила правило, согласно которому законы, постановления и иные акты Верховного Совета «принимаются большинством от общего числа депутатов Верховного Совета Казахской ССР». Ранее действовавшая конституция установила, что для принятия этих актов необходимо лишь большинство голосов.

Изменение конституции республики производится решением Верховного Совета, «принятым большинством не менее двух третей от общего числа депутатов Верховного Совета Казахской ССР» (ст. 173).

По ранее действовавшей конституции для такого изменения требовалось большинство не менее двух третей голосов депутатов Верховного Совета.

Новеллы коснулись не только законодательной деятельности Верховного Совета республики, но и его компетенции. В настоящее время Верховный Совет республики правомочен решать все вопросы, отнесенные Конституцией СССР и конституцией союзной республики к ее ведению (см. ст. 97 Конституции Казахской ССР). Поэтому следует согласиться с мнением, что конституция союзной республики дает основание для вывода о том, что компетенция Верховного Совета республики в целом совпадает с компетенцией самой республики¹.

В современных условиях важное значение приобретает эффективность законодательной деятельности Верховного

¹ См.: *Кривенко Л. Т.* Конституция СССР и развитие законодательной деятельности Верховных Советов союзных республик. — Киев, 1982, с. 15.

Совета союзной республики. Исследование проблемы эффективности имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку от эффективности этой деятельности зависит точное соблюдение и исполнение законов и основанных на них подзаконных актов всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. Эффективность, применительно к законодательной деятельности Верховного Совета союзной республики, означает, что воля законодателя должна достичь своей цели, т.е. она должна быть точно, своевременно и полно реализована¹.

Это предполагает не только исследование принятых актов, но и выявление эффективности их реализации на практике, степень выполнения законов и иных актов Верховного Совета.

Исследуя проблему эффективности законодательной деятельности Верховного Совета союзной республики, необходимо иметь в виду два компонента, которые влияют на состояние эффективности его работы в этой области.

Во-первых, показатели работы Верховного Совета и его Президиума по рассмотрению законопроектов и других актов. К ним следует отнести:

всестороннюю тщательную подготовку субъектами права законодательной инициативы законопроектов и других актов на сессии Верховного Совета и его Президиума, постоянные и иные комиссии;

тщательную подготовку законопроектов и других актов и предварительное их рассмотрение (прежде чем внести на рассмотрение Верховного Совета и его Президиума) на заседаниях постоянных и иных комиссий Верховного Совета;

всестороннее, активное обсуждение проектов законов и других актов на сессиях Верховного Совета и заседаниях Президиума;

организаторскую работу Верховного Совета, постоянных и иных комиссий, Президиума Верховного Совета, депутатов по исполнению принятых законов союзной республики и иных актов Верховного Совета; с учетом федеративного уст-

---

¹ В юридической литературе имеются различные понятия эффективности. См., например, *Лазарев В. В.* Эффективность правоприменительных актов.—Казань, 1975; *Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д.* Социальная ценность и эффективность правовой нормы.—Казань, 1977; Эффективность действия правовых норм.—Л., 1977; Эффективность правовых норм.—М., 1980; и др.

ройства нашего государства, важное место отведено также организаторской работе по реализации законов СССР, постановлений Верховного Совета СССР и его Президиума, указов Президиума Верховного Совета СССР;

организацию действенного регуляторного и систематического верховного контроля за реализацией актов Верховного Совета союзной республики и его Президиума;

государственно-правовую ответственность, установленную Верховным Советом союзной республики и его Президиумом в соответствующих государственно-правовых актах в случае неисполнения их.

Во-вторых, показатели, связанные с оценкой деятельности органов в республике. Здесь имеется в виду непосредственная реализация этими органами законов союзной республики и других актов Верховного Совета. Причем оценка деятельности этих органов должна осуществляться не по количеству принятых решений, актов, проведенных заседаний и др., а по конечным результатам—успешной реализации этих актов.

Безусловно, оценивая в целом эффективность законодательной деятельности Верховного Совета, необходимо учитывать конечные результаты, достигнутые республикой в области государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства. И, пожалуй, главными из них являются показатели выполнения государственного бюджета и плана экономического и социального развития республики.

Е. Баянов

кандидат юридических наук

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ (ТПК)

В нашей стране на территории некоторых союзных республик на базе богатых месторождений минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов в последние годы стали планомерно формироваться и развиваться ТПК.

В Директивах XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг., например по Казахской ССР, были поставлены задачи: ввести в действие новые мощности по добыче угля на Экибастузском месторождении и начать строительство электростанций

на этих углях для обеспечения электроэнергией Центрального и Северного Казахстана и передачи электроэнергии в районы европейской части СССР и на Урал.

Ускорить создание нового крупного района нефтегазодобывающей промышленности на полуострове Мангышлак. На базе месторождений фосфоритов в Каратау создать крупный комплекс предприятий химической промышленности¹.

В соответствии с решениями XXIII съезда КПСС в Казахской ССР сформированы и ныне ускоренными темпами развиваются Павлодар-Экибастузский, Мангышлакский, Каратау-Джамбулский ТПК.

В соответствии с решениями XXVI съезда КПСС в Казахстане в одиннадцатой пятилетке и в ближайшем будущем высокими темпами будут развиваться уникальные крупные ТПК—Карагандинский, Кустанайский, Павлодар-Экибастузский, Алма-Атинский, Каратау-Джамбулский, Мангышлакский, Восточно-Казахстанский и другие, которые определяют индустриальное лицо республики, ее промышленный потенциал.

Правительством республики подготовлены предложения по дальнейшему развитию Тургайского топливно-энергетического комплекса.

Таким образом, изучение и анализ материалов практики показывает, что политико-правовой основой участия союзной республики в создании и развитии ТПК на ее территории являются решения съездов КПСС, конституции, законы о перспективных планах экономического и социального развития СССР, постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании и развитии отдельного ТПК и другие нормативные акты союзного значения.

На основании этих документов республиканские и местные партийные и советские органы разрабатывают конкретные мероприятия по выполнению сроков строительства производственных и социально-культурных объектов, созданию необходимых условий для жизни, труда и отдыха трудящихся и принимают меры к их выполнению.

Они осуществляют на территории республики и области координацию деятельности партийных, государственных, хозяйственных органов и общественных организаций, согласо-

---

¹ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.—М., 1968, т. 6, с. 92—93.

вызывают решение отдельных важных вопросов, связанных с ТПК, с союзными министерствами и ведомствами.

Вместе с тем практика управления ТПК Казахстана, как и других республик, показывает, что в руководстве их формированием и развитием все еще немало проблем и неувязок, которые являются следствием недостатков современного уровня территориального планирования, проектирования и управления.

Одна из основных причин этого в неурегулированности взаимных прав, обязанностей и ответственности отраслевых и территориальных органов управления, имеющих непосредственное отношение к ТПК.

Придавая важное значение ускорению развития крупных комплексов, XXVI съезд КПСС поставил задачу совершенствовать планирование и руководство ТПК. Разработать единые правовые основы создания ТПК и промышленных узлов и междуведомственного управления ими¹.

В этой связи следует отметить обоснованные предложения ученых-юристов о целесообразности разработки Положения о ТПК². В таком Положении можно было бы решить принципиальные вопросы об условиях и порядке формирования ТПК, о его цели, об органах управления им, о соотношении прав и обязанностей отраслевых, межотраслевых и территориальных органов по его управлению, о методах рационального использования материальных ресурсов и финансовых средств, направляемых на создание и развитие ТПК.

В литературе высказано много предложений в отношении организации управления ТПК. Так, одни авторы считают возможным закрепление функции руководства ТПК за головным министерством, ответственным за освоение основных природных ресурсов региона, или специальным территориально-междуведомственным органом, непосредственно подчиненным Совету Министров СССР или союзной республики, либо, если ТПК размещается на территории одной области (края), функции межотраслевой координации возложить на соответствующий Совет народных депутатов³. В этом случае

¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС.—М., 1981, с. 198.

² См.: *Барабашева Н. С.* Управление территориально-производственными комплексами (ТПК).—Сов. государство и право, 1980, № 5, с. 41; *Лаптев В. В.* Экономика и право.—М., 1981, с. 63.

³ См.: *Барабашева Н. С.* Указ. соч., с. 46—48; *Манохин В. М.*

предлагается создать отдел или комиссию исполкома областного (краевого) Совета. Такой опыт уже есть. При исполкоме Красноярского краевого Совета образован координационный совет и его рабочий орган—отдел в составе исполкома¹.

На XXVI съезде КПСС поставлена задача повысить роль и совершенствовать деятельность Советов народных депутатов по обеспечению комплексного экономического и социального развития на их территории. Это предполагает расширение их координационной функции и усиление влияния на работу предприятий и организаций различной ведомственной принадлежности. Создание выше названных советов и отделов могло бы содействовать повышению роли Советов народных депутатов².

Ряд авторов вносят предложение о создании координационных региональных советов в экономических районах для общего руководства развитием регионов, координации деятельности министерств и ведомств на этой территории, разработки региональных программ и планов экономического и социального развития, контроля за их выполнением. В состав таких советов предлагается включать представителей республиканских, местных партийных и советских органов³.

Некоторые исследователи, ссылаясь на опыт Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, предлагают создать специальную государственную или правительственную межведомственную комиссию (совет) по развитию отдельных комплексов. В ее состав должны входить представители всех привлеченных к созданию комплекса министерств и ве-

---

«...С учетом отраслевого и территориального приципов...» (ст. 16 Конституции СССР).—Сов. государство и право, 1979, № 10, с. 29; *Корсневская Е. И.* Роль Советов в обеспечении комплексного развития регионов.—Там же, 1980, № 12, с. 38; *Лантев В. В.* Указ. соч., с. 66; и др.

¹ См.: *Мукоед А. Л.* Роль местных Советов в развитии территориально-производственных комплексов.—Сов. государство и право, 1981, № 12, с. 12; *Шабаяев Г.* Промузлы Саянского комплекса.—Эконом. газета, 1981, № 50, с. 10.

² См.: Материалы XXVI съезда КПСС.—М., 1981, с. 185; *Марчук В. М., Николаева Л. В.* Организационно-политические принципы государственного управления.—Сов. государство и право, № 7, с. 27.

³ См.: *Кистанов В., Костеников В.* Назревшие проблемы территориальной организации народного хозяйства.—Коммунист, 1981, № 2; *Туркебаев Э.* Территориально-производственные комплексы Казахстана.—Эконом. газета, 1981, № 45, с. 8; и др.

домств, плановых органов, партийных и советских организаций республики и области (края)¹.

В случае создания специального органа Совета Министров СССР или Госплана СССР по управлению отдельными ТПК, как правильно полагает Б. Н. Курашвили², появился бы административный орган, не производный от представительного органа власти того же уровня. Самостоятельность органов государственного управления союзных республик и местных Советов была бы ограничена.

По его мнению, координационный совет не имеет этих недостатков и открывает реальные возможности для совершенствования регионального управления. В состав регионального совета входили бы руководители правительств республики и исполкомов областных (краевых) Советов.

Нам также представляется, что в случае создания специального правительственного союзного органа по управлению отдельными ТПК, появился бы, наряду с указанными выше недостатками, параллелизм с функцией и компетенцией республиканских и местных органов власти и управления. Известно же, что, согласно конституциям страны, обеспечение комплексного экономического и социального развития на своей территории возложено на Советы Министров союзных республик и местные Советы народных депутатов. Это их полномочие органически включает и планирование и управление ТПК, как составной части территории республики и области (края).

Вероятно, было бы целесообразно возложить основную ответственность за создание и развитие ТПК на Совет Министров и областной (краевой) Совет народных депутатов соответствующей союзной республики. Но для оперативного решения междоветовственных вопросов и координации силы и средств министерств и ведомств, их предприятий, учреждений и организаций следовало бы образовать Комиссию Президиума Совета Министров республики по всем ТПК и координационный совет при исполкоме областного (краевого)

¹ См.: *Гладышев А. Н., Можин В. П.* Территориально-производственные комплексы СССР.—М., 1982, с. 78; *Грибов И.* Мангышлакский комплекс.—Эконом. газета, 1982, № 31, с. 14; *Алексин А. П.* Основы отраслевого управления народным хозяйством.—М., 1980, с. 91.

² См.: Проблемы общей теории социалистического государственного управления.—М., 1981, с. 191.

Совета, наподобие комиссии и советов агропромышленных объединений (комплексов).

Усиление роли и ответственности союзных республик и местных органов власти в руководстве ТПК полностью соответствует главным направлениям развития политической системы нашего общества, связано с дальнейшим развитием социалистической демократии, расширением местной самостоятельности и инициативы¹.

Н. И. Акуев

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Новое конституционное законодательство этапа развитого социализма сыграло огромную роль в укреплении правовой основы государственной и общественной жизни, способствовало возрастанию престижа закона и повышению эффективности законодательной деятельности.

Серьезная работа по обновлению законодательства проводится и в союзных республиках, в том числе в Казахской ССР. Постановлениями Верховного Совета Казахской ССР от 29 мая 1978 г. и 15 июня 1978 г. утверждены мероприятия по приведению законодательства Казахской ССР в соответствие с Конституцией республики². К настоящему времени большинство этих мероприятий успешно реализовано. Приняты законы о выборах в Верховный Совет и местные Советы народных депутатов, о Совете Министров Казахской ССР, об областном Совете народных депутатов Казахской ССР, об охране атмосферного воздуха, об охране и использовании животного мира, Лесной кодекс, Положение об адвокатуре, Регламент Верховного Совета Казахской ССР и др. Некоторые законодательные акты из числа предусмотренных к принятию находятся в стадии подготовки—Кодекс об административных правонарушениях и Закон о порядке проведения всенародного голосования—референдума. Ведется большая работа по подготовке к изданию Свода законов Казахской ССР.

В союзных республиках создан довольно большой массив законодательных актов. Можно констатировать, что совре-

¹ См.: Шеварднадзе Э. А. Экономика региона: Планирование и управление.—Эконом. газета, 1982, № 21, с. 7.

² Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1978, № 23, 26.

менному этапу развитого социализма соответствует более или менее развитая система законодательства союзных республик. Содержание и характер этих нормативных актов во многом предопределяются союзными законами, в большинстве случаев—Основами законодательства СССР и союзных республик. Республиканские законы детализируют и конкретизируют содержащиеся в Основах общие принципы и положения применительно к особенностям республик, а в ряде случаев создают новые нормы. Принятию того или иного республиканского закона предшествует, как правило, издание аналогичного нормативного акта в общесоюзном масштабе. Отражая исходные принципы советского федерализма, Основы, как отмечает С. Л. Зивс, цементируют единство общесоюзного и республиканского законодательства, т.е. обеспечивают системность отрасли¹.

Законодательная деятельность союзной республики осуществляется во всех областях государственной жизни республики и всех сферах хозяйственного и социально-культурного строительства, отнесенных к ее ведению. Поэтому издание законов надо рассматривать как комплексную интегративную деятельность, имеющую общее значение для всех полномочий союзных республик, как важную юридическую форму и средство их осуществления. «Правовая система.— пишет Д. А. Керимов,—это не только составная часть целостной социально-экономической и политической системы общества, но и имманентная форма ее выражения»².

В этой связи следует заметить, что законодательные полномочия союзной республики занимают особое место в системе ее полномочий и по своему характеру отличаются от ее полномочий в отдельных отраслях хозяйства и культуры.

Между тем в имеющейся литературе указанные особенности не учитываются, и законодательные полномочия включаются в общий перечень полномочий и ставятся в один ряд с полномочиями в области социально-культурного строительства и административно-политической деятельности. Такая же неточность допускается и при классификации полномочий союзных республик³, что приводит к неизбежному

---

¹ См.: Зивс С. Л. Источники права.—М., 1981, с. 91.

² Керимов Д. А. Конституция СССР и развитие политико-правовой теории.—М., 1979, с. 204.

³ См., например, Златопольский Д. Л. Верховные Советы союзных

смещению оснований и критериев классификации: в одном случае речь идет о характере полномочий, в другом—о сферах деятельности союзной республики.

Как Союз ССР, так и каждая союзная республика имеют свою законодательную компетенцию, пределы и сферы действия которой достаточно четко зафиксированы конституционными нормами. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением И. А. Тимченко о существовании двойной законодательной компетенции союзной республики—общесоюзной и внутриреспубликанской. Под общесоюзной законодательной компетенцией союзной республики он понимает полномочия республики, проявляющиеся в реализации ее суверенных прав через высшие органы государственной власти СССР посредством деятельности полномочных представителей республики—депутатов Верховного Совета СССР¹. Для выделения так называемой «общесоюзной законодательной компетенции» союзной республики нет, на наш взгляд, никаких оснований. Рассуждая таким образом применительно к компетенции союзного государства, можно дойти до выделения «республиканской законодательной компетенции» СССР, так как он обеспечивает единство законодательного регулирования на всей территории страны и принимает Основы законодательства по отдельным отраслям.

То, что И. А. Тимченко называет «общесоюзной законодательной компетенцией» союзной республики есть не что иное, как право союзных республик участвовать в решении вопросов, отнесенных к ведению Союза ССР, в Верховном Совете СССР, его Президиуме и других органах Союза ССР. Такое право не составляет самостоятельного вида законодательной компетенции союзной республики. Принятие общесоюзных законов является прерогативой СССР как единого союзного многонационального государства, олицетворяющего государственное единство советского народа.

Конституции союзных республик 1978 г. значительно расширяют круг субъектов законодательной деятельности в республике. В прежних конституциях союзных республик было закреплено положение, что их единственными законодательными органами являются Верховные Советы (см., например,

---

республик.—М., 1967, с. 17—18; *Шафир М. А.* Компетенция СССР и союзной республики.—М., 1968, с. 145—167.

¹ См.: *Тимченко И. А.* Законодательная деятельность союзных республик в сфере государственного управления.—Киев, 1978, с. 211.

ст. 22 Конституции Казахской ССР 1937 г.). Такое положение не отвечало, на наш взгляд, реальному положению вещей, так как абстрагировалось от осуществляемой в большом объеме правотворческой деятельности Президиумов Верховных Советов союзных республик. Многие указы Президиума издавались по вопросам, составляющим предмет законодательного регулирования, а некоторые из них вносили изменения не только в текущее законодательство, но и в Конституцию союзной республики.

Данная проблема широко обсуждалась в юридической литературе в связи с научным толкованием ст. 49 п. «б» Конституции СССР 1936 г. При этом некоторые ученые выступали против признания права Президиума Верховного Совета на внесение изменений и дополнений в законодательство¹. Однако большинство авторов считали, что Президиуму Верховного Совета свойственна законодательная деятельность и указанное положение необходимо в той или иной форме огрести в Конституциях союзных республик².

Принципиальные основы для решения вопроса о соотношении закона и нормативного указа дает новая Конституция СССР. Применительно к высшим органам государственной власти СССР она четко фиксирует как исключительные полномочия Верховного Совета (ст. 108), так и право Президиума Верховного Совета вносить в случае необходимости изменения в действующие законодательные акты СССР (ст. 122). Нормативные указы принимаются Президиумом в период между сессиями Верховного Совета с последующим представлением их на его утверждение на очередной сессии.

Аналогичное решение вопроса о соотношении закона и нормативного указа в условиях союзной республики содержится во всех вновь принятых конституциях союзных республик³.

Нормативные указы Президиума приобретают силу закона с момента их издания, а не после их утверждения на сессии Верховного Совета. Силу закона они могут утратить в случае их неутверждения на ближайшей сессии. Анализи-

¹ *Хачатрян Г. М.* Верховный Совет союзной республики. М., 1975, с. 28—41.

² См., например, *Кузнецов И. Н.* Законодательная и исполнительная деятельность высших органов власти.—М., 1965, с. 115—122; *Васикова М. С.* Законодательная деятельность Узбекской ССР.—Ташкент, 1973, с. 151.

³ См., например, Конституцию Украинской ССР, ст. 109.

руя эту проблему, С. Л. Зивс приходит к выводу, что указы не представляют собой подзаконных актов, а являются актами, приравненными по своей правовой силе к законам¹.

Новое конституционное законодательство, определив статус Президиума как постоянно действующего органа Верховного Совета, осуществляющего функции высшего органа государственной власти в период между его сессиями, а также компетенцию Президиума, дает четкий ответ на вопросы, составлявшие предмет упомянутой дискуссии. Таким образом, Президиум Верховного Совета союзной республики является одним из субъектов законодательной деятельности в республике.

Конституции союзных республик 1978 г. предусматривают возможность принятия республиканских законов и путем народного голосования (референдума), проводимого по решению Верховного Совета республики (ст. 97 Конституции Казахской ССР и аналогичные статьи конституций других союзных республик). Референдум является формой прямого волеизъявления трудящихся, это—«завершающая стадия процесса народного законотворчества, которой предшествуют другие стадии участия народа в создании закона»². Субъектом законодательной деятельности при референдуме выступает непосредственно сам народ союзной республики. Принятие законов путем референдума является одним из проявлений углубления и расширения социалистической демократии на современном этапе.

С. Б. Абулгазин

кандидат юридических наук

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Вопрос о сущности административного правонарушения неоднократно рассматривался не только представителями науки административного права, но и учеными других отраслей права. Основным вопросом, вокруг которого ведутся споры ученых-юристов, является важнейший материальный признак административного правонарушения—его общественная опасность.

¹ Зивс С. Л. Источники права.—М., 1981, с. 111—112.

² См.: Котох В. Ф. Референдум в системе социалистической демократии.—М., 1964, с. 143.

Одна группа авторов считает сущностью всех видов правонарушений общественную опасность¹. Другая — видит сущность правонарушения в его общественной вредности (вредоносности), признавая общественную опасность признаком только преступления². Третья — наделяет признаком общественной опасности часть административных правонарушений³.

К сожалению, ни Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях в ст. 7, ни Кодекс Казахской ССР об административных правонарушениях не разрешили этого спора и не предусмотрели в его определении признака общественной опасности.

Анализируя приведенные точки зрения, следует выразить наше несогласие с тем, что административным правонарушениям не свойствен признак общественной опасности. Выделение административных правонарушений как самостоятельного явления возможно лишь на основе единого материального признака — общественной опасности, который отражает способ их воздействия на общественные отношения и обуславливает объединение правовых запретов на их совершение под угрозой карательной санкции в рамках одной отрасли права. Ведь не каждое вредное деяние представляет опасность для общественных отношений. Общественная опасность — это общий признак всех правонарушений, который их объединяет и позволяет отграничивать от иных вредоносных явлений, не являющихся противоправными. Признаки противоправности и общественной опасности в определенной степени взаимозависимы. Противоправность является выражением общественной опасности деяния. Деяние, не представляющее общественной опасности, не может приобрести качества административной противоправности. Однако анализ объективных и субъективных свойств правообразующего процесса позволяет сделать вывод о том, что нельзя признавать данное соотношение постоянным: общественно опасно — значит противоправно, или наоборот. Их соотноше-

---

¹ См.: *Галаган И. А.* Административная ответственность в СССР: Процессуальное регулирование. — Воронеж, 1976.

² См.: *Попов Л. Л.* Проблемы эффективности административно-правовых санкций: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — М., 1967.

³ См.: *Якуба О. М.* Административная ответственность. — М., 1972.

ние сложно и неоднозначно, но ведущую роль в нем выполняет материальный признак административного правонарушения—общественная опасность. Будучи объективным признаком, она не зависит от того, установлена ли административная противоправность отдельных деяний. Так, целесообразно, на наш взгляд, установить административную противоправность для некоторых деяний. Например, объективно мелкая кража личного имущества граждан общественно опасна, но не противоправна, так как она не установлена законодателем. Представляется, что для проведения отграничения административного правонарушения от иных противоправных (вредных) деяний следует учитывать именно степень общественной опасности. Сравним, к примеру, преступление и административное правонарушение. Преступление обладает самой высокой степенью общественной опасности. Оно общественно опасно в уголовно-правовом смысле: значительно вредносно, наносит большой ущерб общественным отношениям, колеблет устои советского строя. Административное же правонарушение характеризуется меньшей степенью общественной опасности, отсутствием значительного вреда; оно не представляет угрозы для основ советского строя. На степень общественной опасности влияют характер и вид объекта посягательства деяния, а также ряд черт деяния, получающих свое выражение через признаки различных элементов состава правонарушения.

Из изложенного следует, что если даже отграничивать конкретное административное правонарушение от конкретного преступления, критерием должна служить разная степень общественной опасности. Однако при характеристике общественной опасности как материального признака, присутствующего административным правонарушениям, этого, на наш взгляд, недостаточно,—следует учитывать, что административные правонарушения—самый распространенный вид противоправных и вредоносных деяний. Именно совокупность административных правонарушений дает нам полное представление об общественной опасности рассматриваемого деяния. Общественная опасность является критерием классификации и самих административных правонарушений. Общественная опасность каждого конкретного правонарушения не-

равномерна, и в зависимости о ее степени следует говорить о двухуровневой системе. В нее входят:

1. Административные правонарушения, по объему общественной опасности, характеру нарушений и мере вреда приближающиеся к преступлениям, но с меньшей степенью общественной опасности (мелкое хулиганство, мелкое хищение государственного и общественного имущества и др.).

2. Административные правонарушения, по характеру не злостные, каждое с предельно низкой степенью общественной опасности, не представляющие угрозу в общей массе. В их «распространенности» и «массовости» кроется общественная опасность (например, безбилетный проезд в общественном транспорте).

Из сказанного можно сделать вывод, что более целесообразно дать следующее определение административного правонарушения: «Административный проступок—это посягающее на государственный или общественный порядок, социалистическую собственность, права и свободы граждан, на установленный порядок управления противоправное, виновное общественно опасное действие или бездействие, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность».

А. С. Матвеев

кандидат юридических наук

ПРАКТИКА ВЫБОРОВ В СОВЕТЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАЗАХСКОЙ ССР

Практика выборов—это отношения, складывающиеся в ходе избрания Советов. В настоящее время большинство ученых, исследовавших этот институт, отождествляют совокупность фактических отношений, которые возникают в процессе формирования представительных органов власти, с понятием «советская избирательная система»¹. Следовательно, вопрос о взаимодействии практики выборов и их нормативной основы—это соотношение и взаимосвязь советской избирательной системы и избирательного права.

¹ См.: Ким А. И. Советское избирательное право.—М., 1965, с. 21; Богомолов М. Т. О понятии советского избирательного права и избирательной системы.—В кн.: Проблемы конституционного права. Саратов, 1979, вып. 3, с. 127—128.

Многие экономические, политические и иные отношения социализма могут найти отражение в процессе формирования Советов, только предварительно получив законодательное закрепление. Право, таким образом, способно оказывать воздействие на избирательную систему, порождая в ней новые общественные отношения. Примером этому является ст. 13 Закона о выборах в местные Советы народных депутатов Казахской ССР, установившая новый порядок определения числа округов при избрании каждого конкретного Совета. Избирательная система (практика выборов), в свою очередь, оказывает влияние на развитие республиканского законодательства. На основе изучения практики законодатель имеет возможность обнаружить пробелы в действующем праве, определить степень важности тех или иных общественных отношений и необходимость их правового регулирования, а затем уже выявить наиболее эффективные решения поставленных жизнью задач и нормативно закрепить их. Фактические общественные отношения советской избирательной системы выступают здесь применительно к избирательному праву как потребности практики, т.е. в качестве движущей силы совершенствования законодательства. Таковы, например, нормы о доверенных лицах кандидатов, окружных предвыборных собраниях, отзыве кандидатов в депутаты и членов избирательных комиссий, гарантиях деятельности кандидатов и т.п., которые сначала утвердились на практике и лишь в 1978—1979 гг. получили закрепление в законодательстве КазССР.

Кроме того, практика выборов является критерием соответствия правовых норм требованиям жизни, проверкой их действительности. Так, изучение материалов избирательных кампаний в г. Алма-Ате, Караганде, Павлодаре и Целинограде показало, что, хотя утратившие силу Положение о выборах в местные Советы Казахской ССР и Положение о выборах в Верховный Совет Казахской ССР возлагали выдачу удостоверений на право голосования на исполком местного Совета¹, однако практически эта норма не выполнялась и реально указанные функции осуществлялись участковыми избирательными комиссиями. Новое республиканское законо-

---

¹ См.: Сборник Законов Казахской ССР (1937—1971 гг.).—Алма-Ата, 1971, с. 40, 83.

дательство о выборах закрепило за ними эту обязанность, тем самым упразднив неэффективную норму¹.

Бездействие определенных норм избирательного права отнюдь не всегда говорит об ошибке законодателя. В ряде случаев государство закрепляет только правовую возможность, гарантии выбора одного из вариантов поведения, но отнюдь не заставляет субъектов правоотношения поступать однозначно. Так, ст. 89 Конституции КазССР предоставила право выдвижения кандидатов организациям КПСС, профсоюзов и ВЛКСМ, однако на практике они никогда не пользуются им. В основном выдвижение осуществляется трудовыми коллективами, что вытекает из самого характера избирательного блока коммунистов и беспартийных, как одной из главных особенностей всенародных выборов в нашей стране.

Если бы кандидат в депутаты выдвигался территориальным органом КПСС, то он был бы кандидатом от коммунистов, точно так же, как кандидат, выдвинутый органом ЛКСМ, был бы кандидатом от беспартийных. На общем же собрании трудового коллектива присутствуют как коммунисты, так и беспартийные, следовательно, процесс выдвижения осуществляется ими совместно.

В соответствии со ст. 13, 15, 25 и 26 Закона о выборах в местные Советы народных депутатов КазССР округа образуются не позднее чем на пятый, избирательные участки — не позднее чем на пятнадцатый день после назначения выборов, а окружные комиссии утверждаются не позднее чем на тридцатый день после начала избирательной кампании.

Выдвижение представителей трудовых коллективов и общественных организаций в состав окружных и участковых избирательных комиссий может начаться не раньше, чем соответствующие округа и участки будут созданы. Закон устанавливает единый предельный срок для формирования окружных комиссий и избирательных участков (15 дней), и если участки будут созданы к концу этого срока, станет невозможным выдвинуть представителей в состав и окружной, и участковой избирательной комиссии на одном общем собрании трудового коллектива либо на одном заседании органа общественной организации. Проведение же двух собра-

---

¹ См.: Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1978, № 52; 1979, № 25.

ний или заседаний, в то время как можно ограничиться одним, означает дополнительные организационные трудности и отвлечение от труда или отдыха сотен тысяч работников. Исходя из изложенного, видимо, следует на выборах в местные Советы установить единые сроки образования избирательных округов и участков.

Представляется целесообразным также предоставить трудовым коллективам право внесения наказов выдвигаемым ими кандидатам в депутаты. Это укрепит взаимосвязь трудового коллектива с Советами и будет способствовать усилению его роли как субъекта политической системы СССР. Такая практика частично уже имеет место, однако, не будучи обеспеченной нормативной базой, она еще не получила достаточно широкого распространения.

Р. Ж. Мукашев

кандидат юридических наук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СМЯГЧАЮЩИХ И ОТЯГЧАЮЩИХ АДМИНИСТРАТИВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Проводимое на основе Конституций СССР совершенствование советского законодательства, как подчеркнуто на XXVI съезде КПСС, даст «большой полезный эффект»¹ и это отчетливо прослеживается при рассмотрении вопроса о влиянии Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях на усиление борьбы с административными проступками².

Административная ответственность, как известно, состоит в применении к правонарушителю административно-правовой санкции, что связано с ущемлением некоторых прав нарушителя и причинением ему определенных нравственных страданий. Поэтому перед ее применением необходимо глубокое и всестороннее исследование всех обстоятельств дела: установление объективной истины, решение вопроса о том, имело ли место административное правонарушение и виновно ли данное лицо в совершении проступка, собирание необходимых доказательств, вызов свидетелей, удовлетворение законных просьб лиц, участвующих в деле, и тем самым

¹ Материалы XXVI съезда КПСС.—М.: Политиздат, 1981, с. 64.

² См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1980, № 40, ст. 909.

обеспечение законности и обоснованности выносимого решения¹. В то же время рассмотрение дела об административном правонарушении должно быть не только оперативным, но и нести определенную воспитательную нагрузку. Эта задача органов административной юрисдикции четко определена действующим законодательством².

Кроме этого, представляется целесообразным закрепить право органов, осуществляющих административную юрисдикцию, не применять взыскание к правонарушителю, если его исправление может быть достигнуто в процессе самого разбирательства о совершенном проступке. Как справедливо отмечается в литературе, принуждение осуществляется в интересах и общества, и, в конечном счете, самого нарушителя³. В этом его подлинная гуманная направленность.

Социалистическое общество обеспечивает личность широким комплексом прав, свобод, рассматривает ее в качестве важнейшей социальной ценности. И не случайно поэтому, например, ст. 22 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях, устанавливающая общие правила наложения взыскания за совершенные проступки, обязывает учитывать при этом «обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность». Следует отметить, что влияние смягчающих и отягчающих обстоятельств выражается в том, что при их наличии либо изменяется объем вреда, либо возрастает или, напротив, снижается возможность причинения ущерба объекту правовой охраны, и они, отражая противоположные тенденции в юрисдикционной деятельности, вместе с тем предполагают существование друг друга; в то же время, в закон не должны, на наш взгляд, включаться такие обстоятельства, кото-

---

¹ См.: *Додин Е. В.* Доказательства в административном процессе.— М., 1973, с. 175—179; *Салищева Н. Г.* Гражданин и административная юрисдикция в СССР.— М., 1970, с. 66—102; *Бахрах Д. Н.* Советское законодательство об административной ответственности.— Пермь, 1967, с. 17.

² См.: Положение о порядке производства по делам об административных проступках: Указ Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 27 февр. 1962 г.— В кн.: Сборник законов КазССР. Алма-Ата, 1981, т. 2, с. 256.

³ См.: Советское административное право: Методы и формы государственного управления.— М., 1977, с. 106—107; *Еропкин М. И., Попов Л. Л.* Административно-правовая охрана общественного порядка.— Л., 1973, с. 134—136.

рые могут перейти в свою противоположность по характеру влияния (в одной ситуации—смягчить наказание, в другой, напротив, отягчить).

Из анализа ст 20. Основ вытекает, что перечень обстоятельств, смягчающих ответственность, не является исчерпывающим¹. Законодательством Союза ССР и союзных республик могут быть предусмотрены и иные обстоятельства. Органу (должностному лицу), разрешающему дело об административном правонарушении, также предоставлено право признать смягчающими обстоятельства, не указанные в законодательстве. При этом, как свидетельствует практика, суды, руководствуясь социалистическим правосознанием, учитывают возраст правонарушителя, его семейное положение, участие в Великой Отечественной войне, инвалидность, награждение орденами и медалями, положительную общественно-трудовую деятельность и др.² Такой подход целиком отвечает принципу социалистического гуманизма и позволяет с наибольшей полнотой индивидуализировать ответственность.

В связи с этим представляется целесообразным нормативно закрепить следующие обстоятельства, смягчающие ответственность, — совершение правонарушения под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной или иной зависимости, а также при защите от общественно опасного посягательства, хотя и с превышением пределов необходимой обороны. Следует подчеркнуть, что совершение правонарушения под воздействием угрозы или принуждения смягчает ответственность потому, что совершенное деяние выражает в большой степени волю и желание другого лица, прямо или косвенно воздействующего на волю или сознание виновного. Материальная зависимость может возникнуть на почве семейно-брачных, договорных и других подобных отношений и выражается в зависимости средств существования виновного от другого лица, а иная зависимость, на наш взгляд, может быть личного, служебного порядка. Однако угроза, принуждение, зависимое положение

¹ См.: Комментарий к Основам законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях.—М., 1983, с. 66—73.

² См.: Вопросы охраны общественного порядка и социалистической собственности в свете Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях: Сб. науч. тр./Горьковск. высш. шк. МВД СССР.—Горький, 1981, с. 77.

должны выступать в качестве реальных и достаточно серьезных феноменов, влияющих на поведение людей в такой степени, что они склоняются к совершению правонарушения. Ответственность при превышении пределов необходимой обороны не устраняется, тем не менее действия субъекта в такой ситуации менее опасны, поскольку мотивом оборонительных действий являлась защита охраняемых законом государственных, общественных и личных интересов от общественно опасных посягательств, и, вообще, действия лица в таких случаях до превышения пределов необходимой обороны признаются общественно полезными.

Обстоятельства, отягчающие ответственность за административные правонарушения, ограничены перечнем, содержащимся в ст. 21 Основ. Видимо, законодатель исходил из того, что ограниченный перечень будет способствовать более единообразному подходу к выбору и наложению взысканий на лиц, совершивших административное правонарушение. Следовательно, отягчающие обстоятельства расширительно толкованию не подлежат, однако существуют и другие обстоятельства, свидетельствующие об определенной устойчивости антиобщественного образа жизни правонарушителя, на которые не могут не обращать внимания органы административной юрисдикции. В числе таких обстоятельств: совершение правонарушения из корыстных или иных низменных побуждений; в отношении малолетнего, престарелого; лица, находящегося в беспомощном состоянии, или лица, совершившего проступок после применения к нему меры общественного воздействия, и т.д. В связи с этим следует согласиться с мнением советских ученых-правоведов, что «если законодатель действительно опасался произвольного признания обстоятельств дела в качестве отягчающих, он должен был дать критерии, которыми обязан руководствоваться суд при оценке обстоятельств дела и признании их отягчающими... Поэтому позиция в этом вопросе законодательных систем ряда социалистических стран, излагавших и излагающих примерный круг смягчающих и отягчающих обстоятельств, выглядит более перспективной и правильной по существу»¹.

¹ См.: *Кругликов Л. Л.* Смягчающие и отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве.—Ярославль, 1977, с. 58—60; Эффективность применения уголовного закона.—М., 1973, с. 103—104; *Чечель Г. И.* Перечень в законе отягчающих обстоятельств—исчерпывающий.—Сов. юстиция, 1971, № 1, с. 13.

Тем более, в соответствии со ст. 22 Основ, органы административной юрисдикции в любом случае при наложении взыскания обязаны учитывать «характер совершенного правонарушения, личность нарушителя, степень его вины...».

Законодательство об административных правонарушениях обязывает уважать права, честь и достоинство граждан, правила социалистического общежития, а также добросовестно выполнять обязанности и отвечать за свои поступки перед государством и общественностью. Конечно, сейчас трудно определить, по какому пути пойдет законодатель при решении этого вопроса, но имеющийся перечень смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств является в целом тем необходимым дополнительным инструментарием в руках органов административной юрисдикции, который должен использоваться с большим успехом при выборе и наложении взыскания. Также важно уяснить критерии, позволяющие оценить влияние этих обстоятельств на выбор меры административно-правового воздействия.

М. Сеильханов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В числе органов административной юрисдикции Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях называют органы внутренних дел, отмечая, что их компетенция в этой области устанавливается законодательными актами СССР¹.

Место органов внутренних дел в системе органов административной юрисдикции, объем юрисдикционных полномочий определяются их ролью и местом в механизме Советского государства. На органы внутренних дел действующим законодательством возложена обязанность обеспечивать общественный порядок, вести борьбу с преступностью, заниматься исправлением и перевоспитанием осужденных, обеспечивать пожарную охрану, безопасность дорожного движения. Следовательно, сами условия, в которых приходится действовать этим органам, весьма специфичны. Эта специфика, к тому же, характеризуется необходимостью быстро реагировать на совершаемые в указанных сферах правонарушения, по-

---

¹ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях, ст. 30.

скольку, несмотря на свою быстротечность, они затрагивают интересы многих людей и нередко чреваты опасными последствиями.

Административно-юрисдикционные полномочия органов внутренних дел определены Положением о советской милиции, указами Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью»¹ и от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке»², другими законодательными актами, предусматривающими ответственность за конкретные виды правонарушений. В соответствии с этими актами органам внутренних дел предоставлено право рассматривать дела о нарушении общественного порядка, правил, обеспечивающих безопасность движения транспорта, и правил пользования транспортом, правил проживания, прописки и передвижения на территории СССР иностранных граждан и лиц без гражданства, правил пограничного режима, правил пожарной безопасности, санитарно-гигиенических и санитарно-противоэпидемических правил на объектах, подведомственных органам внутренних дел, правил паспортной системы в Москве, Московской области, Ташкенте и Ленинграде, дела о незаконных валютных операциях (скупке, продаже, обмене или использовании в качестве средств платежа в небольших размерах иностранной валюты, платежных документов в иностранной валюте или банковских платежных документов в рублях, приобретаемых на иностранную валюту с правом обращения их в такую валюту), дела о потреблении наркотических веществ без разрешения врача.

Определяя правовой статус органа внутренних дел как субъекта административной юрисдикции, действующее законодательство наделяет их правом применять к виновным следующие виды административных взысканий: предупреждение, штраф, конфискация предмета, явившегося орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения; лишение специального права, предоставленного данному гражданину (права управления транспортным средством).

---

¹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1973, № 24, ст. 309.

² Там же, 1961, № 35, с. 368.

Следует отметить еще одну особенность административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел, отличающую ее от подобной деятельности других отраслевых органов административной юрисдикции. В то время как в отраслевых органах административной юрисдикции правом рассмотрения дел об административных правонарушениях наделяется какое-либо определенное должностное лицо, чаще всего из инспекторского состава (инспекторы Госгортехнадзора, государственные санитарные инспекторы и т. д.), в органах внутренних дел таким правом наделен значительный круг сотрудников различных подразделений. Это милиционеры, начальники органов внутренних дел (их заместители), инспекторы дорожно-патрульной службы, сотрудники ГАИ, инспекторы Госпожнадзора, начальствующий состав пожарной охраны, начальники санитарно-эпидемиологической службы органов внутренних дел. При этом каждое должностное лицо действует в пределах своей служебной компетенции.

Отметив значительный круг должностных лиц различных подразделений органов внутренних дел, наделенных действующим законодательством административно-юрисдикционной компетенцией, следует сказать, что основная нагрузка в этой области ложится в настоящее время на начальников органов внутренних дел (их заместителей). Дело в том, что общесоюзное законодательство только им предоставляет право налагать административные взыскания на значительное число административных правонарушений, в том числе на наиболее распространенные нарушения общественного порядка (мелкое хулиганство, распитие спиртных напитков в неустановленных местах, появление в пьяном виде в общественных местах и др.).

Необходимо также отметить и такую черту рассматриваемого института, как установленную действующим законодательством в отношении некоторых видов административных правонарушений совместную юрисдикцию органов внутренних дел и других органов (их должностных лиц). Так, например, дела о мелком хулиганстве вправе рассматривать начальник органа внутренних дел (его заместитель), а также народный судья. Штраф за нарушение правил пользования транспортом вправе налагать как органы некоторых видов транспорта, так и работники милиции.

Представляется, что сложившееся положение в области совместной юрисдикции нескольких органов (их должностных лиц) в отношении некоторых видов административных правонарушений нуждается в критическом пересмотре.

Органы внутренних дел среди административных юрисдикционных органов занимают ведущее место: ими рассматриваются более 40% правонарушений. Преимуществом органов внутренних дел в осуществлении административных юрисдикционных полномочий является то, что они оперативно и гибко, без излишней волокиты, имеют возможность осуществить весь комплекс профилактических мер и наложить меры административного принуждения на правонарушителей. Вместе с тем, к сожалению, Кодекс Казахской ССР об административных правонарушениях не решил ряда спорных вопросов по урегулированию компетенции ОВД при рассмотрении дел об административных правонарушениях.

Так, на страницах административно-правовой литературы на протяжении ряда лет дискутируется вопрос о распределении юрисдикционной компетенции между народным судьей и начальником ОВД по рассмотрению дел о мелком хулиганстве. Как известно, если по делу о мелком хулиганстве возникла необходимость наложения административного ареста, то дело передается народному судье. На наш взгляд, назрела необходимость предоставить начальнику ОВД право самостоятельно налагать административный арест. Тем более, что образовательный уровень должностных лиц ОВД намного вырос по сравнению с 1966 г., когда было принято такое решение. Как показывает статистика, практически все начальники ОВД—это лица с высшим юридическим образованием. Другим аргументом в пользу нашей позиции является то, что процедура передачи дела от начальника ОВД к народному судье нарушает принципы оперативности рассмотрения дел об административных правонарушениях. Такое решение этого спорного вопроса значительно высвободило бы народные суды и позволило сосредоточить их внимание на рассмотрении уголовных и гражданских дел.

В этом же плане, на наш взгляд, назрела объективная необходимость в предоставлении права начальнику ОВД рассматривать дела о нарушениях правил паспортной системы. В настоящее время это компетенция административ-

ных комиссий исполкомов местных Советов. Такое решение вопроса позволит более профессионально и оперативно (в смысле времени) проводить профилактические мероприятия и налагать меры административного взыскания. Тем более, что есть опыт ОВД городов Москвы, Ленинграда и Ташкента по рассмотрению этой категории дел. Опыт показал целесообразность именно такого решения вопроса.

А. Д. Фролов

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ТЕКУЧЕСТЬЮ КАДРОВ

В целях выполнения решений XXVI съезда партии, майского и ноябрьского (1982 г.), июньского и декабрьского (1983 г.) Пленумов ЦК КПСС администрация, партийные, профсоюзные и комсомольские организации должны добиться стабильности трудовых коллективов, устойчивости трудовых правоотношений.

Как правило, при условии стабильности трудовых правоотношений обеспечивается и общая профилактика правонарушений, поскольку на работников оказывается постоянное воспитательное воздействие со стороны трудового коллектива.

Правовой механизм сокращения текучести кадров имеет прочную объективную основу и занимает видное место среди других общественно-государственных мер по рациональному использованию трудовых ресурсов и обеспечению народного хозяйства стабильными кадрами. Об этом, в частности, свидетельствует анализ постановлений ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 13 декабря 1979 г. № 1117 «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве» и от 28 июля 1983 г. № 744 «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда», а также постановления Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 июля 1983 г. № 745 «О дополнительных мерах по укреплению трудовой дисциплины»¹ и ряда других новейших нормативных актов и партийных документов².

¹ СП СССР, 1980, № 3, ст. 17; 1983, № 21, ст. 115; 1983, № 21, ст. 116.

² См.: Материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 г.—М.: Политиздат, 1982; СП СССР, 1982, № 17, ст. 91, 92; Материалы Пленума ЦК КПСС 22 ноября 1982 г.—М.: Политиздат, 1982; Материалы Пленума ЦК КПСС, 14—15 июня 1983 г.—М.: Политиздат, 1983; «Ведомости» Вер-

Текучесть кадров следует рассматривать как разновидность внепланового, неорганизованного движения рабочей силы. Контингент текучности составляют две группы увольнений: по собственному желанию без уважительной причины и за нарушение трудовой дисциплины. Состояние движения рабочей силы на предприятиях показывает, что в Казахстане 80—85% увольнений относятся к первой группе, остальные—ко второй.

Среди правовых средств сокращения текучности кадров важное значение имеют адаптационные меры. Они способствуют быстрому вхождению в трудовой коллектив рабочих и служащих, вступивших в трудовые или ученические правоотношения. Адаптационная работа проводится прежде всего среди новичков, в основном молодежи, не имеющих достаточного жизненного и производственного опыта. Известно, что, хотя на долю молодежи приходится менее половины общего числа лиц, занятых в промышленности, она составляет около 2/3 от общего числа граждан, меняющих место работы¹. В то же время, как свидетельствуют данные научных исследований, основное количество правонарушений совершается именно лицами этой возрастной группы².

Учитывая, что текучесть молодых рабочих определяется многочисленными факторами социально-психологического характера, наличием разрыва между уровнем потребностей и возможностью их удовлетворения, в тщательном урегулировании нуждаются отношения по поводу продвижения молодежи.

В связи с этим следовало бы текстуально закрепить это право молодых работников, изменив редакцию ст. 8 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (ст. 15 КЗоТ КазССР). Кроме того, с целью правовой регламентации процесса профессионально-квалификационного продвижения желательнее разработать и издать Типовое положение по адаптации новичков на предприятии.

Известные постановления от 13 декабря 1979 г. № 1117 и от 28 июля 1983 г. № 744 установили прямую зависимость

ховного Совета СССР, 1983, № 25, ст. 382.

¹ См.: Пруц З. И. и др. Создание постоянных кадров на предприятиях.—М.: Профиздат, 1980, с. 53.

² См.: Ветров Н. И. Индивидуальное профилактическое воздействие на молодых правонарушителей.—М.: ВНИИ МВД СССР, 1979, с. 14.

между состоянием трудовой дисциплины и стабильностью трудовых коллективов, предопределив тем самым возможность применения разнообразных правовых средств. Особенно остро вопрос об укреплении дисциплины труда поставлен ноябрьским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС¹.

Количество увольнений за нарушение трудовой дисциплины на предприятиях республики все еще велико. К примеру, в объединении «Карагандауголь» удельный вес лиц, уволенных по этой причине, не снижается, оставаясь достаточно высоким, и по отношению к общему числу выбывших рабочих и служащих составил (в %): в 1975 г.—6,6; в 1980 г.—7,8; в 1981 г.—10; в 1982 г.—11*.

Вместе с тем выборочные исследования показывают, что значительная часть лиц, оказавшихся вне воспитательного воздействия трудовых коллективов, становятся потенциальными правонарушителями.

Успех в решении проблемы трудовой дисциплины зависит, по нашему мнению, от следующих факторов: систематичности в деятельности по укреплению дисциплины, совершенствования планово-правовой основы профилактической работы, эффективности применения правовых мер борьбы с нарушителями трудовой дисциплины и активности участия в ней общественных организаций и трудовых коллективов.

В целях унификации деятельности по дальнейшему сокращению текучести кадров с использованием правовых средств желательно систематизировать важнейшие из них в единый общегосударственный акт. Такой акт мог бы сконцентрировать основные отправные положения профилактики и сокращения текучести кадров, закрепить структуру органов, а также лиц на предприятиях, ведающих данным участком работы, правовые средства, применяемые на разных стадиях реализации права на труд и т. п.

Комплексный подход к сокращению текучести кадров, предусмотренный директивами партии и правительства, позволит снизить ее до оптимального уровня и повысит эффективность профилактики правонарушений.

¹ См.: Материалы Пленума ЦК КПСС. 22 ноября 1982 г.—М.: Политиздат, 1982, с. 9.

* Текущий архив производственного объединения «Карагандауголь» за 1975—1982 гг.

У. М. Стамкулоў

кандидат юридических наук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОЗМЕЩЕНИИ ГРАЖДАНАМ ПРИЧИНЕННОГО ИМ ВРЕДА

(отдельные вопросы)

Гражданское законодательство постоянно совершенствовалось в направлении достижения более полного учета интересов личности. В Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик¹ (ст. 88), в Гражданском кодексе Казахской ССР² (ст. 443) законодательно был сформулирован и закреплен принцип полного возмещения причиненного вреда. Одновременно были установлены как общие основания возникновения обязательств из причинения вреда, так и специальные условия, которые формируют особые виды обязательств данной группы. В частности, особые условия возникновения обязательств из причинения вреда в области административного управления предусмотрены ст. 89 Основ (ст. 449 ГК).

Многогранную деятельность органов внутренних дел все же можно объединить в три группы: административная деятельность; оперативно-розыскная деятельность; производство дознания и предварительного следствия. Ответственность органов внутренних дел в области административной деятельности в достаточной степени регламентирована ч. 1 ст. 89 Основ (ч. 1 ст. 449 ГК) и на практике и в юридической литературе особых споров не вызывает. Вопрос об ответственности за вред, причиненный в результате уголовного преследования, решался иначе: ч. 2 ст. 89 Основ (ч. 2 ст. 449 ГК) содержала норму, согласно которой за вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, соответствующие государственные органы несут имущественную ответственность в случаях и в пределах, специально предусмотренных законом. Отсутствие такого закона исключало положительное решение вопроса о возмещении вреда. Как справедливо отмечает К. Б. Ярошенко, с при-

¹ В дальнейшем—Основы.

² В дальнейшем—ГК. Здесь и далее имеются в виду соответствующие статьи ГК других союзных республик.

пятием Конституции СССР 1977 г. возникло определенное несоответствие между действующим гражданским законодательством и ст. 58 Конституции, провозглашающей общий принцип необходимости возмещения ущерба¹.

В настоящее время это несоответствие устранено: 18 мая 1981 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций; а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей»². Этим же указом утверждено Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. 2 марта 1982 г. Министерством юстиции СССР, Прокуратурой Союза ССР, Министерством финансов СССР по согласованию с Верховным Судом СССР, МВД СССР и КГБ СССР принята инструкция по применению указанного Положения.

Из названий этих актов следует, что Указ регламентирует более широкий круг отношений, нежели Положение, регулирующее только порядок возмещения ущерба, причиненного гражданину в области судебно-следственной деятельности. В п. 1 Указа подчеркнута, что ущерб, причиненный гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей в области **административного управления** (подчеркнуто нами.—У. С.), возмещается на общих основаниях (ст. 88 Основ), если иное не предусмотрено законом.

П. 1 Указа и ст. 88 Основ предусматривают ответственность за ущерб, причиненный незаконными действиями только государственных и общественных организаций. Означает ли это, что под действие анализируемых актов не подпадают незаконные действия колхозных, других кооперативных и колхозно-кооперативных организаций? Однозначного ответа, по нашему мнению, быть не может, поскольку речь идет о самообразованиях, обладающих специфическими чертами. Но в пользу положительного решения вопроса следует отнести то, что ст. 58 Конституции СССР и Указ предусмат-

¹ Ярошенко К. Б. Возмещение вреда, причиненного гражданам действиями должностных лиц.—Сов. государство и право, 1982, № 8, с. 136.

² Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, № 24, ст. 744.

ривают ответственность не только государственных и общественных организаций, но и должностных лиц, не указывая при этом их принадлежность к той или иной организации. Кроме того, необходимо учесть общую направленность принятых актов на всемерную защиту интересов советских граждан.

Указ устанавливает, что возмещению подлежит ущерб, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ (ч. 1, п. 2). Касаясь административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, Б. Т. Безлепкин указывает, что эти меры взыскания предусмотрены, во-первых, по делам об административных правонарушениях, т.е. всецело в рамках административно-правовых отношений, и, во-вторых, по материалам уголовного дела, прекращенного по основанию, предусмотренному п. 1 ст. 5 Основ уголовного судопроизводства, т.е. к лицам, освобожденным от уголовной ответственности. Он считает, что в Указе речь идет только об административном взыскании, заменяющем уголовное наказание¹. С этим выводом трудно согласиться: в ч. 2 п. 2 Указа предусматривается, что «право на возмещение ущерба возникает при условии... прекращения дела **об административном правонарушении**» (подчеркнуто нами.—У. С.). Иначе говоря, вред, причиненный незаконным наложением административного взыскания в виде ареста и исправительных работ за административное правонарушение, должен возмещаться на тех же условиях и в том же порядке, что и незаконное уголовное преследование. Здесь следует учесть те достаточно тяжкие последствия, которые влекут указанные виды административного взыскания за административное правонарушение².

Положение от 18 мая 1981 г. достаточно подробно регламентирует порядок возмещения ущерба реабилитированному лицу. Возмещению подлежат имущественный и иной вред,

¹ *Безлепкин Б. Т.* Новые гарантии законных интересов реабилитированного.—Сов. государство и право, 1982, № 6, с. 64.

² Комментарий к Основам законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях/Отв. ред. Б. М. Лазарев.—М.: Юрид. лит., 1983, с. 63—66.

восстанавливаются трудовые, пенсионные, жилищные и другие права. Этот перечень достаточно красноречиво показывает, что правовыми нормами одной отрасли права урегулировать причиненный ущерб невозможно, что анализируемые законодательные акты носят комплексный характер. В этом аспекте вызывает сомнение утверждение авторов, полагающих, что восстановительные и компенсационные отношения имеют только уголовно-процессуальную природу¹. Внимательный анализ Положения от 18 мая 1981 г. и инструкции по его применению показывает, что не менее важная роль принадлежит нормам гражданского и трудового права.

К числу других вопросов, ждущих специального изучения, на наш взгляд, следует отнести: возможность предъявления регрессного иска к виновным правоохранительным органам; пределы возмещения имущественного ущерба, связанного с выпавшим на лотерейный билет выигрышем; вопросы, вытекающие из брака и семьи, например, раздел имущества и др.

Р. К. Мухамедшин

кандидат юридических наук

РЕАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДИСПОЗИТИВНОСТИ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Большое внимание дальнейшему укреплению социалистической законности и правопорядка уделено на ноябрьском (1982 г.) и июньском (1983 г.) Пленумах ЦК КПСС. Закрепление в Конституции СССР права граждан на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, личную свободу и имущество (ст. 57), отражая объективную тенденцию демократизации государственной и общественной жизни в условиях развитого социализма, выдвигает задачу дальнейшего укрепления социалистической законности в области гражданского судопроизводства. Реализация этой задачи требует неуклонного соблюдения и дальнейшего совершенствования процессуальных норм, регулирующих правоприменительную деятельность судов при осуществлении правосудия по гражданским делам.

---

¹ *Безлепкин Б. Т.* Указ. соч., с. 64—70.

В этой связи особую актуальность приобретают вопросы однозначной интерпретации ряда законодательных положений, характеризующих распорядительные полномочия сторон в процессе, активность и инициативу советского суда, прокуратуры, государственных и общественных организаций.

Реализация распорядительных правомочий в процессе осуществляется в рамках принципа диспозитивности гражданского процессуального права, определяемого как закрепленная в нормах гражданского процессуального права свобода участников процесса, имеющих в деле материально-правовой и процессуальный интерес, распоряжаться своими материальными и процессуальными правами в целях возникновения, движения или прекращения процесса, для защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов¹.

Данный принцип характеризуется как качественная особенность гражданского процессуального права, генетически функционально обусловленная диспозитивным характером материальных прав, подлежащих защите, и является необходимым компонентом метода гражданско-процессуального регулирования².

В процессуальной доктрине высказаны и иные мнения относительно содержания анализируемого принципа. Так, В. М. Семенов, высказываясь в пользу необходимости выделения принципа процессуальной активности суда в системе принципов гражданского судопроизводства, исключил тем самым активность суда из содержания принципа диспозитивности³.

В теории также было высказано мнение о необходимости сужения содержания принципа диспозитивности за счет исключения из этого понятия распорядительных действий материально-правового характера⁴.

Анализируя то или иное мнение, следует, очевидно, исходить из того, что анализ сущности и функциональных свойств любого процессуального принципа неразрывно свя-

¹ См., например, *Мельников А. А.* Публичность и диспозитивность в правосудии.—М.: ИГПАН, 1982, с. 44.

² См.: *Щеглов В. Н.* Проблема гражданско-процессуального метода.— В кн.: XXVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса.—М.: ИГПАН, 1982, с. 218.

³ См.: *Семенов В. М.* Конституционные принципы гражданского судопроизводства.—М.: Юрид. лит., 1982, с. 117—118.

⁴ См.: *Гукасян Р. Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве.—Саратов, 1970, с. 68.

зан с выявлением социальной ценности процессуального права, роли и места процессуальных норм в механизме правового регулирования общественных отношений.

Следовательно, фокусируя внимание на раскрытии понятия диспозитивности как принципиального положения процессуальной регламентации отношений, возникающих при осуществлении правосудия по гражданским делам, необходимо в первую очередь выявить те решающие правовые начала, которыми обусловлена специфика рассматриваемого процессуального принципа.

Как уже отмечалось, большинство теоретиков основу процессуальной диспозитивности видят в диспозитивном характере материальных прав, подлежащих защите¹. Поэтому принцип диспозитивности гражданского судопроизводства, являясь существенным атрибутом процессуальной формы, в генетическом аспекте испытывает значительное влияние диспозитивности материально-правовой, сохраняя в процессе присущие материальному праву распорядительные начала.

Таким образом, теоретической основой выявления сущности принципа диспозитивности должно стать, по нашему мнению, признание непосредственной детерминированности процессуальных отношений материально-правовыми. Такой аспект рассмотрения дает, как мы полагаем, достаточные теоретические основания для исключения из содержания принципа диспозитивности распорядительной деятельности прокурора и лиц, перечисленных в ст. 32 ГПК, поскольку объединение на единой основе качественно различной деятельности материально заинтересованных лиц и иных субъектов процессуального правоотношения, выступающих в защиту прав других лиц, затушевывает сущность процессуальной диспозитивности как начала личной автономии обладателя нарушенного (оспоренного) права.

В этой связи правомерной представляется и постановка вопроса о выделении процессуальной активности суда из принципа диспозитивности. Активная роль суда в процессе— это характерная черта гражданского судопроизводства вообще, а не отдельного процессуального принципа. Истоки активности суда определяются не характером материальных прав, а целями и задачами суда как органа правосудия.

¹ См., например, *Красавчиков О. А. Диспозитивность в гражданском правовом регулировании.*—Сов. государство и право, 1970, № 1, с. 43.

Следовательно, активная помощь, оказываемая судом, прокурором, другими организациями, может быть рассмотрена как характерное, принципиальное положение гражданского судопроизводства. С учетом этих положений принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права можно определить как возможность материально заинтересованных лиц под контролем суда влиять на движение процесса путем совершения процессуальных действий распорядительного характера.

Реализация принципа диспозитивности обеспечивается рядом процессуальных гарантий. Так, в соответствии со ст. 24 ГПК суд может отказать в санкционировании распорядительных действий лишь в тех случаях, когда такие действия противоречат закону или нарушают чьи-либо права и охраняемые законом интересы. Распорядительный характер правомочий, перечисленных в ч. 1 ст. 24 ГПК, дает основания для вывода, что к числу действий сторон, контролируемых судом, следует отнести изменение иска и уменьшение размера исковых требований. Данное положение требует, на наш взгляд, соответствующего законодательного закрепления в ч. 2 ст. 24 ГПК.

Другой важной гарантией реализации принципа диспозитивности является ограничение возможности суда выйти за пределы исковых требований случаями, прямо предусмотренными законом, и, как правило, только в отношении количественных модификаций объема требования (например, увеличения размера взыскиваемой суммы).

Долгое время трактовка ст. 195 ГПК РСФСР (ст. 192 ГПК КазССР) являлась предметом дискуссий. Одни авторы полагали, что данная норма дает суду право выйти не только за пределы размера требования, но и изменить иск по своей инициативе¹. Другие исследователи отрицают возможность изменения судом основания или предмета иска². Не было единства в этом вопросе и в правоприменительной практике. В этой связи в постановлении Пленума Верховно-

---

¹ См., например, *Пятиглов И. М.* Право суда выйти за пределы исковых требований.—Сов. юстиция, 1978, № 18, с. 5.

² См., например, *Добровольский А. А., Иванова С. А.* Основные проблемы исковой формы защиты права.—М., 1979, с. 52; *Мухамедшин Р. К.* О праве суда выходить за пределы исковых требований.—Соц. законность, 1982, № 3, с. 61—62.

го Суда СССР № 17 от 09.07.82 г. «О судебном решении» прямо отмечено, что изменить основание или предмет иска суд по своей инициативе без согласия сторон не вправе. При рассмотрении гражданского дела суд, в случае необходимости, разъясняет истцу его право на изменение основания или предмета иска¹.

Данное положение со всей очевидностью подчеркивает диспозитивный характер судопроизводства по гражданским делам, что предоставляет самим заинтересованным лицам определять предмет и основания защиты.

Б. Ж. Бейсембаева

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ РЫБНЫХ РЕСУРСОВ

XXVI съезд КПСС отметил, что проводимое на основе Конституции СССР 1977 г. обновление законодательства дает большой полезный эффект.

Являясь составной частью природной среды, рыбные запасы, выступая одновременно одним из объектов права государственной собственности, подлежат охране. Советскими законами установлен порядок их использования, сохранения и воспроизводства².

Со времени основания нашего государства в нем принимались важные организационно-хозяйственные и государственно-правовые меры, направленные на развитие и увеличение рыбных богатств страны. В связи с этим особое внимание было обращено на вопросы комплексного регулирования всех правоотношений, складывающихся в связи с использованием рыбохозяйственных водоемов различными отраслями народного хозяйства. Так, 15 сентября 1958 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О воспроизводстве и об охране рыбных запасов во внутренних водоемах СССР»³. Это постановление обязывает обеспечить естественное воспроизводство промысловых рыб путем усиления охраны рыбных запасов, ликвидации загрязнения рыбохозяйственных водоемов сточными водами промышленных предприятий, запретить строительство различных сооруже-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1982, № 4, с. 21—22.

² См., например, ст. 13 Закона СССР от 25 июня 1980 г. «Об охране и использовании животного мира».

³ СЗ СССР, 1958, № 16, ст. 127.

ний без согласия органов рыбоохраны. Этим постановлением утверждено Положение об охране рыбных запасов и о регулировании рыболовства в водоемах СССР. В Положении определены меры, направленные на воспроизводство рыбных запасов, а также установлены запретительные меры. Это положение с некоторыми изменениями и дополнениями и акты по его развитию и детализации имеют важное значение и в настоящий период¹. Важность этого акта заключается в том, что в нем определены правовые формы и средства обеспечения комплексного использования рыбохозяйственных водоемов и всесторонней охраны рыбных богатств.

На основе и во исполнение вышеуказанных актов Совет Министров Казахской ССР издал 12 февраля 1959 г. постановление «О воспроизводстве и об охране рыбных запасов в водоемах КазССР»². В целях ликвидации недостатков в деле воспроизводства и охраны рыбных запасов и обеспечения увеличения запасов рыбы в водоемах республики правительство КазССР наметило целую систему организационно-правовых мер, утвердило ряд правовых актов по вопросам дальнейшего развития рыбного хозяйства, его эффективного использования и охраны рыбохозяйственных водоемов³.

Для усиления охраны запасов ценных видов рыб, водных беспозвоночных в водоемах КазССР Совет Министров КазССР 21 апреля 1975 г. принял постановление «Об утверждении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный гражданами незаконным выловом, добычей или уничтожением ценных видов рыб и водных беспозвоночных в водоемах Казахской ССР»; предусмотрено также, что взыскание за ущерб в случае отказа от его добровольного возмещения производится в судебном порядке по искам органов рыбоохраны.

Одним из путей дальнейшего совершенствования развитого социализма партия и правительство считает удовлетво-

---

¹ СП СССР, 1965, № 24, ст. 205; 1968, № 12, ст. 121; 1970, № 1, ст. 3; 1976, № 10, ст. 47; 1981, № 31, ст. 177.

² Ведомости Верховного Совета и Правительства КазССР, 1959, № 8.

³ См., например, Положение о Главной государственной инспекции по охране рыбных запасов и регулированию рыболовства при Совете Министров КазССР, Устав службы органов рыбоохраны, Положение о порядке использования береговой полосы рыбохозяйственных водоемов и др.—В кн.: Охрана природы в КазССР/Сб. нормативных актов по охране природы.—Алма-Ата: Кайнар, 1976, с. 234, 250, 254.

ные потребности населения во всех видах продукции, в том числе и рыбной.

Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1981—1985 гг. и на период до 1990 г. поставлена задача усилить охрану рыбных запасов¹.

В связи с этим и в соответствии с Законом СССР «Об охране и использовании животного мира». Совет Министров СССР принял постановление от 2 октября 1981 г. «О дополнительных мерах по усилению охраны рыбных запасов и улучшению организации любительского и спортивного рыболовства», а в целях его реализации на местах Совет Министров Казахской ССР 1 ноября 1981 г.² принял Постановление, в котором предусмотрено разработать и осуществить в 1982—1985 гг. мероприятия по дальнейшему развитию любительского и спортивного рыболовства. Облесполкомы обязаны оказывать всемерную помощь органам рыбоохраны в осуществлении мероприятий по охране и воспроизводству рыбных запасов, регулированию рыболовства.

В заключение следует отметить, что сейчас имеется вполне самостоятельная система общесоюзного и республиканского законодательства об охране рыбных ресурсов. Охрану рыбных запасов в Казахстане призваны обеспечить 38 актов и документов Союза ССР и Казахской ССР³.

Г. Ким

РАЗВИТИЕ СТАТУСА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ В КОНСТИТУЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

На современном этапе дальнейшее развитие получает конституционный статус народных депутатов. Это связано с сущностью развитого социализма, закономерностями его дальнейшего развития.

Пленум ЦК КПСС подчеркнул: «Нужно прежде всего ясно представить себе характер того этапа общественного развития, на котором мы сейчас находимся. Это общество, где уже полностью созданы экономическая база, социальная структура, политическая система, соответствующие социа-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС.—М.: Политиздат, 1981, с. 163.

² СП СССР, 1981, № 23, ст. 63; № 31, ст. 177.

³ См.: Байсалов С. Б. Ленинские декреты об охране природы и природоохранное законодательство КазССР.—Вестн. АН КазССР, 1980, № 4, с. 16.

листическим принципам, где социализм развивается, как принято говорить, на своей собственной, коллективистской основе»¹.

Главным направлением развития политической системы в современный период является дальнейшее совершенствование социалистической демократии. Важное место в этом принадлежит Советам народных депутатов—политической основе СССР. Поэтому дальнейшему их развитию Коммунистическая партия, правительство Советского Союза уделяют большое внимание.

Новым этапом в развитии статуса народных депутатов стала Конституция СССР 1977 г., конституции союзных и автономных республик. Все конституционные нормы, связанные с ролью и положением народных депутатов, в новой Конституции СССР можно классифицировать на четыре группы.

К первой группе относятся нормы, содержащиеся в главе «Народный депутат». Ко второй—нормы, содержащиеся в главах «Политическая система», «Экономическая система», «Социальное развитие и культура». К третьей—нормы, определяющие правовое положение Советов всех звеньев. Из этих норм вытекает роль и значение деятельности депутатов, их правовое положение (сроки полномочия Советов, являющиеся сроками полномочия депутатов, компетенции Советов, реализация которых требует властного, активного участия депутатов в работе Советов, порядок организации работы Советов на основе коллективного, свободного и делового обсуждения депутатами рассматриваемых вопросов). Четвертую группу составляют нормы избирательной системы, определяющие обязанность выполнять наказания избирателей, как одну из форм выражения воли и интересов народа.

Анализ норм Конституции и текущего законодательства, закрепляющих основы депутатского статуса, изучение практики их применения позволяют сделать вывод о том, что проведено разграничение конституционного и иного правового регулирования депутатского статуса, что конституционные нормы, успешно выполняя роль ядра депутатского правового статуса, обеспечивают дальнейшее совершенствование

---

¹ Материалы июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС.—М.: Политиздат, 1983.

правового статуса народного депутата в целом¹.

Как было отмечено выше, в Конституции СССР в главе «Народный депутат» и в ряде других глав закреплены основы правового регулирования статуса народных депутатов, права, обязанности, принципы и формы их деятельности, определены важнейшие направления участия депутатов в работе Совета и избирательных округов.

По вопросам деятельности депутата в избирательном округе Конституция СССР закрепляет основные, главные формы деятельности: наказы избирателей своим депутатам, учет запросов населения избирательного округа при решении Советами вопросов их компетенции, отчет депутатов перед избирателями округа. Подробно эти вопросы регламентированы в Законе СССР «О статусе народных депутатов в СССР» и указе Президиума Верховного Совета СССР «Об организации работы с наказами избирателей»². Конечно, деятельность депутата по этим вопросам связана не только с избирательными округами. Депутат вступает в многоаспектные взаимоотношения с Советом, его органами, предприятиями, учреждениями и организациями в процессе выполнения своих обязанностей. Однако именно избирательный округ является той главной сферой, где решаются эти вопросы и проводятся соответствующие мероприятия, направленные на реализацию депутатского мандата.

Таким образом, Конституция СССР регламентирует основные, главные стороны деятельности народного депутата и приводит в соответствие с этим текущее законодательство.

С. Б. Байсалов, профессор,

С. М. Имашев

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРИРОДООХРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАЗАХСКОЙ ССР

Одно из важнейших достижений правового развития Казахской ССР—создание республиканского законодательства об охране природы и рациональном использовании природ-

---

¹ А. В. Зиновьев рассматривает соотношения понятий «статус народного депутата», «правовой статус народного депутата», «конституционный статус народного депутата» в своей книге Конституционные основы народовластия в СССР (М., 1980, с. 204).

² См.: Конституция СССР и Законы СССР.—М., 1983; с. 74—83, 84—86.

ных ресурсов. Правда, оно, в отличие от многих других отраслей советского законодательства, стало кодифицироваться несколько позже, лишь в начале 60-х годов. Именно в результате такой работы в 1962 г. появился Закон Казахской ССР об охране природы. Это первый кодификационный акт природоохранного законодательства республики. Но в дальнейшем вся работа в этой области пошла по другим направлениям, в основном в форме отраслевой кодификации. Появились кодексы и законы об отдельных объектах природы. Готовится отдельный том Свода законов Казахской ССР, посвященный законодательству об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов. Тем не менее природоохранное законодательство республики еще не полностью отвечает задачам усиления охраны природы. Оно состоит из большого количества актов по одним и тем же вопросам, принятых на различных этапах социалистического и коммунистического строительства различными органами. Многие акты устарели, противоречат друг другу или не увязаны между собой.

Возникла настоятельная необходимость в новой всеобщей кодификации всего природоохранного законодательства Казахской ССР путем: а) устранения имеющихся противоречий в правовой регламентации общественных природоохранных отношений; б) принятия единого природоохранного акта республики—Закона Казахской ССР об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов. При осуществлении новой кодификации природоохранного законодательства мы должны опираться на следующие основополагающие положения и принципы. Прежде всего на единство и федеративный характер нашего государственно-правового строительства. Все, что есть в общесоюзном природоохранном законодательстве, соответствующим образом должно быть отражено в будущем Законе Казахской ССР об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов. С другой стороны, республиканский правовой акт должен в известной степени содействовать развитию и совершенствованию содержания одноименного союзного законодательства. В этом и проявляются единство и федеративный характер советского природоохранного законодательства. Другим, также не менее важным условием развития и совершенствования законодательства Казахской ССР является

учет опыта правотворческой и правоприменительной деятельности братских союзных республик. В новом природоохранном акте республики мы должны несколько больше и шире, чем раньше, использовать все то лучшее и положительное, что накоплено в других союзных республиках в области регулирования общественных отношений по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов. В деле кодификации природоохранного законодательства республики добрую и полезную услугу окажет также практика международно-правовой охраны природы и рационального использования природных ресурсов. Есть тесная взаимосвязь международно-правовых норм по охране природы с национальным природоохранным законодательством. Природоохранное законодательство республики должно быть кодифицировано с учетом данных правовой науки. Отрадно, что нашими учеными-специалистами в этой области сделано немало. Защищено несколько кандидатских и докторских диссертаций, опубликовано множество научных и научно-популярных работ, проведен ряд общесоюзных, межреспубликанских и республиканских научно-теоретических конференций по вопросам дальнейшего развития и совершенствования республиканского природоохранного законодательства. Определены основные направления и тенденции эколого-правовой мысли, правовые средства и формы укрепления социалистической законности в области природопользования и природоохранной деятельности. Имеется в целом неплохой нормативно-правовой материал по охране окружающей природной среды. Все это, безусловно, должно быть использовано при разработке проекта нового природоохранного акта республики.

В интересах усиления борьбы с экологическими правонарушениями нормы и положения природоохранного законодательства об ответственности за них следует подкрепить соответствующими установлениями в административном, гражданском и уголовном законодательстве. Не мешало бы подготовить новые нормативные акты об едином государственном контроле за охраной природы и рациональном использовании природных ресурсов, о порядке и условиях материальной ответственности за вред природе и ее ресурсам. Необходимо усилить изучение и обобщение практики применения органами охраны природы, суда, прокуратуры, арбитра-

жа и народного контроля природоохранного законодательства.

Рациональное использование и охрану природы нельзя обеспечить только мерами государственно-правового принуждения. Важное значение имеет также система поощрения. Но наше законодательство на сегодня еще не содержит более или менее четкого и ясного определения понятия и содержания правовых норм, при помощи и на основе которых осуществляются меры поощрения рационального природопользования и надлежащей охраны природных ресурсов. В настоящее время во всех отраслях народного хозяйства и сферах деятельности нашего государства широко и настойчиво применяется принцип материальной заинтересованности как целых производственных коллективов, так и отдельного работника. Пришло время считать состояние природопользования и охраны окружающей среды важнейшим качественным показателем выполнения задач экономического и социального развития. Почему бы не создать специальный фонд для поощрения работников охраны природы за счет средств, получаемых от взыскания штрафов за экологические правонарушения. Такой подход вполне соответствует духу и требованиям ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС.

Расширение и углубление сферы природопользования и природоохранной деятельности ставят перед учеными-юристами все новые задачи. Так, сегодня актуальной задачей совершенствования законодательства в сфере правового регулирования связей между человеком и окружающей его природной средой является развитие средозащитного законодательства. Это вызвано особыми потребностями общества — защитой и оздоровлением окружающей человека среды, что предполагает проведение целого ряда мероприятий санитарно-гигиенического и оздоровительного направления по предотвращению и устранению вредных последствий, связанных с преобразованием природы. Регламентирование отношений, складывающихся в этой области, имеет свои характерные черты, специфическую особенность. Это обуславливается тем обстоятельством, что объектом регулирования здесь выступают природные живые силы, человек — как естественное существо.

Средозащитное законодательство нашей республики только начинает формироваться, но уже сейчас в нем про-

сматриваются определенные группы, которые можно выделить отдельно, в частности группа норм рекреационного законодательства. Рекреационное законодательство в первую очередь составляют нормы, регламентирующие рекреационно-лечебную, рекреационно-оздоровительную, рекреационно-спортивную и рекреационно-познавательную деятельность людей, короче говоря, рекреационное природопользование. Последнее включает две диалектически единые стороны—восстановление и развитие живых (физических и духовных) сил. Восстановление живых сил, в частности, лечение природными средствами, регулируется нормами здравоохранительного законодательства. Развитие же живых сил: активный отдых на лоне природы, туризм, экскурсионное дело и т. д. регулируется различными отраслевыми нормами, в том числе нормами природноресурсового и природоохранного законодательства. И хотя в рамках здравоохранительного, природноресурсового и природоохранного законодательства накоплено большое количество актов и документов, в настоящее время еще не установлен необходимый порядок, который должным образом соответствовал бы требованиям, выдвинутому развитием отношений по рекреационному природопользованию. Единственно правильное направление регулирования связей по восстановлению и развитию физических и духовных сил—формирование и развитие целостного рекреационного законодательства, нормы которого учитывали бы объективный системный характер рекреационного природопользования. Лишь такой системный подход к проблеме способствует учету всех связей рекреационного природопользования и может обеспечить наибольшую эффективность применения правовых норм по регулированию этих связей.

Л. Литовченко

кандидат юридических наук

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

В развитом социалистическом обществе получает дальнейшее развитие деятельность Советов народных депутатов по осуществлению функции обеспечения на своей территории строгого соблюдения законов, охраны государственного и об-

публичного порядка, прав и законных интересов граждан. Будучи органически связанной с другими функциями местных Советов, их правоохранительная функция обладает специфическими чертами. Известно, что одним из основных принципов деятельности Советов, как и всех без исключения органов нашего государства, является принцип социалистической законности (ст. 4 Конституции СССР). Однако Советы всех ступеней, в том числе и местные, должны не только соблюдать и исполнять требования законов, но и обеспечивать условия, при которых эти требования соблюдались бы на подведомственной им территории всеми государственными органами, общественными организациями, должностными лицами и гражданами. В связи с дальнейшим развитием вышеназванной функции возрастает и роль законодательства, регламентирующего деятельность Советов по охране правопорядка и борьбе с правонарушениями. Целью настоящей статьи является рассмотрение некоторых вопросов, касающихся правовой регламентации правоохранительной деятельности местных Советов.

Рассматриваемая функция местных Советов нашла четкое отражение и закрепление в конституциях союзных республик, существенно расширивших регулирование всей системы обеспечения законности, уточнивших функции местных Советов и укрепивших конституционные средства их деятельности в данной сфере. Это закреплено, в частности, в ст. 93, 103, 105, 146—148 Конституции СССР, ст. 126—132, 135—137 Конституции КазССР и соответствующих статьях конституций других союзных республик. В целях обеспечения эффективности деятельности местных Советов по осуществлению правоохранительной функции конституционное законодательство определяет правовые гарантии, к которым относится и установление исключительной компетенции Советов, и регулярная отчетность исполнительных и распорядительных органов, а также других создаваемых Советами органов перед представительными органами государственной власти, и создание непосредственно Советом органа народного контроля, и создание по всем отраслям хозяйственной и социально-культурной жизни постоянных комиссий как вспомогательных и контролирующих органов, подчиненных непосредственно Совету, и право отменять решения своих исполнительных комитетов и нижестоящих Советов народных депута-

тов в случае несоответствия их действующему законодательству, и право осуществлять контроль за соблюдением социалистической законности на всех предприятиях, во всех учреждениях и организациях, независимо от их ведомственной подчиненности. Конституционные положения находят развитие в общесоюзных нормативных актах, касающихся различных сторон деятельности этих Советов. К ним нужно отнести правовые акты, определяющие полномочия и обязанности местных органов государственной власти, в первую очередь Закон о статусе народных депутатов в СССР, Указы Президиума Верховного Совета СССР об основных правах и обязанностях поселковых, сельских, городских и районных Советов народных депутатов¹, указ Президиума Верховного Совета СССР «Об организации работы с наказами избирателей»², Закон СССР «Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов»³. Особое место в системе вышеназванных актов занимает Закон СССР о статусе народных депутатов, предоставляющий депутатам Советов право проверять работу предприятий, учреждений и организаций по вопросам, относящимся к ведению Советов, знакомиться с необходимыми документами, вносить предложения по устранению обнаруженных недостатков, возбуждать в Совете или его органах вопрос о необходимости проведения проверок работы государственных органов, предприятий и учреждений. Они получили право осуществлять контроль за рассмотрением своих предложений, заявлений и жалоб в государственных органах, предприятиях и организациях, расположенных на территории Совета, принимать личное участие в рассмотрении указанных предложений, заявлений граждан, а также требовать устранения обнаруженных ими нарушений прав и охраняемых законом интересов граждан или нарушений законности, а в необходимых случаях требовать от должностных лиц пресечения таких нарушений (ст. 2, 5, 17, 25). Вместе с тем в вышеназванных Указах Президиума Верховного Совета СССР, регулирующих деятельность местных Советов, не содержится специальных норм, определяющих правоохранительные пол-

¹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1978, № 49, ст. 795—797.

² Там же, 1980, № 36, ст. 736.

³ Там же, № 27, ст. 256.

номочия депутатов. Указать их в этих нормативных актах было бы целесообразно, ибо для надлежащей гарантированности законности, прав и законных интересов граждан важное значение имеет то, насколько тщательно определены полномочия депутатов местных Советов.

Местные органы государственной власти вырабатывают и определяют основные задачи государственных органов в сфере их правоохранительной деятельности и осуществляют контроль за правильным проведением в жизнь своих решений. Эффект от правоохранительной деятельности каждого отдельного вида органов (органов народного контроля, юстиции, внутренних дел и др.) и всех их, вместе взятых, тем больший, чем существеннее увязаны между собой их полномочия, чем полнее проявляется руководящая роль представительных органов, действующих на местах. Деятельное участие в осуществлении местными Советами функции обеспечения социалистической законности принимают руководимые ими народные дружины по охране общественного порядка, товарищеские суды, а также образуемые при исполкомах административные комиссии, комиссии по делам несовершеннолетних, по борьбе с пьянством, наблюдательные комиссии и др.

Таким образом, местные Советы и, в частности, их депутаты взаимодействуют с органами государства и с общественными организациями. В этих случаях их полномочия определяются соответствующими правовыми актами. Так, к примеру, указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» предусматривает, что орган милиции обязан оказать содействие депутату в пресечении обнаруженного правонарушения.

Такая же установка содержится и в указе президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах добровольных народных дружин по охране общественного порядка»¹. Как видно из вышесказанного, общесоюзное законодательство в сфере правоохранительной деятельности предоставляет депутату право требовать у соответствующих органов и должностных лиц пресечения нарушения законности. Те, к кому обращено требование депутата, обязаны незамедлительно принять меры для устранения

¹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, № 10, ст. 232.

нарушения, а в ряде случаев для привлечения виновных к ответственности. Однако механизм реализации права депутата требовать у соответствующих органов и должностных лиц пресечения нарушений законом не определен. Законодательство не указывает, каким образом должен действовать депутат, если его требование осталось невыполненным. Целесообразно было бы нормативно определить и пределы требования депутата в сфере пресечения нарушений законности, и формы ответственности должностных лиц государственных органов, администрации предприятий, учреждений и организаций в случае непринятия мер по устранению нарушений. Улучшение регламентации рассматриваемой деятельности депутата как представителя государственной власти очень важно в свете реализации указаний XXV, XXVI съездов КПСС об укреплении правовой основы государственной и общественной жизни, о совершенствовании законодательства, об улучшении правового регулирования деятельности местных Советов¹.

Юридические основы правоохранительной деятельности местных советов содержатся и в нормах республиканского законодательства, в частности в Законах Верховного Совета Казахской ССР об областном, районном, городском, районном в городе, поселковом, сельском, аульном Совете народных депутатов, в Положении о постоянных комиссиях местных Советов народных депутатов Казахской ССР². Республиканское законодательство наделяет местные Советы в сфере правоохранительной деятельности рядом специальных полномочий, которых не имеет ни один государственный орган, расположенный на их территории. Это полномочия по формированию органов, деятельность которых протекает в сфере охраны правопорядка и законности (образование постоянной комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка, образование комитета народного контроля, отдела—управления—внутренних дел, отдела юстиции, комиссий исполнительного комитета—наблюдательной по борьбе против пьянства и алкоголизма, по делам несовершеннолетних и т.д.); по руководству деятельностью

---

¹ См.: Материалы XXV съезда КПСС.—М., 1976, с. 81; Материалы XXVI съезда КПСС.—М., 1981, с. 64.

² Сборник законов Казахской ССР (1938—1981).—Алма-Ата, 1981, с. 185, 217, 251, 289, 319.

подчиненных им или подконтрольных органов и по контролю над соблюдением ими законности (право отмены противоречащих закону актов руководителей подчиненных Совету органов управления, предприятий и организаций, учреждений и т.д.); по правовому регулированию деятельности граждан, предприятий, учреждений и организаций в таких областях, как охрана общественного порядка (полномочия по установлению правил, обеспечивающих безопасность движения автомобильного транспорта, городского электротранспорта, правил торговли на рынках и т.д.); полномочий по руководству деятельностью самодеятельных организаций трудящихся, действующих в сфере охраны общественного порядка и законности (руководство работой добровольных народных дружин, работой товарищеских судов, органов госарбитража, адвокатуры и др.). Большинство прав местных Советов является одновременно и их обязанностями перед социалистическим государством. Некоторые обязанности могут и не совпадать с правами, могут реализовываться не путем использования Советом властных полномочий, а средствами организационной работы. К примеру, социальное планирование Советами мер по предупреждению правонарушений, проведение Советами правового воспитания и правовой пропаганды являются обязанностями Советов, осуществляемыми прежде всего средствами организационными.

Понятно, что специфика задач и функций органов, через которые местные Советы осуществляют охранительную функцию советского государства, предопределяет и своеобразие руководства ими. Было бы неверным исходить из того, что местные Советы осуществляют, к примеру, руководство территориальными органами внутренних дел, реализуя те же полномочия, которыми они наделены в отношении других отраслевых отделов и управлений. Таким образом, полномочия местных Советов и методы руководства вышеназванными органами имеют определенную специфику, и это должно найти отражение в нормативных актах. Действующее, к примеру, законодательство о районных, городских, областных и других ступенях местных Советов предусматривает их право осуществлять руководство органами внутренних дел. Однако эта норма сформулирована слишком обще, без должного учета правовых актов, регламентирующих специфические виды деятельности органов внутренних дел. Поэтому пред-

ставляется целесообразной четкая регламентация полномочий местных Советов в отношении действий органов внутренних дел, как, впрочем, и других органов, по обеспечению соблюдения законов, охраны государственного и общественного порядка и прав граждан.

Нет сомнения в том, что создание стройной системы нормативных актов, развивающих и конкретизирующих конституционные установки, позволит наилучшим образом обеспечить выполнение местными Советами своих задач в сфере правоохранительной деятельности.

Д. А. Булгакова

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ УВАЖЕНИЯ К ЗАКОНУ

Воспитание коммунистической сознательности, готовности к реализации общественных интересов, социально-политической активности в настоящее время находится в центре идеологической работы партии. Этот вопрос стал предметом всестороннего обсуждения на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, на котором разработаны конкретные меры по дальнейшему совершенствованию процесса воспитания и духовного обогащения советского человека¹.

Одним из важных участков этой комплексной задачи является целенаправленное формирование уважения к социалистическому праву. Формирование уважения к праву—одна из актуальнейших в теоретическом и политико-практическом отношении проблем. Ее значение особенно велико в социалистическом обществе, для которого характерен рост авторитета права, его общественной значимости, что ведет к повышению уровня правовой культуры и законности, организованности и дисциплины, создает важную предпосылку для решения задач коммунистического строительства.

Уважение права в социалистическом обществе означает признание социальной ценности права и включает в себя достаточную информированность о требованиях правовых норм и солидарность с принципами права². Уважение к праву характеризуется не только стремлением неукоснительно выпол-

¹ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г.—М.: Политиздат, 1983.

² См.: Личность и уважение к закону: Социологический аспект.—М., 1979, с. 17.

нять предписания, согласовывать свое поведение с образцами, которые предлагают правовые нормы, но и социально-активными действиями, способствующими укреплению законности и правопорядка.

Как показывают результаты различных социологических исследований, проведенных в нашей стране, для социалистического правосознания характерен высокий процент одобрения права членами общества¹. В условиях социалистического общества такое положение вполне закономерно, так как право отражает интересы всех классов и социальных групп, обеспечивает стабильность достигнутого ими уровня духовного и материального благосостояния и раскрывает широкие возможности для социального развития в будущем, чего нельзя сказать о буржуазном обществе, в котором значительная часть населения, и прежде всего трудящиеся массы, рассматривают право как чуждый, враждебный им социальный институт. Это вполне объяснимо, ведь общество, в котором личность является предметом различного рода манипуляций со стороны государственной власти, не может обеспечить формирование у человека доверия к праву. Следует отметить, что в социалистическом обществе уважение к закону формируется в условиях, исключающих принуждение, а тем более насилие. И здесь задача формирования уважения к закону состоит в том, чтобы гражданин не просто знал свои права и обязанности, но и сам стал убежденным проводником принципов законности и всемерно содействовал выполнению требований закона другими.

При этом надо иметь в виду, что уважение к праву складывается под воздействием различных факторов: окружающих социальных условий, идеологической работы государственных, партийных, общественных организаций, деятельности правотворческих, правоприменительных и правоохранительных органов, средств массовой пропаганды. Вся система данных и других факторов действует на человека, как правило, одновременно, но тем не менее по механизму и содержанию воздействия каждый из них специфичен и относительно самостоятелен. В этой связи особенно важно то, что Конституция СССР рассматривает обязанность соблюдения ее

---

¹ См., в частности, Организация и эффективность правового воспитания.—М., 1983, с. 85—91; Социалистический образ жизни: Государственно-правовые проблемы.—М., 1980, с. 64.

норм и советских законов государственными учреждениями, общественными организациями, должностными лицами и гражданами в единстве с объективными условиями и субъективными факторами.

Уважение к праву имеет разные уровни—от элементарной установки, действующей в простейшей ситуации, до системы ценностной ориентации, основанной на проявлении человеком чувства гражданского долга и сопричастности к деятельности государства.

Регулятивная ценность уважения к праву состоит в том, что установленные и воспринятые нормы переводятся в реальное поведение личности, в котором все более важное значение приобретает активная преобразующая деятельность. Личность усваивает и выполняет требования закона, следуя своим убеждениям, путем оценочного суждения о сущности предписываемого нормой права поведения.

Все сказанное здесь в большей мере характеризует социальное значение уважения к праву и внешние признаки его как социально-психологического феномена. В работах, посвященных проблеме формирования уважения к праву, речь преимущественно идет именно об этой ее стороне. Поскольку уважение к праву действительно является одним из ведущих факторов правомерного и социально-активного поведения, постольку задача должна заключаться не только в теоретическом описании и объяснении регулятивных возможностей уважения к праву, но и в выяснении социально-психологического механизма его формирования. Это не менее важная проблема, так как уяснение закономерностей формирования уважения к праву позволит принять все необходимые меры к тому, чтобы неуклонно добиваться действительно уважительного отношения к праву.

Процесс формирования уважения к праву происходит не автоматически. Нужна, с одной стороны, эффективная система воздействия на волю и сознание людей, на их эмоции и представления в целях обеспечения позитивного отношения к праву, верной его оценки и адекватного поведения самой личности. Механизм воздействия права на сознание и поведение личности в последние годы изучается достаточно активно¹, поэтому мы обратимся к другой стороне проблемы—

¹ См., например, Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность.—М., 1973; Кудрявцев В. Н. Право и поведение.—М., 1978;

к изучению социальной структуры личности, круга ее интересов и потребностей. Действительно, процесс формирования уважения к праву не может быть эффективным, если рассчитывать только на силу внешнего воздействия. Необходимо глубокое личное убеждение в ценности провозглашаемых обществом политических и социально-правовых принципов. Следовательно, всякое внешнее воспитательное воздействие должно иметь в своей основе создание наиболее благоприятных условий для развития личной инициативы. Только при этом условии станет возможным качественный скачок в отношении правовых ценностей и норм, что, в свою очередь, скажется на поведении каждого человека.

Говоря о формировании уважения к закону, мы имеем в виду процесс усвоения личностью принципов социалистического права, требований законов и иных нормативных предписаний. Схематически этот процесс может быть представлен следующим образом: получение определенной социальной, в том числе и правовой, информации; осмысление и оценка этой информации; формирование устойчивой установки и системы ценностных ориентаций, что в значительной мере обусловлено социальным и личным опытом человека.

Между правовой нормой и ее адресатом существует целая система преобразователей информации. Наиболее существенная и специфическая ее переработка осуществляется правоприменительными органами, а также производственными коллективами и малыми социальными группами сложившейся системой социальных ценностей и норм, стереотипов мышления и поведения и т.д. Таким образом, сведения, заключенные в нормах, достигают своих адресатов не сразу, а проходя через многослойную систему преобразователей информации. Особую роль при этом играют акты применения и толкования нормативных предписаний.

Личность же, как уже говорилось, усваивает и выполняет требования закона, следуя своим убеждениям, путем оценочного суждения о сущности предписываемого нормой поведения. Такая индивидуальная оценка непосредственно отра-

---

Казимирчук В. П. Социальный механизм действия права.—М., 1970; *Нуртисов Е. К.* Правовое моделирование поведения личности.—Изв. Акад. наук Казахской ССР. Сер. обществ. наук, 1980 № 3; *Бейсенова А. У.* Механизм воздействия права на сознание личности в условиях развитого социализма.—Автореф. Дис. ....канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1978; и др.

жает уровень правосознания личности, степень понимания ею своей ответственности перед обществом. Но личность не абстрактно воспроизводит в своих действиях то, что делают другие, и не слепо повинуется нормативным предписаниям, а критически оценивает предлагаемые ей нормы, переосмысливая их в своем сознании, соотнося с системой сложившихся у нее взглядов на правомерное, должное и т. п. Таким образом, всегда существует возможность переориентации личности, коренного сдвига в ее отношении к тем или иным нормам и—как следствие этого—изменения поведения. Поэтому социальный механизм преобразования нормативной информации необходимо рассматривать в неразрывном единстве с индивидуальным психологическим механизмом.

Формирование уважения к закону не сводится ни к простому заимствованию социального опыта и общепринятых стандартов, ни к механическому включению индивида в систему общественных связей, так как все это само по себе не приведет к положительным сдвигам в сознании личности, пока она остается пассивным объектом воспитательных мер со стороны общества и коллектива. Здесь необходимо учитывать факторы, обуславливающие отношение личности к адресуемым ей правовым предписаниям, ее общую правовую позицию. Речь идет о том, как личность воспринимает нормы права, как она оценивает их и т. д.

Прежде всего нельзя не учитывать того, что человек, повседневно сталкиваясь с множеством правовых предписаний, относится к ним по-разному. Одни из них он полностью или частично воспринимает, другие отвергает как неприемлемые и чуждые, к третьим безразличен. Причем для социалистического общества характерно понимание большинством людей важности и необходимости средств правового регулирования, что и обеспечивает в целом уважительное отношение к правовым предписаниям. Это, однако, не означает, что работа по укреплению и развитию уважительного отношения людей к праву теряет свою актуальность. К сожалению, не всем свойственно безусловно положительное отношение к праву и поэтому необходимо с помощью разнообразных средств способствовать предрасположенности каждого человека к адресуемым ему правовым актам Советского государства.

Как показывают социологические исследования, наибольшее уважение к праву испытывают люди, удовлетворенные совпадением общественных и личных интересов, своим общественным положением, получившие хорошее образование, обладающие служебной и общественной перспективой. То есть высокий эффект норма права имеет тогда, когда она совпадает с господствующими в обществе социальными нормами, а также когда ее действие подкрепляется хорошо организованным общественным мнением. Можно сказать, что уважение к праву в наибольшей мере обусловлено теми факторами и ценностями, которые данная личность признает и разделяет как свои собственные. Результаты исследования иерархии мотивов правомерного поведения показывают, что во всех социальных группах первое место занимает принципиальная позиция (согласие и одобрение—55%), второе—сформировавшийся стереотип (привычка—24%), третье—конформизм (групповое давление—4%) и последнее—страх наказания¹.

Уважение к праву способствует выработке также четких социально-правовых позиций личности, ее установок, эмоциональных реакций, разумной мотивации поступков и самого поведения, его обоснования и оценки. И здесь в теоретическом плане следует исходить из того, что именно отношение представляет в социально-психологическом аспекте систему избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности, в том числе с действующим правом.

Таким образом, уважение к праву, являясь в известной мере результатом взаимодействия различных психологических факторов, в той или иной мере обуславливающих правомерное поведение, оказывает регулятивное воздействие на поведение как непосредственно, так и опосредованно, т.е. способствуя формированию социально-правовых позиций и правовых установок.

---

¹ См.: Личность и уважение к закону: Социологический аспект.—М., 1979, с. 41.

Р. Б. Кульжакаева

кандидат юридических наук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ КАК ФОРМЫ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ

На этапе развитого социализма существенно возрастает роль и значение юридической службы в организации социалистического производства, его всемерного развития; велико ее влияние на правовоспитательный процесс в обществе. Задачи юридической службы по всем основным направлениям ее воздействия на общественные отношения вытекают из решений XXVI съезда партии, а также ноябрьского (1982), июньского и декабрьского (1983) Пленумов ЦК КПСС. Политико-правовой основой планирования и организации правовой службы в стране явилось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 декабря 1970 г. «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве»¹. В соответствии с ним в 1972 г. утверждено Общее положение об юридическом отделе (бюро), главном (старшем) юрисконсульте министерства, ведомства, исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся, предприятия, организации, учреждения².

Новые задачи юридической службы в деле выполнения Продовольственной программы вытекают из социального назначения агропромышленных комплексов как новые формы хозяйственных связей³.

Следует подчеркнуть, что юридическая служба является основным связующим звеном между правовым воспитанием и процессом его воздействия на развитие социалистических общественных отношений. С этой целью повышение роли юридической службы, прямо или косвенно влияющей и на уровень эффективности правовоспитательного воздействия, должно идти по следующим основным направлениям:

1. Расширение объема, повышение качества правовой пропаганды, особенно лекционной деятельности.

2. Совершенствование форм и методов правовой работы и, прежде всего, договорной практики. В каждом ведомстве, на предприятиях складываются формы и методы правовой

¹ СП СССР, 1971, № 1, с. 1.

² Там же, 1972, № 13, с. 70.

³ См.: Правда, 1983, 27 апр.

работы, определяемые масштабом хозяйственного звена, составом юридической службы, правовым климатом в коллективе и другими факторами. Решающее значение здесь имеет планирование юридической службы, что предопределяет целенаправленность ее функционирования, а также систематичность в организации правовой работы: разработка направлений деятельности юридической службы и закрепление их в локальных юридических актах, внедрение в практику и постоянное совершенствование с учетом накопленного опыта и т.д. Во многих ведомствах, где сложилась юридическая служба, созданы такие системы, как организация и ведение договорной работы, организация и ведение претензионной работы; организация и ведение судебно-исковой и арбитражно-исковой работы, организация и обеспечение социалистической законности в сфере управления ведомством, предприятием; организация возмещения ущерба рабочим и служащим, связанного с причинением вреда их здоровью.

Поскольку не все ведомства, предприятия получают правовую помощь, необходимо завершение организации правовой службы как системы. Этот процесс должен осуществляться путем подготовки методических указаний, рекомендаций и информационных писем по основным разделам правовой работы. С этой целью в ряде ведомств разработаны и успешно применяются: методические указания для правовых служб по организации работы, по обеспечению сохранности социалистической собственности, методические рекомендации о работе правовых служб, направленной на повышение качества продукции, методические указания о порядке ведения претензионно-исковой работы по хозяйственным договорам в объединениях, на предприятиях, в организациях отрасли и т.д.

Важное место в составе форм и методов юридической службы, активно влияющих на правовоспитательный процесс в стране, должны занять обобщение и внедрение передового опыта. К настоящему времени, например, накоплен определенный опыт работы межхозяйственных юридических групп в сельском хозяйстве Казахской ССР. По такому принципу организовано в ряде областей юридическое обслуживание мелких предприятий системы Министерства заготовок республики.

Назрела потребность, как это уже отмечено в литературе¹, в разработке и утверждении типовых структур и численности юридических служб любого звена. Целесообразно было бы стимулировать труд их работников путем установления категорий юристов в народном хозяйстве и соответствующей традиции в оплате труда.

3. Определение критериев оценки деятельности юрисконсультов, эффективности их работы, в том числе правовоспитательной. До сих пор главное внимание обращалось на экономические показатели, и прежде всего показатели реализации, в то время как они непосредственно не отражают структуру и качество труда юрисконсультов и совершенно не касаются их роли в механизме правового воспитания². К тому же, действующая система экономических показателей имеет существенные недостатки. Необходимо исходить из того, насколько активно участвуют юристы в заключении хозяйственных договоров, обеспечении при этом условий ритмичной поставки предприятиям, хозяйствам необходимого количества высококачественной продукции, оборудования, определении эффективных мер по их сохранности, высокого качества претензионно-исковой работы. Особое место в критериях оценки юридической службы должна занять ее правовоспитательная деятельность. Все это имеет практическое значение, поскольку позволит определить место юридической службы в системе управления отраслью хозяйства, в правовоспитательном процессе, точнее разграничивать компетенцию, права и обязанности работников различных служб и подразделений ведомств, хозяйств и организаций.

4. Систематизация правоприменения в деятельности юридической службы. К настоящему времени завершена работа по упорядочению ведомственных нормативных актов общесоюзными министерствами и ведомствами, издавшими сборники или перечни таких актов. Перед руководителями юридических служб стоят большие задачи по своевременной подготовке к изданию общенормативных актов, созданию надежной системы, обеспечивающей своевременное обновление устаревших актов. Совершенствование ведомственных актов

---

¹ См.: Актуальные вопросы правовой службы в народном хозяйстве.—Сов. государство и право, 1978, № 8, с. 51—52.

² См.: Актуальные задачи юридических служб.—Сов. юстиция, 1983, № 23, с. 1—2.

должно осуществляться постоянно, без этого невозможна высокая эффективность юридической службы.

Важную роль в правоприменении играют секции по правовым вопросам научно-технических советов многих министерств, на заседаниях которых рассматриваются важнейшие вопросы практики применения законодательства, проекты Положений, Уставов и других нормативных актов, проекты методических указаний и рекомендаций. На современном уровне интересным и важным для практики представляется исследование актов, определение их административно-профессионального значения.

5. Подготовка кадров юрисконсультов и повышение их квалификации. Решение общих задач юридической службы, особенно по линии усиления ее роли в правовом воспитании, во многом зависит от профессиональных качеств юрисконсультов, их квалификации. В ряде республик, краев, областей нередко юрисконсультами работают лица без необходимой профессиональной подготовки.

Большое значение имеет знание работниками юридической службы основ того производства, где они работают. Обоснованно было бы в системе ведущих министерств создать факультеты повышения квалификации юридических работников.

6. Расширение прав и повышение ответственности работников юридической службы. Большое воспитательное значение имеет неуклонное соблюдение и обеспечение социалистической законности в народном хозяйстве. Работники юридической службы, призванные сыграть в этом значительную роль, должны располагать необходимым комплексом полномочий и обязанностей. Поэтому действующее законодательство нуждается в определенных дополнениях и изменениях. Следует наделить юридическую службу правом издания не только методических рекомендаций, но и правоохранительных указаний в отношении актов, издаваемых администрацией ведомств, предприятий. Надо, чтобы юрист, как и руководитель предприятия и его заместители, мог представлять в суде, арбитраже и других органах, где решаются вопросы компетенции юридической службы, без особой доверенности, а по должности, подписывать соответствующие документы наряду с руководителем подведомственных структурных организаций (но не своего руководи-

ля), а также вносить представления в вышестоящие органы по поводу незаконных решений со стороны своего руководства. В настоящее время действуют нормативные акты, определяющие в самой общей форме задачи, функции, права и обязанности юридических подразделений в народном хозяйстве. Но практика требует обобщающего акта—Закона о юридической службе в СССР, в котором ее задачи, в том числе по линии правового воспитания, были бы сформулированы на основе достижений науки и практики в свете требований Конституции СССР.

Раздел 3
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО
И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАЗАХСКОЙ ССР
И ПРАКТИКИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Н. С. Гагарин
кандидат юридических наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

В современных условиях в нашей стране отчетливо выражены две тенденции в развитии уголовного законодательства: сужение и смягчение сферы уголовной ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности, и усиление ответственности за наиболее тяжкие преступления и в отношении особо опасных рецидивистов, представляющих серьезную опасность для социалистического общества.

Первая тенденция выражается в том, что Советское государство последовательно сокращает круг деяний, признаваемых преступными, если пресечение их возможно осуществить мерами дисциплинарного, или административного, либо общественного воздействия. Эта тенденция наметилась с момента принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии».

Названный Указ содержал важные положения о замене уголовной ответственности за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые преступления мерами административной и дисциплинарной ответственности. В дальнейшем была смягчена ответственность за некоторые другие, менее опасные преступления, в частности, многие воинские преступления, совершенные без отягчающих обстоятельств.

Проявление гуманизма в советском уголовном праве, дальнейшее смягчение и сужение уголовной репрессии получили свое отчетливое и наиболее полное выражение в новом законодательстве периода развитого социализма. Демократические принципы советского уголовного права определяют основное содержание таких важнейших законодательных актов, как Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, законы о государственных и воинских преступлениях.

Основы уголовного законодательства, например, повысили на два года возраст, по достижении которого возможно привлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности; предоставили суду право применять к несовершенно-

нолетним, совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности, принудительные меры воспитательного характера, не являющиеся уголовным наказанием; снизили сроки лишения свободы до 10 лет; предусмотрели условное осуждение, условно-досрочное освобождение от наказания и замену наказания более мягким; определили ряд наказаний, не связанных с лишением свободы; установили такие новые институты в уголовном праве, как освобождение от уголовной ответственности и наказания в случае, если будет признано, что ко времени расследования или рассмотрения дела в суде вследствие изменения обстановки совершенное виновным деяние потеряло характер общественно опасного или это лицо перестало быть общественно опасным; освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд в случае совершения впервые малозначительного преступления; предусмотрели передачу на поруки виновного, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности.

Основы исключили так называемую аналогию закона, более четко сформулировали такие важнейшие институты советского уголовного права, как понятие преступления, необходимой обороны, крайней необходимости, ответственности за приготовление и покушение на преступление, за соучастие в преступлении.

Линия Коммунистической партии на дальнейшую гуманизацию советского уголовного законодательства вновь нашла свое яркое проявление в указах Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г. «О внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство Союза ССР» и от 15 февраля 1977 г. «О дополнении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик статьей 39-1».

В частности, расширена возможность применения условно-досрочного освобождения от наказания, предусмотрено условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду. Впервые введены такие совершенно новые институты, как отсрочка исполнения приговора несовершеннолетнему; освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной; условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду.

Говоря о смягчении и сужении уголовной ответственности, следует отметить Указ Президиума Верховного Совета

СССР от 8 февраля 1977 г., который отменил уголовную ответственность за так называемое мелкое хулиганство, совершенное лицом, к которому в течение года была применена мера административного воздействия за мелкое хулиганство.

Линия на смягчение уголовной ответственности в уголовной политике Советского государства продолжается и сейчас. Так, 26 июля 1982 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О дальнейшем совершенствовании уголовного и исправительно-трудового законодательства»¹. В нем предусмотрена отсрочка исполнения приговора (ст. 39¹ Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик). При наличии условий, указанных в этой статье, суд может отсрочить исполнение приговора не только в отношении несовершеннолетних, но и лиц, которые достигли совершеннолетия.

Продолжающийся процесс сужения уголовно-правового принуждения вовсе не означает возможности для преступников избежать ответственности. Принятые изменения и дополнения в действующем законодательстве, напротив, рассчитаны на повышение эффективности борьбы с преступностью путем внедрения в практику более широкого комплекса мер воздействия. В преамбуле Указа от 26 июля 1982 г. сказано, что он принят в целях повышения действенности мер уголовного наказания, не связанных с лишением свободы, обеспечения более дифференцированного подхода к правонарушителям в зависимости от их личности и степени общественной опасности, а также дальнейшего совершенствования практики перевоспитания осужденных и усиления в этом деле роли государственных органов, общественности и трудовых коллективов.

Преследуя цель повышения эффективности наказаний, не связанных с лишением свободы, названный Указ повысил максимальный предел исправительных работ без лишения свободы до двух лет (ст. 25 Основ). Увеличены размеры штрафа как меры уголовного наказания. Согласно ст. 27 в редакции Указа штраф может быть назначен в пределах до 300 руб., за корыстные преступления—в пределах до 1 тыс. руб. В исключительных случаях, предусмотренных законо-

---

¹ Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1982, № 30 (2156), с. 21—22. Указ вступил в силу 1 января 1983 г.

дательством Союза ССР, за отдельные преступления могут быть установлены и более высокие размеры штрафа.

Вторая тенденция в развитии уголовного законодательства Союза ССР в настоящий период заключается в усилении наказания за совершение тяжких, особо тяжких преступлений и в отношении злостных преступников, не желающих приобщаться к честной трудовой жизни, грубо нарушающих правила социалистического общежития.

Так, согласно ст. 23 Основ уголовного законодательства за совершение особо тяжких преступлений, а также за преступления, повлекшие особо тяжкие последствия, и для особо опасных рецидивистов суд может назначить наказание в виде лишения свободы, на срок до 15 лет, а в случаях, предусмотренных законом, исключительную меру наказания—расстрел.

Смягчение ответственности за менее опасные преступления и ее усиление в отношении тяжких твердо и неуклонно проводится в жизнь судебной практикой. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1976 г. «О повышении уровня осуществления правосудия в свете решений XXV съезда КПСС» разъясняется судам, что за совершение тяжких преступлений они должны применять предусмотренные законом строгие меры наказания. «Вместе с тем, — сказано в постановлении, — нужно устранять из практики еще имеющие место ошибки, связанные с необоснованным назначением лишения свободы по делам о преступлениях, не представляющих большой опасности, за которые наряду с лишением свободы законом установлены виды наказания, не предусматривающие изоляцию от общества...»¹.

Эту мысль с новой силой подчеркнул в Постановлении № 1 Пленум Верховного Суда СССР от 24 февраля 1977 г. «О задачах судов по выполнению указов и постановлений Президиума Верховного Совета СССР от 8 и 15 февраля 1977 г. о внесении изменений и дополнений в действующее законодательство».

Пленум, в частности, указал, что «принятые законодательные акты предоставляют им дополнительные возможности для более дифференцированного подхода к решению вопроса об ответственности лиц, совершивших преступления.

---

¹ Бюл. Верховного Суда СССР, 1976, № 3, с. 10.

В связи с этим суды обязаны строго выполнять требования ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик о применении в предусмотренных законом случаях к лицам, виновным в совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности, мер административного воздействия или общественного воздействия вместо привлечения их к уголовной ответственности»¹.

Данную линию в развитии законодательства следует рассматривать как следствие изменений процесса правового регулирования в связи с постепенным перерастанием государственности в коммунистическое самоуправление. Профессор С. С. Алексеев не без оснований полагает, что для права в целом эта перспектива состоит в «постепенной, по мере созревания необходимых социальных условий, трансформации институтов общенародного права в высокоразвитую, совершенную неполитическую систему нормативного регулирования»². Этот процесс уже начался, и идет в направлении сужения государственного принуждения и расширения сферы убеждения, дальнейшего развития и совершенствования всенародной социалистической демократии.

Изменения правового регулирования, обусловленные успехами развитого социалистического общества, находят все большее выражение в различных правовых институтах, в том числе и в замене уголовной ответственности административной. Ст. 45-3, введенная в УК КазССР указом Президиума Верховного Совета КазССР 28 августа 1977 г. «О внесении изменений и дополнений в уголовное, уголовно-процессуальное, исправительно-трудовое законодательство Казахской ССР», предоставляет широкие возможности освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности.

Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной может иметь место в отношении лица, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, за которое законом предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не свыше одного года или другое более мягкое наказание, если будет признано, что его исправление и перевоспитание возможно без применения уголовного наказания.

¹ Сб. постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977, ч. 2, с. 71.

² Алексеев С. С. Общая теория права.—М., 1981, т. 1, с. 158.

При наличии оснований, предусмотренных в ст. 45-3 УК КазССР, предварительное следствие или дознание заканчивается составлением мотивированного постановления о прекращении уголовного дела и направлении материалов в суд для применения мер административного взыскания. Точно так же и суд вправе прекратить поступившее к нему уголовное дело по тем же основаниям.

В отношении лиц, освобожденных от уголовной ответственности по основаниям, указанным в ст. 45-3 УК КазССР, могут быть применены, например, следующие меры административного взыскания: штраф в размере до 50 р., либо исправительные работы по месту работы виновного на срок от одного до двух месяцев с удержанием до 20% заработка, либо арест на срок до пятнадцати суток.

Весьма широкие возможности освобождения от уголовной ответственности органами дознания, следствия и суда предоставляют новые постановления, предусмотренные в ч. 3 ст. 45 УК КазССР в редакции указа Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 28 марта 1977 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Казахской ССР».

В Уголовном кодексе Казахской ССР имеется 112 составов преступлений, по которым в принципе есть возможность освобождения от уголовной ответственности с привлечением виновного к административной ответственности¹.

Постоянное и более полное развитие демократических принципов в уголовной политике ставит новые задачи по дальнейшей систематизации и кодификации советского законодательства. В настоящее время союзные республики в связи с принятием Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях получили соответствующие рекомендации о пересмотре ряда составов преступлений в связи с отнесением некоторых из них к административным проступкам. Многие ученые-юристы справедливо выступают с предложениями о принятии в будущем и административных кодексов союзных республик². В настоящее время (1 октября 1984 г.) введен в действие

¹ Имеются в виду преступления, не представляющие большой общественной опасности, за которые законом предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не свыше одного года или другое более мягкое наказание.

² См., например, Манюгин В. М. Советское административное право.—М., 1977, гл. 5, с. 57.

Кодекс Казахской ССР об административных правонарушениях. При этом учтен положительный опыт принятия кодексов об административных проступках в некоторых братских социалистических странах, в частности в ГДР и Польше.

Идеи дальнейшей гуманизации советского уголовного права получают широкое развитие и в трудах советских ученых-юристов. Заметным событием правовой мысли в последнее время является подготовка коллективом Института государства и права АН СССР во главе с членом-корреспондентом АН СССР профессором В. Н. Кудрявцевым теоретической модели уголовного кодекса социалистического государства. Как считают авторы модельного уголовного кодекса, его разработка должна идти прежде всего в плане декриминализации, в постепенном общем смягчении мер уголовно-правового воздействия в отношении преступлений небольшой общественной опасности при сохранении строгих мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, виновных в тяжких преступлениях, и рецидивистов. Смягчение мер наказания, по их мнению, может быть достигнуто за счет снижения максимальных сроков лишения свободы, сведения к минимуму смертной казни; увеличения фактического применения мер, не связанных с лишением свободы, путем разработки новых видов таких мер. В то же время предлагается усилить карательный элемент в известных ныне мерах наказания, не связанных с лишением свободы, в частности, исправительных работ без лишения свободы, штрафа и др.¹

Вторая тенденция в развитии советского законодательства, как было отмечено, проявляется в усилении мер уголовно-правового принуждения за совершение тяжких преступлений и в отношении рецидивистов, представляющих большую общественную опасность.

Интересы борьбы с преступностью, и в особенности с наиболее опасным ее проявлением—рецидивной преступностью, требуют дальнейшего совершенствования законодательства на основе расширения и усиления уголовно-правового принуждения.

---

¹ Материалы научно-теоретического семинара по проблеме теоретической модели уголовного кодекса социалистического государства, проведенного на базе Московской высшей школы милиции 26 октября 1982 года.

В юридической литературе в последнее время не без оснований предлагается усилить уголовную ответственность рецидивистов за отказ от работы без уважительных причин и злостные нарушения режима в исправительно-трудовых учреждениях, предусмотрев за это преступление наказание в виде лишения свободы; установить более жесткие рамки оснований применения условно-досрочного освобождения от наказания; повысить ответственность за тунеядство; расширить круг субъектов ответственности за действия, дезорганизирующие работу исправительно-трудовых учреждений, и т. д.¹

Все эти меры по дальнейшему упорядочению и совершенствованию советского законодательства будут иметь большое политическое значение и, несомненно, положительно скажутся на снижении преступлений и других правонарушений в нашей стране.

Ю. Д. Лившиц
профессор

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУДОУСТРОЙСТВЕ И УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В СВЕТЕ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ СССР

Принятие новой Конституции СССР (и на ее основе конституций союзных и автономных республик) явилось крупным политическим и юридическим событием в дальнейшем совершенствовании текущего законодательства, и в частности о судостроительстве и уголовном судопроизводстве.

Ряд принципов судостроительства и уголовного судопроизводства, ранее закрепленных в отраслевом законодательстве, впервые приняли характер конституционных: законность, осуществление правосудия в СССР только судом, равенство прав народных заседателей и судей, осуществление правосудия в СССР на началах равенства граждан перед законом и судом, презумпция невиновности, участие в судопроизводстве представителей общественных организаций и трудовых коллективов. Редакции статей Конституции СССР 1977 г., включающие другие принципы организации и деятельности суда и уголовного судопроизводства, существенно уточнены

---

¹ См.: *Ефимов М. А., Шкурко А. В.* Рецидивная преступность и ее предупреждение. Минск, 1977, с. 164—167.

(ст. 52—54, 152—155, 157—159). Глава «Суд и прокуратура» Конституции СССР 1936 г. изменена в действующей Конституции на две: «Суд и арбитраж» (объединены государственные органы, близкие по юридической природе) и «Прокуратура». Аналогичные изменения внесены в Конституцию Казахской ССР, принятую 20 апреля 1978 г. на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета Казахской ССР девятого созыва.

Указание ст. 4 Конституции СССР о том, что социалистическая законность является основой деятельности Советского государства, всех его органов в целях обеспечения охраны правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан, значительно повышает значение законности как общеправового принципа всей государственной деятельности, и в особенности в сфере деятельности суда и уголовного судопроизводства, где данный принцип имеет большую специфику. Все государственные и общественные организации, должностные лица и граждане обязаны соблюдать Конституцию СССР и советские законы, уважать правила социалистического общежития (ст. 4, 59).

Особое значение принцип социалистической законности приобретает в деятельности правоохранительных органов, которые должны совершенствовать стиль и методы своей работы в духе решений ноябрьского (1982 г.), июньского (1983 г.), февральского и апрельского (1984 г.) Пленумов ЦК КПСС, положений и выводов, выдвинутых в речи тов. К. У. Черненко на встрече с избирателями 2 марта 1984 г. В Постановлении ЦК КПСС «О 80-летию Второго съезда РСДРП» отмечается, что новая Конституция СССР создала законодательную базу для углубления советской демократии, обогащения ее форм и методов, для реализации которых принимаются меры по укреплению законности и правопорядка¹. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, в частности, было подчеркнуто, что нормальный ход нашего общественного развития немислим без строжайшего соблюдения законов, охраняющих интересы общества и права граждан². Еще раз можно констатировать—социалистическая демократия и социалистическая законность неразделимы.

¹ См.: Правда, 1983, 5 апр.

² Там же, 16 июня.

Первостепенную важность представляют сформулированные в Конституции СССР (ст. 151) правила об осуществлении правосудия только судом, определяющие как место суда среди других государственных органов, так и его прерогативу на отправление правосудия как особой государственной деятельности. Исчерпывающий перечень судов, указанный в этой же статье Конституции, подчеркивает невозможность образования каких-либо чрезвычайных и иных органов для осуществления правосудия. В этом—гарантия данного принципа, поднимающая также и престиж суда. Особая важность указанного принципа подчеркнута действующими Основами законодательства о судостроительстве, поместившими его в первой статье, ранее определения задач суда и некоторых других вопросов.

На конституционном уровне не только провозглашен принцип осуществления правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом (ст. 156), но и введены конкретные признаки (ст. 34), учитываемые при последовательном его осуществлении в практике судопроизводства.

Являясь юридической базой для всего отраслевого законодательства, Конституция СССР сделала необходимым приведение в соответствие с ней, в частности, законодательства о судостроительстве, на что было указано в постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 12 декабря 1977 г. «Об организации работы по приведению законодательства Союза ССР в соответствие с Конституцией СССР»¹. На XXVI съезде КПСС подчеркивалось, что проводимое на основе Конституции обновление советского законодательства дает большой и полезный эффект, так как новые законы позволяют тоньше, точнее регулировать различные стороны общественных отношений².

Во исполнение решений XXVI съезда КПСС к настоящему времени можно считать завершённой работу по приведению в соответствие с Конституцией СССР и Конституцией КазССР законодательства о судостроительстве и уголовном судопроизводстве: 25 июня 1980 г. утверждены новые редакции Основ законодательства Союза ССР и союзных республик

¹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 51, ст. 764.

² См.: Материалы XXVI съезда КПСС.—М., 1981, с. 64.

о судеустройстве в СССР и Положения о военных трибуналах; 30 ноября 1979 г. принят Закон СССР «О Верховном Суде СССР», 12 июня 1981 г.—новый Закон о судеустройстве КазССР.

Нормы указанных законов приведены в полное соответствие с конституциями и существенным образом усовершенствованы, в сравнении с ранее действовавшими, а сами законы подверглись структурным изменениям. Объем статьи не позволяет коснуться всех изменений, в связи с чем остановимся лишь на некоторых, наиболее важных.

Усовершенствована структура Основ законодательства о судеустройстве, Положения о военных трибуналах и Закона о Верховном Суде СССР (введены разделы, главы или уточнены имевшиеся ранее), что само по себе положительно, так как это делает законодательный акт в целом более логичным, более четко очерчивает круг регулируемых им вопросов, что облегчает пользование им и применение норм.

В Основах законодательства о судеустройстве новой редакции помещена одна статья (3), определяющая задачи суда, что несомненно более удачно, в сравнении с ранее имевшимися двумя статьями, в достаточной мере искусственно разделявшими цели правосудия и задачи суда, что справедливо было отмечено в литературе¹.

В ст. 3 действующих Основ законодательства о судеустройстве определяются задачи суда как при осуществлении правосудия (самой важной, наиболее объемной и детально регламентированной стороны его деятельности), так и «всей» его деятельности. При осуществлении правосудия в качестве общих первоочередных задач законом определены: всемерное укрепление социалистической законности и правопорядка, предупреждение преступлений и иных правонарушений. Все задачи суда, указанные в Законе, реализуются достижением определенных целей при завершении производства по конкретным делам, а также конкретной непроцессуальной деятельностью суда.

В Законе о Верховном Суде СССР уточнены и полнее определены формы осуществления правосудия (ст. 2): а) про-

¹ См., в частности, *Кириченко М. Г.* Конституционные основы судебной системы в СССР.—М., 1979, с. 83.

изводство в первой инстанции; б) в кассационном порядке; в) в порядке надзора; г) по вновь открывшимся обстоятельствам. Определены основные положения организации и деятельности высшего судебного органа страны, основные формы и моменты взаимоотношений с Прокуратурой СССР, Министерством юстиции СССР и некоторыми другими звеньями государственного аппарата. В Закон также включен ряд норм, которые подробнее, чем раньше, регламентируют взаимоотношения Верховного Суда СССР с законодательными органами Союза ССР и союзных республик, Верховными судами союзных республик, полнее раскрывают полномочия и порядок деятельности Пленума и коллегий. Само количество статей нового Закона, его структура указывают на более детальную и полную регламентацию полномочий Верховного Суда СССР (Положение о Верховном Суде СССР от 12 февраля 1957 г. содержало 20 статей).

13 августа 1981 г. в целях приведения в соответствие с Конституцией СССР и дальнейшего совершенствования законодательства об уголовном судопроизводстве был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик»¹.

В полном соответствии с Конституцией СССР уточнены и редакционно расширены статьи Основ, регулирующие отдельные принципы уголовного судопроизводства. Ст. 7 Основ включает положения двух статей Конституции (151, 160). Положение ее второй части (ст. 160 Конституции) в уголовном судопроизводстве относится прежде всего к обвиняемому, а конституционная формулировка—ко всем гражданам («никто» не может быть признан виновным...).

Введен новый раздел, 7-й—«Меры по предупреждению преступлений», содержащий три статьи (55—57). Этим в общесоюзном масштабе обеспечено единообразное требование процессуальной обязанности должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, выявлять причины конкретного преступления и обстоятельства, способствовавшие его совершению, а также процессуальные формы реагирования при производстве предварительного расследования и в суде при установлении этих обстоятельств.

---

¹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, № 33, ст. 966.

В ряде норм расширены гарантии прав граждан (см., например, ст. 14, 22, 24, 34, 48 Основ); в некоторые статьи Основ внесены редакционные уточнения (например, ст. 19, 20, 29, 31), устраняющие несоответствия конституционным положениям.

Указами Президиума Верховного Совета КазССР от 28 марта и 30 сентября 1983 г.¹ внесены необходимые дополнения и изменения в Уголовно-процессуальный кодекс республики, вытекающие из вышеуказанных конституционных положений, положений текущего общесоюзного законодательства, равно как и изменений и дополнений, внесенных в Уголовный кодекс КазССР Указом Президиума Верховного Совета республики от 29 декабря 1982 г.²

В полном соответствии с Основами уголовного судопроизводства в УПК введен новый раздел (XI)—«Меры по предупреждению преступлений» (ст. 401—403), в связи с чем исключен ряд норм из разных разделов кодекса, регулировавших данные вопросы (ст. 46, 303, ч. VII ст. 324 и ч. IV ст. 375).

В развитие прежней редакции ст. 403 УПК (соответствовавшей текстуально ст. 57 Основ уголовного судопроизводства) Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 30 сентября 1983 г. она пополнена тремя частями, которые содержат нормы, предоставляющие суду право выносить частные определения (постановления) различных видов, перечень которых в целом является примерным. Эти определения (постановления) теперь могут быть вынесены по поводу:

а) различных фактов нарушений закона со стороны государственных органов, общественных организаций и должностных лиц;

б) установленных причин преступления и условий, способствовавших его совершению и требующих для их устранения принятия соответствующих мер;

в) обнаруженных судом нарушений прав граждан и других нарушений закона, допущенных при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении дела лижестоящим судом;

г) неправильного поведения отдельных граждан на про-

---

¹ Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1983, № 15, ст. 155; № 41, ст. 434.

² Там же, № 2, ст. 17.

изводстве или в быту или нарушения ими общественного долга, в связи с чем суд частным определением обращает на это внимание общественных организаций и трудовых коллективов либо в необходимых случаях направляет копию частного определения в товарищеский суд;

д) проявленных гражданином высокой сознательности, мужества при выполнении общественного долга, содействовавших пресечению или раскрытию преступления, о чем суд частным определением доводит до сведения соответствующее предприятие, учреждение или организацию.

Такая конкретизация в законе видов частных определений (постановлений) существенно повышает воспитательно-предупредительную роль суда.

В «Общих положениях» УПК КазССР многие статьи подверглись изменениям, направленным на усиление гарантий прав и законных интересов участников процесса и установление истины по делу. Все это представляет собой реализацию решений XXVI съезда КПСС, указавшего, что осуществление конституционных прав граждан относится к числу первоочередных направлений совершенствования законодательства¹.

Введена ст. 6-1, которая в соответствии со ст. 53, 54 Конституции КазССР усиливает гарантии неприкосновенности жилища, личной жизни граждан, тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений. С учетом положений ст. 6 УПК о неприкосновенности личности, действующий закон дает полное основание ставить вопрос о более широком понимании принципа уголовного процесса, включающего все процессуальные гарантии охраны прав граждан от неправомерного их ограничения при производстве по уголовным делам. В этой связи существенными представляются дополнения ст. 70 УПК частями третьей и четвертой, в которых персонализированы прокуроры, имеющие право давать санкцию на арест, а также установлена обязанность прокурора при решении вопроса о санкции на арест тщательно знакомиться со всеми материалами, содержащими основания для заключения под стражу, и в необходимых случаях лично допрашивать подозреваемого или обвиняемого, а если он несовершеннолетний, допрашивать во всех случаях. Ст. 7, 8, 11, 13 УПК даны в новых редакциях, приве-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС.—М., 1984, с. 64.

денных в полное соответствие с конституционными положениями; в ряд других норм, регулирующих основные начала уголовного судопроизводства, внесены отдельные редакционные изменения.

Усилены гарантии всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела с указанием в законе на запрещенные домогаться показаний путем насилия, угроз и иных незаконных мер не только обвиняемого, но и «других участвующих в деле лиц» (ч. III ст. 15 УПК), а в ст. 51 УПК, изложенной в новой редакции, в частности, записано, что «признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу». В этом же плане следует рассматривать новые редакции ст. 42 и 43 УПК, значительно шире и детальнее устанавливающие обстоятельства, исключающие участие в деле адвоката и другого лица в качестве защитника или представителя потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика.

В соответствии с Законом СССР «О прокуратуре СССР» дана в новой редакции ст. 112 УПК и введена ст. 112-1 УПК КазССР, детально определяющие задачи и полномочия прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия. Определены и уточнены полномочия прокурора на продление срока содержания под стражей при возвращении дела судом на новое расследование (ч. 2 ст. 71 УПК), на продление срока предварительного следствия (ч. 2 ст. 123 УПК), на изменение ранее предъявленного обвинения (чч. 2 и 3 ст. 191 УПК). Введенная в УПК ст. 30-1 обязывает прокурора, наряду с органом дознания, следователем и судом, при прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям, а также при постановлении оправдательного приговора разъяснить гражданину порядок восстановления его нарушенных прав и принять предусмотренные законом меры к возмещению ущерба, причиненного гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу. Появление этой статьи в УПК связано с установлением на конституционном уровне права граждан на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими

служебных обязанностей и с принятием в соответствии с Конституцией СССР указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей»¹. Представляется, что данный институт нуждается в более детальном развитии.

В новой редакции даны ст. 233 и 234 УПК, более точно определяющие процессуальное положение общественных обвинителей и общественных защитников, а также представителей предприятий, учреждений и организаций в судебном разбирательстве по делам несовершеннолетних.

Ряду существенных изменений и дополнений подверглись нормы, регулирующие производство в порядке надзора. В ст. 363 (дана в новой редакции), ст. 364, 365 уточнены полномочия должностных лиц на принесение протеста в порядке надзора, на истребование дела для проверки в порядке надзора и на приостановление исполнения опротестованного в порядке надзора приговора, определения и постановления суда. Новая редакция ст. 369 УПК существенно расширила круг лиц, которые могут быть приглашены на заседание суда, рассматривающего дело в порядке надзора, что будет способствовать его правильному разрешению.

Новый Закон о судостроительстве Казахской ССР, Уголовно-процессуальный кодекс республики, приведенные в полное соответствие с Конституцией СССР, Конституцией Казахской ССР и соответствующими отраслевыми общесоюзными законами, являются значительной законодательной вехой в деле эффективной борьбы с правонарушениями и преступностью, охраны прав и законных интересов граждан.

Л. В. Виницкий

кандидат юридических наук

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ И ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Термин «освидетельствование» в специальной литературе

---

¹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, № 21, ст. 741. Одновременно с данным Указом утверждено Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

употребляется давно. Он упоминается уже в Уставе судебной медицины, изданном в 1842 г.

Среди юристов не было и до сих пор нет единообразного понимания процессуальной сущности освидетельствования. В первом русском процессуальном законе—Уставе Уголовного Судопроизводства 1864 г.¹ термины «осмотр» и «освидетельствование» не подразделялись и использовались весьма широко, например, ст. 335—освидетельствование неотысканного или истребленного предмета; ст. 336—осмотр и освидетельствование мертвых тел, различного рода поврежденных, следов насилия и состояния здоровья потерпевшего от преступления или самого обвиняемого; ст. 355—освидетельствование безумных и сумасшедших.

Первую попытку дифференцировать эти понятия в России мы находим у Д. Г. Тальберга. «Хотя в нашем законодательстве,—пишет он,—выражения "осмотр" и "освидетельствование" употребляются, по-видимому, совершенно безразлично, но в сущности различие между этими действиями выражается в том, что осмотр имеет своим предметом более внешнее обозрение, исследование относящегося к данному преступлению, в то время как освидетельствование, напротив, направлено более на анализ внутренних элементов в составе преступления»².

В Европе—Э. Локар и Г. Гросс (1908 г.)—под освидетельствованием понимали деятельность врача или специалиста в области судебной медицины, выполняющего задание следователя, когда необходимы специальные познания в области исследуемого вопроса. Обращает на себя внимание тот факт, что термин «освидетельствование» употребляется в значении осмотреть врачом что-либо. Это могли быть рана или иное повреждение и труп.

Изложенные позиции буржуазных ученых были восприняты и первыми советскими криминалистами. В. Громов (1928 г.) употреблял этот термин применительно и к судеб-

---

¹ Реакционная сущность этого закона, применительно к нашему исследованию, видна уже из таких фактов: 1. Согласно ст. 320 Устава понятиями к осмотру или освидетельствованию должны приглашаться только и м у щ и е жители. 2. Женщины-врачи в качестве сведущих людей при освидетельствовании приглашаться не могли (Прим. к ст. 326. Уст. по продол. 90 г.).

² Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство. Киев, 1980, т. 2, с. 35.

но-медицинской, и судебно-психиатрической экспертизам. В более позднее время мнения ученых по поводу процессуальной сущности освидетельствования разделились. Одни считали освидетельствование прерогативой следователя или работника органа дознания и рассматривали его как один из видов осмотра—М. С. Стропович (1946 г.), М. А. Чельцов (1951 г.), Д. С. Карев (1951 г.), П. И. Тарасов-Родионов (1953 г.), А. И. Винберг (1956 г.) и др.

Согласно другой позиции освидетельствованию отводилась двойная функция. С одной стороны, это следственное действие, а с другой—один из видов судебно-медицинской экспертизы—Н. В. Терзиев (1954 г.), Ю. Д. Лившиц (1959 г.) и др.

Объяснение существования изложенных точек зрения мы находим в неудачной редакции действовавшего в то время УПК РСФСР, утвержденном Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. (см. ст. 193, 194, 196; 199).

Новый УПК РСФСР и большинства союзных республик исключил такую двойственность понятия освидетельствования (см. ст. 181 УПК РСФСР)¹. Закон разрешил спор относительно процессуальной сущности данного термина. Однако УПК КазССР (ст. 130) и УССР (ст. 193) по аналогии с прежним законодательством предусмотрели два вида освидетельствования: следственное и судебно-медицинское, проводимое судебно-медицинским экспертом. УПК АзССР (ст. 207) регламентирует только судебно-медицинское освидетельствование.

Следует отметить, что ни один из названных кодексов не указывает конкретно, в каких случаях необходимо назначать судебно-медицинское освидетельствование и что под ним понимать.

Вместе с тем приказом Министра здравоохранения СССР № 694 от 21 июля 1978 г. утверждена новая Инструкция о

¹ Проявляя заботу об охране чести и достоинства советских граждан, законодатель пошел по пути все большей гарантии прав освидетельствуемого, связанных с его телесной неприкосновенностью, запретив следователю присутствовать при освидетельствовании лица другого пола, если освидетельствование сопровождается обнажением этого лица. В Уставе Уголовного Судопроизводства (ст. 351) и в УПК РСФСР 1922 г. (ст. 194) допускалось присутствие следователя в тех случаях, когда освидетельствуемое лицо не возражало против такого присутствия.

производстве судебно-медицинской экспертизы, в которой один из видов этой экспертизы продолжает именоваться судебно-медицинским освидетельствованием.

Все это привело к тому, что в специальной литературе вопрос о сущности судебно-медицинского освидетельствования стал спорным. Р. С. Белкин (1968 г.) рассматривает его как один из видов судебно-медицинской экспертизы. Ряд ученых считают, что приравнивание судебно-медицинского освидетельствования к экспертизе неправомерно. Они создали специфическую конструкцию судебно-медицинского освидетельствования, занимающую особое, промежуточное положение между освидетельствованием и экспертизой — Ю. Д. Лившиц (1969 г.), Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин (1965 г.). Оно имеет целью определить физиологические состояния (алкогольное или наркотическое опьянение) или такие следы или повреждения на теле человека, для установления которых необходимы медицинские знания, но не в том объеме, чтобы требовалось производство экспертизы.

А. Э. Жалинский (1964 г.) считает, что задачи названных двух видов освидетельствования практически совпадают. Судебно-медицинское освидетельствование назначается тогда, когда для выполнения задач освидетельствования необходима помощь специалиста—судебного медика.

Такая позиция вызывает у нас возражения, ибо общепризнано, что название следственного действия не изменяется только от того, какой специалист принимает в нем участие.

Анализ уголовно-процессуального законодательства союзных республик убеждает нас в существовании необходимости исключить из УПК Азербайджанской, Казахской и Украинской ССР термин «судебно-медицинское освидетельствование» и регламентировать освидетельствование по образцу ст. 181 УПК РСФСР.

Следует подчеркнуть, что создание специфических конструкций судебно-медицинского освидетельствования ни в какой мере не может быть объяснено какими-либо национальными особенностями названных союзных республик. Унификация же законодательства в этом вопросе позволит единообразно готовить будущих специалистов-юристов, это, безусловно, положительно скажется на соблюдении социалисти-

ческой законности при проведении рассматриваемого следственного действия.

Прекрасным примером, подтверждающим нашу точку зрения, является издание Указа Президиума Верховного Совета Узбекской ССР от 28 мая 1976 г., которым коренным образом изменена конструкция ст. 164 УПК данной союзной республики. Новая редакция этой статьи исключила вовсе судебно-медицинское освидетельствование. Сейчас она соответствует ст. 181 УПК РСФСР. Это, на наш взгляд, безусловно положительное явление.

Кроме того, представляется необходимым изъять из текстов ведомственных нормативных актов термины, имеющие иное, чем предусмотрено в уголовно-процессуальном законе, смысловое значение. Ибо закон, как высший нормативный акт государственной власти, обязателен для всех государственных органов и потому нормативные акты последних должны приниматься только на основании закона и в соответствии с ним. К тому же, общепризнано, что совершенствование юридической и специальной терминологии—верный путь к возможному использованию ЭВМ, кибернетики и математики в целях правосудия. Мы, в частности, считаем целесообразным использование термина освидетельствование при проведении судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз¹, так как он в большинстве УПК союзных республик употребляется в ином значении.

Ни дореволюционный Устав Уголовного Судопроизводства, ни современные УПК союзных республик не регламентируют вопрос о возможности принудительного освидетельствования. Противоречивые точки зрения по этой проблеме высказываются особенно часто в отношении свидетелей и потерпевших.

Н. А. Маркс, например, считает, что вопрос о принудительном освидетельствовании носит ситуационный характер и во многом зависит от достаточности доказательств по делу. «Моральная сторона этого вопроса заключается в том,—

---

¹ Берзиньш У. Я. считает, что при проведении судебно-медицинской экспертизы потерпевший подвергается не только осмотру, но и опросу, пальпации и т.п. Поэтому он считает целесообразным заменить термин «освидетельствование» новым—«обследование». См.: Материалы 5-й научной Республиканской конференции судебных медиков.—Рига, 1970, с. 198.

пишет она,—что раскрытие преступления, избощение виновного и пресечение его общественно опасных действий представляется более высокой нравственной ценностью, чем чувства (хотя обоснованные и понятные) потерпевшего»¹.

Диаметрально противоположной точки зрения придерживаются С. П. Ефимичев и З. З. Зинатуллин (1979 г.), а также В. И. Каминская. Она считает, что «правосудие не может мириться с тем, что даже ради раскрытия преступления можно допускать такую оскорбляющую человеческое достоинство меру, как принудительная психиатрическая экспертиза в отношении гражданина, совершенно не причастного к преступлению (поскольку он не является ни подозреваемым, ни обвиняемым), то же следует сказать и о принудительном освидетельствовании таких лиц»². Мы считаем позицию Н. А. Маркс предпочтительной.

Решение законодателем вышеизложенных вопросов будет способствовать, на наш взгляд, повышению качества и эффективности предварительного следствия.

К. У. Ташибаев

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА ПРИ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Ряд ученых-процессуалистов склонны считать, что предварительное расследование как стадия советского уголовного процесса заканчивается после утверждения прокурором обвинительного заключения, т.е. действия прокурора по проверке уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением, рассматриваются как составная часть стадии предварительного расследования³. Такое утверждение, очевидно, объясняется тем, что эти действия прокурора связаны с осуществлением надзора за соблюдением законов

¹ Маркс Н. А. Некоторые тактические, психологические и этические аспекты освидетельствования потерпевших: Сб. тр.—Свердловск, 1977, с. 102—107.

² Каминская В. И. Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве.—Сов. государство и право, 1968, № 10.

³ См.: Горбачев А. В. Окончание предварительного расследования составленным обвинительным заключением: Автореф. Дис. ...канд. юрид. наук.—М., 1973. Советский уголовный процесс/Под ред. проф. Д. С. Карева.—М.: 1968; Давыдов П. М., Сидоров Д. В., Якимов П. П. Судопроизводство по новому УПК РСФСР.—Свердловск 1968.

в ходе всего расследования¹. Но здесь, как нам представляется, упускается из виду следующее: надзор со стороны прокурора за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия—самостоятельная отрасль прокурорского надзора, которая распространяется не только на стадию предварительного расследования, но и на стадию возбуждения уголовного дела². Но в этих стадиях данная отрасль прокурорского надзора выступает в виде определенной направленности в сфере уголовно-процессуальной деятельности, и в стадии предварительного расследования она существует наряду с функцией расследования. А с момента окончания расследования эта функция прокурора становится единственной в сфере уголовно-процессуальной деятельности и этим самым с момента направления уголовного дела с обвинительным заключением меняется качественная сторона уголовно-процессуальной деятельности.

Деятельность прокурора по проверке поступившего к нему уголовного дела с обвинительным заключением, осуществляемая на основании статей, составляющих главу XVIII УПК РСФСР и соответствующие нормы УПК других союзных республик, по нашему мнению, представляет собой самостоятельную стадию советского уголовного процесса. Для такого утверждения существуют следующие основания:

Во-первых, эта деятельность представляет собой обязательную часть советского уголовного процесса, которую нельзя миновать, если расследование закончено составлением обвинительного заключения, поскольку только утвержденное прокурором обвинительное заключение служит процессуальным условием для осуществления последующей стадии советского уголовного процесса—предания суду. Следовательно, в этом плане деятельность прокурора по проверке уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением, представляет такую значимость, какую имеют и возбуждение уголовного дела, и предварительное рассле-

---

¹ Эта мысль подчеркивается авторами учебника «Уголовный процесс» под редакцией проф. М. А. Чельцова (М., 1969).

² Об отраслях прокурорского надзора см.: Прокурорский надзор в СССР /Под ред. М. П. Малярова. М., 1973. Организация суда и прокуратуры в СССР /Под ред. Б. А. Галкина.—М., 1967, с. 176.

дование, причем в этой части уголовно-процессуальной деятельности находят свое проявление все принципы советского уголовного процесса.

Во-вторых, перед деятельностью прокурора, связанной с утверждением обвинительного заключения, стоит своя специфическая познавательная задача, производная, естественно, от общих задач уголовного судопроизводства, но отличающаяся от задачи, поставленной перед предварительным расследованием. Познавательная задача данной части уголовно-процессуальной деятельности выражена в ст. 190 УПК Казахской ССР (ст. 213 УПК РСФСР) и в соответствующих статьях УПК других союзных республик, предусматривающих систему вопросов, подлежащих рассмотрению прокурором в связи с необходимостью решения вопросов об утверждении обвинительного заключения. Анализ ст. 190 УПК Казахской ССР (ст. 213 УПК РСФСР) дает основание утверждать, что прокурор в деталях изучает уголовное дело, чтобы получить сведения по поставленным в данной статье вопросам. Положительное разрешение всех вопросов, перечень которых дан в ст. 190 УПК Казахской ССР (ст. 213 УПК РСФСР), определяет собой предел достаточности оснований для утверждения обвинительного заключения и направления дела в суд. Исследуемая нами часть уголовно-процессуальной деятельности характеризуется чисто контрольными функциями по отношению к стадии предварительного расследования, и в этой связи здесь прокурору предоставляется право решать судьбу уголовного дела в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. В зависимости от того, какие ответы будут получены на поставленные в ст. 190 УПК Казахской ССР (ст. 213 УПК РСФСР) вопросы, прокурор обязан принять по уголовному делу одно из следующих решений:

1. Утвердить своей резолюцией обвинительное заключение, если имеются все основания для направления дела в суд.

2. Возвратить дело на дополнительное расследование со своими письменными указаниями.

3. Прекратить дело.

4. Возвратить дело со своими письменными указаниями следователю или органу дознания для пересоставления обвинительного заключения, в случае несоответствия его требо-

ваниям ст. 187 УПК Казахской ССР (ст. 205 УПК РСФСР) и соответствующих статей УПК других союзных республик.

5. Составить новое обвинительное заключение, а ранее составленное из дела изъять и возвратить органу дознания или следователю с указанием обнаруженных недостатков.

В соответствии со ст. 191 УПК Казахской ССР (ст. 215 УПК РСФСР) в исследуемой нами деятельности прокурор наделен правом решать вопросы, относящиеся к объему обвинения и к мере пресечения. Своим постановлением прокурор вправе исключить из обвинительного заключения отдельные пункты обвинения, а также применить закон о менее тяжком преступлении. Ст. 191 УПК Казахской ССР (ст. 216 УПК РСФСР) наделяет прокурора правом отменять или изменять ранее избранную меру пресечения, а если мера пресечения не избрана, избрать ее в отношении обвиняемого. Кроме этого, прокурор может изменить приложенный к обвинительному заключению список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание.

В-третьих, исследуемая нами деятельность прокурора, связанная с решением вопросов, перечень которых дан в ст. 190 УПК Казахской ССР (ст. 213 УПК РСФСР), характеризуется специфическими процессуальными средствами достижения поставленной перед ним задачи. В этой части уголовно-процессуальной деятельности не производятся следственные действия, и познавательная задача достигается посредством изучения прокурором материалов уголовного дела.

В-четвертых, данная часть уголовно-процессуальной деятельности имеет свои четкие границы и срок осуществления. В ст. 189 УПК Казахской ССР (ст. 214 УПК РСФСР) указан пятидневный срок осуществления деятельности прокурора по проверке поступившего к нему уголовного дела с обвинительным заключением, который исчисляется с момента поступления к прокурору уголовного дела и до утверждения своей резолюцией обвинительного заключения. При указанных в законе основаниях данная часть уголовно-процессуальной деятельности может быть закончена вынесением постановления о возвращении дела органу дознания или следователю для производства дополнительного расследования либо о прекращении дела производством.

И, наконец, утверждение обвинительного заключения и направление дела в суд есть процессуальное основание для стадии предания суду.

Таким образом, представляется, что есть все основания считать деятельность прокурора по проверке поступившего к нему уголовного дела с обвинительным заключением самостоятельной стадией советского уголовного процесса. Эта деятельность имеет исключительно важное значение. Осуществляя свои контрольные функции по отношению к предварительному расследованию, прокурор своей деятельностью способствует улучшению качества расследования. Введение в УПК Казахской ССР новой статьи (ст. 112-1)¹, определяющей полномочия прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, и изложение ст. 211 УПК РСФСР в новой редакции² отвечают этой цели, т. е. способствуют улучшению качества расследования. Подобное обновление законодательства даст большую пользу, потому что новые законы позволяют тоньше, точнее регулировать соответствующие вопросы уголовного судопроизводства.

Мы уже отмечали, что, получив уголовное дело для утверждения обвинительного заключения, прокурор детально изучает его с целью определения полноты, всесторонности и объективности расследования, установления оснований для направления дела в суд, следовательно, данная деятельность прокурора способствует отправлению правосудия. Прокурор обязан следить, чтобы каждый совершивший преступление был установлен и осужден с соблюдением всех требований уголовного и уголовно-процессуального закона и чтобы ни один гражданин не подвергался незаконному ограничению в правах. Поэтому деятельность прокурора по проверке уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением,—надежная гарантия обеспечения личности и выполнения общих задач уголовного судопроизводства. Представляется, что нет ни теоретических, ни практических оснований, которые бы прямо или косвенно препятствовали рассмотрению данной деятельности прокурора

---

¹ См.: указ Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 28 марта 1983 г. «О внесении изменений и дополнений в УПК Казахской ССР».—Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1983, № 15, с. 155.

² Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 августа 1983 г. «О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР».—Сов. юстиция, 1983, № 18, с. 24—31.

в качестве самостоятельной стадии советского уголовного процесса.

Ю. Д. Лившиц

профессор

М. Ч. Когамов

кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СВЯЗИ С ПРИОСТАНОВЛЕНИЕМ И ПРЕКРАЩЕНИЕМ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В процессе приведения действующего уголовно-процессуального законодательства в соответствие с Конституцией СССР и Конституциями союзных республик оно пополнилось разделом—«Меры по предупреждению преступлений»¹.

В Основах уголовного судопроизводства нормы, регулирующие профилактическую деятельность органов дознания, следователя, прокурора и суда, появились впервые, установив единый порядок этой деятельности в масштабе страны и придав ей еще большее значение. Это полностью соотнобразуется также с требованием Программы КПСС—сосредоточивать главное внимание на предотвращении преступлений.

Работа следователей по установлению и устранению причин преступлений и условий, способствующих их совершению,—составная часть профилактики преступлений. От выполнения следователями требований уголовно-процессуального закона, регулирующего профилактику преступлений, зависит в значительной мере дальнейшее укрепление социалистической законности и правопорядка.

В этой связи представляет интерес профилактическая работа следователей по приостановленным и прекращенным по реабилитирующим основаниям уголовным делам.

Вопросы эти в рассматриваемом аспекте в юридической литературе почти не освещены, так как все внимание сосредоточено на делах, которые оканчиваются направлением в суд. Не находят они должного понимания и среди практи-

---

¹ См.: Ст. 55—57 Основ уголовного судопроизводства Союза СССР и союзных республик в редакции Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 г.—Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, № 33, ст. 966.

ческих работников, расследующих уголовные дела. Как показывает изучение практики, во многих случаях, даже при установлении причин деяния, содержащего признаки преступления, и условий, способствовавших его совершению, прекращенные дела сдаются следователями в архив без проведения по ним профилактических мероприятий. Когда же перспектива прекращения дела вырисовывается уже в начале расследования, вопросы эти вообще упускаются.

Проведенное выборочное исследование около 900 уголовных дел, прекращенных по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования в Казахской ССР за 1980—1981 гг., подтверждает сказанное и в то же время укрепляет убеждение в необходимости следственной профилактики по такого рода делам с учетом ее некоторых особенностей.

Представляется обязательным проведение следователем профилактической работы по делам, прекращенным по нереабилитирующим основаниям (ст. 5, пп. 3, 4, 5, 8, ст. 5¹ Основ уголовного судопроизводства)¹. Необходимо иметь в виду, что упущения следователя при направлении дела в суд можно устранить путем вынесения судом частного определения. Тогда как по делам, прекращенным по нереабилитирующим основаниям, причины деяния и условия, способствовавшие его совершению, никем кроме следователя и прокурора не будут исследоваться. Помимо того, установление этих причин и условий вообще содействует принятию законного и обоснованного решения о прекращении дела по нереабилитирующим основаниям и соответствует требованиям закона о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела.

В профилактической работе следователя значительное место отводится его выступлениям на собраниях трудовых коллективов, как правило, при передаче лиц на поруки для перевоспитания и исправления, участию в заседаниях товарищеских судов и комиссий по делам несовершеннолетних.

---

¹ Имеются также в виду соответствующие статьи УПК союзных республик. Эта же мысль, как нам представляется, содержится во введенной Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 30 сентября 1983 г. части шестой ст. 186 УПК (Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1983, № 41, ст. 434), указывающей, в частности, на некоторые меры профилактического характера в связи с прекращением уголовного дела.

Цель данных мер—доложить общественности о существе деяния и лице, его совершившем, показать целесообразность и исключительность применения к лицу в данном случае мер общественного воздействия, вскрыть причины и условия деяния, содержащего признаки преступления, выслушать собравшихся и совместно с ними разработать реальные меры по устранению этих причин и условий. На собрании следователь обязательно должен довести до сведения присутствующих свое решение о прекращении уголовного дела. Представляется, что такие же профилактические меры должны шире применяться и в остальных случаях прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, особенно в связи с последующим привлечением лица к административной ответственности (ч. VI ст. 180 УПК КазССР).

Освобождение от уголовного наказания и применение мер общественного воздействия будут иметь профилактическое значение только тогда, когда при прочих условиях совершивший деяние признается в нем и чистосердечно раскается. Такое признание и чистосердечное раскаяние являются реальным основанием для уверенности в том, что лицо может исправиться без применения мер уголовного наказания. В уголовно-процессуальном законодательстве подчеркивается, что эта мера может быть применима только при отсутствии возражения у лица против прекращения уголовного дела в связи с применением мер общественного воздействия или административного взыскания (ч. 2 ст. 5¹ Основ уголовного судопроизводства). До прекращения уголовного дела лицу должны быть разъяснены сущность деяния, содержащего признаки преступления, основания к освобождению от уголовной ответственности из числа указанных выше и право возражать против прекращения дела (ч. 2 ст. 14-2 УПК КазССР в ред. Указа Президиума Верховного Совета КазССР от 28 марта 1983 г.)¹, что само по себе имеет важное профилактическое значение.

Представляется, что, исходя из общих указаний уголовно-процессуального закона о мерах по предупреждению преступлений, профилактическая деятельность следователя по приостановленным уголовным делам как до, так и после принятия этого решения не только возможна, но и необхо-

---

¹ Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1983, № 15, ст. 155.

дима. Изучение практики приостановления уголовных дел (выборочно было изучено около 100 уголовных дел за тот же период) показывает, что следователи зачастую, установив причины и условия преступления, откладывают проведение профилактических мероприятий до тех пор, пока не будут устранены основания к приостановлению, что значительно снижает эффективность реализации профилактических мер. Мы полагаем, что, при наличии к тому оснований, профилактические мероприятия следователь должен проводить еще до принятия решения о приостановлении производства по делу.

В целом же профилактическая работа следователя будет успешна лишь при условии строгого соблюдения всех требований процессуального закона, в том числе и тех, которые регулируют основания и условия приостановления уголовных дел. Думается, что наибольшие профилактические возможности дают уголовные дела, которые затем приостанавливаются по пп. 1—2 ст. 175 УПК КазССР, так как по ним собирается такой объем доказательств, который указывает на конкретного совершителя преступления. Известные профилактические возможности оставляют и уголовные дела, приостановленные затем в связи с неустановлением лица, совершившего преступление.

Однако на состояние профилактической деятельности следователя по уголовным делам, впоследствии им приостановленным, отрицательно влияют факты необоснованного приостановления и другие нарушения закона. Встречаются довольно часто случаи приостановления уголовных дел в отношении обвиняемых, местопребывание которых известно, с целью избежать продления сроков расследования для нормального завершения производства следствия. Обычно по такого рода делам следователями допускалась волокита и, конечно, им было не до установления причин преступления и обстоятельств, способствовавших их совершению. Бывает, что приостанавливаются уголовные дела за нерозыском обвиняемых, в то время, как лица, совершившие преступления, вообще не установлены. Очевидно, что при этих обстоятельствах едва ли возможна профилактическая деятельность следователя. И, конечно, ни о какой профилактической деятельности следователей говорить нельзя, если они, приостанавливая уголовные дела, скрывают недостатки своей рабо-

ты. Так, изучение дел о преступлениях против личности, совершенных в неочевидных условиях, показывает что следственные действия обычно производились лишь в первые 3—4 дня после возбуждения уголовного дела и по истечении срока расследования производство по ним необоснованно приостанавливалось. Даже тогда, когда местопребывание обвиняемого было установлено, иные следователи уголовные дела не возобновляли, продолжая их числить приостановленными, не ведя по ним работы, в том числе и профилактической.

Возникает вопрос о формах реагирования следователя на выявленные по приостановленным и прекращенным делам причины преступлений и условия, способствовавшие их совершению. Так, указание Прокуратуры СССР от 18 декабря 1975 г. «Об обязательном приобщении к уголовному делу копии представления» требует отражать в справке, приобщаемой к обвинительному заключению, принятые меры (помимо представления), принимаемые к устранению причин преступлений и условий, способствовавших их совершению (обсуждение на собрании в трудовом коллективе и т. д.), если не было оснований для внесения представления. Это указание, по нашему мнению, можно распространить и на профилактические мероприятия по рассматриваемым категориям дел. При необходимости следователь обязан внести представление в связи с прекращением уголовного дела по нереабилитирующим основаниям или его приостановлением. Если же этих оснований нет, следует ограничиться проведением других профилактических мероприятий (ч. VI ст. 180 УПК КазССР).

Например, при прекращении дел по нереабилитирующим основаниям необходимо, чтобы следователи передавали участковым инспекторам или в инспекцию по делам несовершеннолетних копии соответствующих постановлений. Участковые инспекторы и сотрудники инспекций по делам несовершеннолетних из содержания этих постановлений получают ценную криминологическую информацию, которая необходима для организации целенаправленного профилактического процесса и контроля за лицами, в отношении которых уголовное дело прекращено.

Надлежащее выполнение следователями ст. 55—56 Основ уголовного судопроизводства по прекращенным и приостановленным

новленным уголовным делам—важный участок деятельности начальника следственного отдела и прокурора. Они должны регулярно проверять находящиеся в производстве следователей уголовные дела и обеспечивать достаточно полное установление причин деяния и условий, способствовавших его совершению, а также принять по ним необходимых профилактических мер, давать следователям письменные указания, рекомендации по профилактической работе или непосредственно участвовать в ее проведении, укреплять взаимодействие следователей с работниками милиции в сфере профилактики преступлений.

Как нам представляется, на улучшение предупредительной деятельности следователей при производстве по уголовным делам могло бы повлиять изменение существующего весьма общего раздела о показателях профилактической работы в отчетности. Целесообразно выделение граф, которые отдельно содержали бы информацию о следственной профилактике преступлений по делам, оконченным с обвинительными заключениями, прекращенным по нереабилитирующим основаниям, приостановленным производством.

Это позволит знать состояние следственной профилактики преступлений, более эффективно направлять и совершенствовать эту работу.

А. А. Рзаев

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ

В материалах XXVI съезда КПСС как одно из основных направлений усиления борьбы с преступностью и правонарушениями, указывалась необходимость продолжать работу по совершенствованию законодательства.

Важным этапом обновления уголовно-процессуального законодательства явилось принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 г. «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», которым общесоюзный уголовно-процессуальный закон приведен в соответствие с Конституцией СССР. В связи с этим нормативным актом 28 марта 1983 г. Указом Президиума Верховного Совета КазССР изменен и дополнен республиканский кодекс. Весь-

ма существенно сказались эти изменения на расширении и совершенствовании гарантий прав лиц, уголовные дела в отношении которых прекращены в стадии предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям.

Законодатель воспринял предложения ученых и закрепил ч. 3 ст. 14-2 УПК КазССР правилом, согласно которому прекращение дела по всем пяти нереабилитирующим основаниям этой нормы возможно только в случае, если лицо, которое совершило деяние, содержащее признаки преступления, против этого не возражает. В противном случае производство по делу продолжается в обычном порядке и с обвинительным заключением должно быть направлено для рассмотрения в суд. Данная новелла заставляет следователя считаться с мнением лица при прекращении дела и является фактором дальнейшей демократизации предварительного следствия и дознания. Наряду с этим правилом ч. 2 ст. 14-2 УПК Казахской ССР предусматривает до прекращения дела разъяснение лицу сущности совершенного им деяния и основания к освобождению от уголовной ответственности¹. В то же время не изменена ч. 5 ст. 180 УПК, предусматривающая уведомление лица, которое совершило деяние, содержащее признаки преступления, при прекращении дела в связи с передачей его в товарищеский суд, в комиссию по делам несовершеннолетних, передачей лица на поруки или с привлечением к административной ответственности. Очевидно, что правила ч. 2 ст. 14-2 УПК шире по содержанию и процедуре и охватывают приведенное положение ст. 180 УПК.

Вместе с тем само правило ч. 2 ст. 14-2 УПК не увязано в законе с определенной процессуальной формой, т.е. в нем нет указания на процессуальный документ, в котором следователю надлежит фиксировать разъяснение лицу сущности деяния, основание к прекращению дела и его отношение к такой форме окончания расследования.

По смыслу закона это процессуальное действие должно быть зафиксировано в соответствующем протоколе по аналогии с правилами ст. 183—184 УПК. В эту же норму следовало бы ввести и указание на право лица ознакомиться с уголовным делом после объяснения следователем своего ре-

¹ Аналогичная гарантия введена в ст. 14-1 УПК, установленную Указом Президиума Верховного Совета КазССР от 30 сентября 1983 г. и регулирующую направление материалов без возбуждения уголовного дела для применения мер общественного воздействия.

шения, что также отразить в протоколе.

Четкое указание в законе на необходимость составления названного процессуального документа на практике будет способствовать реализации установленных правовых гарантий и серьезно повысит ответственность следователя, начальника следственного подразделения и надзирающего прокурора за соблюдением законности и обоснованности прекращения уголовных дел.

Новые правила ст. 14-2 УПК позволяют обосновать необходимость изменения редакции чч. 4 и 5 ст. 180 УПК, согласно которым по прекращенному делу в случае предъявления лицу обвинения, потерпевшему и обвиняемому направляется копия постановления о прекращении дела. Если же дело прекращается по основаниям пп. 2—5 ст. 14-2 УПК, то лицо, совершившее деяние, и потерпевший лишь уведомляются о прекращении дела. Такой разницей приводит на практике к тому, что лицо, не имевшее на руках постановления о прекращении дела, фактически лишается возможности его обжаловать. Очевидное неравное положение указанных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений ничем объяснить нельзя.

Поэтому в новой редакции ст. 180 УПК следует закрепить универсальное правило о вручении всем этим лицам единого процессуального документа—постановления о прекращении дела, что соответствует принципу равенства граждан перед законом. В норме ст. 181 УПК одновременно следует указать на срок обжалования такого постановления, который не должен превышать семи суток с момента его вручения или получения, как это предусмотрено ст. 215 УПК УССР и ст. 219 АзССР.

И. И. Пиндюр

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕЗАКОННОЙ ОХОТЕ

Результаты изучения следственной и судебной практики расследования незаконной охоты в Казахской ССР и других союзных республиках свидетельствуют о необходимости совершенствования уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за браконьерство.

Так, в уголовных кодексах разных союзных республик существует ничем не оправданный различный подход к определению квалифицирующих признаков незаконной охоты

и санкций за одинаковые нарушения правил охоты. До настоящего времени не определено в законе или общесоюзном подзаконном акте единое понятие крупного материального ущерба, причиненного незаконной охотой, в результате чего при одинаковом причинении ущерба деяния признаются народными судами в одних случаях в качестве преступлений, в других—административно-правовых нарушений.

Необходимость определения в законодательном порядке суммы крупного материального ущерба обосновывается тем, что в 76,9% изученных нами уголовных дел (114 случаев из 149) материальный ущерб по каждому делу составил 500 р. и более.

Думается, что существует необходимость также предусмотреть в статьях УК союзных республик ответственность за причинение браконьерством материального ущерба в особо крупном размере. При этом следует подчеркнуть, что сумма причиненного материального ущерба в особо крупном размере при совершении браконьерства не может быть равна аналогичному понятию ущерба, например, причиняемого в результате хищений, т.е. 10 тыс. руб. и более. Мы полагаем, что причинение браконьерством материального ущерба на сумму 2500 р. должно признаваться в качестве особо крупного.

Совершение незаконной охоты в виде промысла является одним из способов паразитического существования граждан и наиболее хищнического истребления зверей и птиц. Браконьерство, совершаемое систематически, особенно сопровождаемое сбытом добываемой продукции, свидетельствует об устойчивости антисоциальных взглядов браконьера и представляет собой повышенную общественную опасность.

Изученные нами уголовные дела о незаконной охоте свидетельствуют о том, что из 145 случаев браконьерства в 13,8% случаев имел место сбыт продуктов незаконной охоты.

Мы полагаем, что законодатель, определяя ответственность за незаконную охоту в виде промысла, имел в виду систематическую (два и более раза) добычу зверей или птиц для получения основного или дополнительного источника существования, без реализации продуктов такой охоты другим лицам. Поэтому в тех случаях, когда браконьер, добывая зверей, занимался продажей либо переработкой с целью продажи подлежащих обязательной сдаче государству шкурок ценных видов пушных зверей, действия виновного следует

квалифицировать по ч. II ст. 163 и ст. 163¹ УК КазССР, а в случаях переработки и реализации иной продукции незаконной охоты¹—по ч. II ст. 163 и ст. 164 УК КазССР.

Однако в судебной практике встречаются случаи привлечения к уголовной ответственности за незаконную охоту в виде промысла, без выяснения судьбы добытой продукции, и осуждения браконьеров по совокупности соответствующих статей УК. Так, в 1979 г. был осужден лишь по ч. II ст. 163 и по чч. I и III ст. 202 УК КазССР гр-н Б., который, являясь мастером по пошиву мужских шапок, нигде не работал с 1978г., систематически занимался отстрелом и отловом сурков, выделывал шкурки и шил шапки, которые продавал по 130—150 р. за каждую².

Незаконная охота с применением автомототранспортных средств является квалифицирующим элементом состава преступления, предусмотренного уголовными законами шести союзных республик, в том числе и УК КазССР. Применение указанного признака в следственной и судебной практике вызывает некоторые трудности, связанные с несовершенством текста статьи закона.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что из 145 уголовных дел о незаконной охоте в 104 случаях (71%) в качестве орудий преступления применялись быстроходные транспортные средства, из них в 15,4% случаев использовались снегоходы, аэросани, вертолеты, тепловозы и другие технические средства, не относящиеся к категории автотранспортных. Суды, рассматривая преступления данной категории, в приговорах по делу не акцентируют внимание на использовании автомототранспортных средств для браконьерства, ибо вертолет, тепловоз и т.п. к автомототранспортным средствам не относятся, несмотря на то, что общественная опасность использования их для совершения незаконной охоты высока. В этой связи мы полагаем, что предусмотренный ч. II ст. 163 УК КазССР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик признак преступления—незаконная охота с применением автомототран-

---

¹ Продукцией охоты признается пушнина, кожевенное сырье, а также мясо и жир съедобных зверей, пернатая дичь, рога, панты и другая продукция.

² Уголовное дело № 1—381. Архив Ленинского народного суда г. Целинограда за 1980 г.

спортивных средств—является необоснованно ограниченным, ибо он не охватывает всех технических средств передвижения, используемых для совершения преступления, которое может быть квалифицировано как незаконная охота. Нам кажется, что вместо слов «...с применением автомототранспортных средств» следует указать «... с применением технических средств повышенной скорости передвижения».

Наши исследования показали, что в 70% случаев браконьерство совершено группой. Думается, нет необходимости доказывать аксиому о большей общественной опасности браконьерства, совершаемого группой, чем одним человеком. Всякая охота группой лиц является *обязательно организованной*. По другому она вестись не может. Участники такой охоты это хорошо знают. Вследствие этого при групповой охоте обязательно имеется организатор, руководитель. При браконьерстве группой между ее участниками всегда имеется договоренность, начиная от места и условий сбора и до определения момента окончания охоты. Поэтому группа браконьеров более общественно опасна, чем такое же количество браконьеров-одиночек. Исходя из этого мы полагаем, что ч. II ст. 163 УК КазССР и аналогичные статьи законов других союзных республик необходимо дополнить словами «...а равно совершенная группой лиц».

На основании изложенного мы полагаем, что для усиления эффективности уголовно-правовых норм в расследовании и предупреждении незаконной охоты, необходимо ч. II ст. 163 УК КазССР и аналогичные статьи УК других союзных республик сформулировать следующим образом: «те же действия, причинившие материальный ущерб на сумму в 500 р. и более или совершенные в виде промысла либо лицом, ранее судимым за незаконную охоту, а равно охота на зверей и птиц, охотиться на которых полностью запрещено, или охота на территории государственного заповедника, либо с применением технических средств повышенной скорости передвижения, или организованной группой».

Раздел 4

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАЗАХСТАНА ПО БОРЬБЕ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

И. Б. Зинкевич

кандидат юридических наук

**ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ**

Коммунистическая партия и Советское правительство все более остро ставят вопрос о необходимости скорого, полного и объективного раскрытия и расследования всех преступлений. Однако изменения в социальной жизни, обусловленные развитием науки, техники, образования, информационных процессов и т.д., делают процесс установления истины по уголовному делу сложным и трудоемким. Последние десятилетия в корне изменили темпы общественных процессов, увеличили степень информированности различных слоев населения. Во многом изменился и облик преступника. Его характеризует значительно меньшая внешняя определенность. Современный преступник—это преступник «универсальный»: сегодня хулиган, завтра может совершить разбой или кражу. Многие преступные действия внешне мало отличаются от нормального поведения людей (хозяйственные, должностные и другие преступления). Сейчас преступник характеризуется исключительной подвижностью, и не только потому, что зачастую располагает самой современной транспортной и другой техникой, но и потому, что изменились общественные отношения и связи. Они стали более демократичными, менее формальными, более терпимыми (хулигана или грабителя 40—50-х годов можно было узнать и по поведению, и по одежде, сейчас и тем и другим он может не отличаться от студента, сотрудника НИИ и т.д.). Рост зажиточности населения, «снятие» трудностей с молодого поколения обуславливают стремление многих молодых людей к «облегченному» варианту жизни, повышают виктимность отдельных лиц и т. д.

Бегло обозначенные здесь факторы делают процесс расследования и доказывания достаточно сложным. Зачастую без глубокого исследования индивидуально-психологических особенностей обвиняемого, свидетеля и других лиц, без детального знания микросреды, нравственной, социально-психологической атмосферы расследование бывает неполным, вы-

воды случайными, а иногда и ошибочными. Отсюда объективное стремление органов следствия и суда расширить арсенал средств познания при разрешении уголовных дел. Среди этих средств важное место отводится психологии.

Известно, сколь большую сложность представляет собой правильное установление психологических процессов, психологических свойств и психических состояний людей, вовлеченных в сферу судопроизводства в качестве различных участников—свидетелей, потерпевших, обвиняемых и др. При этом тех обыденных, непрофессиональных знаний психологии, которыми обладают лица, ведущие расследование, в настоящее время явно недостаточно. Преподавателями кафедры криминалистики Карагандинской высшей школы МВД СССР с 1976 по 1981 г. в различных областях Казахстана изучено 127 уголовных дел об убийствах, дорожно-транспортных происшествиях, половых преступлениях, преступлениях, совершаемых несовершеннолетними¹. Анализ показал, что в большинстве случаев (78% изученных дел) следователи и судьи самостоятельно, исходя из так называемого «здорового смысла», решали психологические вопросы, касающиеся устойчивых особенностей личности виновного, психофизиологических состояний его в момент наблюдения события либо участия в нем, степень аффектогенности ситуации, вопросы стресса, структуры личности и др. Ясно, что эти и некоторые другие вопросы квалифицированно могут быть разрешены только судебно-психологической экспертизой. Знания практики и «здоровый смысл» не всегда оказываются точным инструментом познания. Это можно проиллюстрировать следующим примером. Арестованный по делу о тяжком преступлении М. пытался бежать от конвоя. Начальник конвоя лейтенант К., преследуя убегавшего, произвел три предупредительных выстрела вверх. Схватив преступника и пресекая попытку сопротивления, он ударил М. рукояткой пистолета по спине, отчего произошел произвольный выстрел, насмерть поразивший конвоира сержанта Н. Квалификация действий К. как преступной неосторожности, без учета его психологического состояния, ничего по существу не разрешила и граничила с объективным вменением. К., преследуя М., находился в состоянии, близком к физио-

---

¹ Исследование проводилось с помощью слушателей заочного обучения, работающих в органах внутренних дел.

логическому аффекту: конвоируя М., он две ночи не спал, так как М. несколько раз пытался бежать. Производя предупредительные выстрелы, К. после каждого из них передергивал затвор, выбрасывая автоматически досланные в патронник патроны. Находясь в нормальном психическом состоянии, он, опытный офицер, безусловно, не забыл бы, что пистолет автоматический и не нуждается в ручной перезарядке¹.

Таким образом, проблема привлечения эксперта-психолога к исследованию многих преступлений стоит достаточно остро. Однако разрешение ее в настоящее время следует признать неудовлетворительным. Не палажена подготовка специалистов-экспертов этой категории. Инициатива МГУ в этой части осталась не реализованной², как и выдвинутые предложения об организации системы судебно-психологической экспертизы³. Недостаточными являются и знания следователей и судей о возможностях данной экспертизы, объеме и порядке собирания необходимой предварительной информации психологического характера, облегчающей или вообще делающей возможным проведение экспертизы, характере постановочных вопросов перед экспертом. Крайне недостаточно методической и общей литературы по данному вопросу. В высшей степени полезная и квалифицированная работа М. М. Коченова⁴, изданная в 1977 г., давно стала библиографической редкостью.

Полагаем, что разрешение указанных вопросов позволит повысить уровень следствия и судебного разбирательства уголовных дел многих категорий в Казахстане.

---

¹ Пример взят из практики правоохранительных органов Карагандинской области за 1980 г.

² См.: Вопросы судебно-психологической экспертизы.—М.: Изд. Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1978, с. 93—94.

³ См.: Там же.

⁴ Коченов М. М. Судебно-психологическая экспертиза.—М.: Изд. Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1977.

Ю. Лухтин

кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ ЗА НАРУШЕНИЯ РЕЖИМА В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОМ УЧРЕЖДЕНИИ

По действующему законодательству¹ хулиганские действия квалифицируются либо как административно наказуемое, либо как уголовно наказуемое деяние. Однако в юридической литературе существует иное мнение. Так, ряд авторов (А. И. Марцев, 1972; М. П. Журавлев, Г. А. Аванесов, 1970) считают мелкое хулиганство, совершенное осужденными в ИТУ, не административным, а дисциплинарным проступком. Как показывает практика, это обстоятельство оказывает решающее влияние на характер ответственности осужденных за это правонарушение. Высказываются мнения, что осужденные должны соблюдать не общепринятые, а «специфические» для них правила, допускающие определенные изъятия из установленных норм. Поэтому нередко еще представители администрации ИТУ не обращают внимания на нецензурную брань осужденных, грубость в обращении друг с другом, невыдержанность, хотя факт отбывания наказания возлагает на осужденных дополнительные юридические обязанности и в области, относящейся в обычных условиях к сфере морали². Во время отбывания наказания у осужденных значительно расширяется, по сравнению с остальными гражданами, круг обязанностей, регулируемых правовыми нормами. Так, в условиях ИТУ правила социалистического общежития получают правовое закрепление в Правилах режима и становятся юридической обязанностью осужденных. Правила режима, будучи обращенными к осужденным, фиксируют их общегражданские и специфические права и обязанности, приучают к дисциплине, порядку и нормальным взаимоотношениям³. Наличие широкого круга юридических обязанностей у осужденных обуславливает существование

¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1966, № 30, ст. 595; 1981, № 23, ст. 782.

² См.: Пинчук В. И. Исправительно-трудовые правоотношения.—М., 1968, с. 26.

³ См.: Советское исправительно-трудовое право. Общая часть.—М., 1977, с. 208—210.

широких правовых мер, применяемых в случае нарушения ими этих обязанностей. В связи с тем, что правилами режима предусмотрено соблюдение как специфических, так и общегражданских обязанностей осужденными, все проступки, совершенные ими в ИТУ, относятся к нарушениям режима. Поэтому за мелкое хулиганство, которое в ИТУ является нарушением режима, осужденные привлекаются не к административной ответственности, а к ответственности, предусмотренной нормами исправительно-трудового права. Следует подчеркнуть, что законодатель не называет эту ответственность ни административной, ни дисциплинарной. И это, видимо, не случайно. В науке административного права под дисциплинарной ответственностью понимается «ответственность, налагаемая властью начальника, которому виновный подчинен по службе»¹. Административная ответственность выражается в применении компетентными государственными органами и должностными лицами административных санкций за административные проступки (в определенных случаях—за дисциплинарные проступки) в установленном законом порядке². Подходит ли ответственность, которую несут осужденные в ИТУ за нарушения режима, под какое-либо из этих определений? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим основание ответственности осужденных, предусмотренной нормами исправительно-трудового права.

Из ст. 34 Основ (ст. 72 ИТК КазССР) следует, что основанием к применению мер взыскания, предусмотренных нормами исправительно-трудового права, является нарушение осужденными требований режима. Нарушением требований режима отбывания наказания является противоправное виновное деяние (действие или бездействие) осужденного, которое, посягая на установленный в местах лишения свободы правопорядок, влечет за собой ответственность в соответствии с нормами исправительно-трудового права³. Таким обра-

---

¹ См.: *Лунев А. Е.* Административная ответственность за правонарушения.—М.: Госюриздат, 1961, с. 39.

² См.: *Манохин В. М.* Советское административное право. Часть общая.—Саратов, 1968, с. 198; По вопросу об административной ответственности; см. также: *Галаган И. А.* Административная ответственность в СССР.—Воронеж, 1970; *Ялуба О. М.* Административная ответственность.—М., 1972.

³ См.: Комментарий к исправительно-трудовому кодексу РСФСР.—М., 1973, с. 135.

зом, нарушение требований режима—это единственное основание для применения мер взыскания, предусмотренных нормами исправительно-трудового права. Нет необходимости сводить его к дисциплинарному или административному проступку. Наоборот, можно говорить о том, что нарушение режима осужденным содержит в себе признаки как дисциплинарного, так и административного проступка. Например, в структуре нарушений режима имеются деяния, характерные только для ИТУ (пронос и хранение запрещенных предметов; нарушение распорядка дня, одиночное неповиновение представителю администрации; нарушение формы одежды и др.), которые по своей правовой природе являются нарушением специальных правил поведения и могут быть отнесены к категории дисциплинарных проступков.

Но нарушения режима в ИТУ не исчерпываются только этими проступками. В условиях ИТУ осужденные совершают и такие нарушения режима, которые вне мест лишения свободы являются административными проступками (например, мелкое хулиганство). И, наконец, в условиях ИТУ осужденный, совершив преступление, не представляющее большой общественной опасности, может быть освобожден от уголовной ответственности за него на основании ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 45-3 УК КазССР), если будет признано, что его исправление и перевоспитание возможно без применения нового уголовного наказания. В подобном случае такое деяние будет рассматриваться как нарушение режима, и осужденный подвергнется наказанию в соответствии с исправительно-трудовым, а не уголовным законодательством. Необходимо отметить, что деяние, совершенное осужденным в данном случае, не перестает от этого быть преступлением.

Таким образом, понятие «нарушение режима» складывается из совокупности проступков, характерных только для ИТУ (дисциплинарных проступков), проступков, которые вне мест лишения свободы являются административными правонарушениями, и преступлений, не представляющих большой общественной опасности, за совершение которых на основании ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 45-3 УК КазССР) осужденные освобождаются от уголовной ответственности. За нарушение режима законодатель предусмотрел для них один вид ответ-

ответственности — в соответствии с нормами исправительно-трудового права.

В литературе некоторыми авторами высказано мнение о выделении ответственности осужденных за нарушения режима «в особую группу» (А. Е. Наташев, 1975 г.) или предлагается рассматривать ее как дисциплинарную ответственность, но своеобразного подвида (Г. А. Фирсов, 1976 г.).

Представляется, что, поскольку основание этой ответственности — нарушение режима — понятие комплексное, постольку и сама ответственность является комплексной, содержащей в себе элементы дисциплинарной и административной ответственности. В целом же все элементы ее (основания и санкции) имеют специфический исправительно-трудовой характер, а, как отмечал И. С. Самощенко, характер санкций отграничивает правонарушения одного вида от другого¹. Думается, что нет оснований относить ответственность осужденных, предусмотренную нормами исправительно-трудового права, к разряду дисциплинарной. Учитывая характер совершаемых осужденными противоправных деяний и санкций, применяемых к ним, порядок реализации ответственности и ее правовые последствия, представляется правомерным поддержать мнение (Ю. Ф. Кваша, 1979 г.) о том, что осужденный является субъектом ответственности, подлежащей выделению в самостоятельную классификационную группу. По своему содержанию она является комплексной, а по правовой природе — исправительно-трудовой.

А. Н. Ералин

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЗНАНИЯ ИНВАЛИДОМ ЛИЦА, УСЛОВНО ОСУЖДЕННОГО ИЛИ УСЛОВНО ОСВОБОЖДЕННОГО, С ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ ПРИВЛЕЧЕНИЕМ К ТРУДУ²

Во время отбывания наказания у лиц, условно осужденных и условно освобожденных, может возникнуть инвалидность. Учитывая это, законодатель предусмотрел два варианта правовых последствий: досрочное освобождение от наказания и направление в места лишения свободы (чч. 3 и 4 ст. 46 Основ исправительно-трудового законодательства,

¹ См.: *Самощенко И. С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству.—М.: Юрид. лит., 1963, с. 164.

² В дальнейшем для удобства изложения — условно осужденные и условно освобожденные.

ст. 352-1 УПК КазССР, чч. 2 и 3 ст. 107 ИТК КазССР). Причем такие варианты могут иметь место лишь в отношении тех из них, кто признан в установленном законом порядке инвалидом первой или второй группы. Временная потеря трудоспособности условно осужденным или условно освобожденным, удостоверенная листком нетрудоспособности, не ведет к освобождению от наказания, а влечет временное освобождение от работы. Стойкая утрата трудоспособности условно освобожденным или условно осужденным, связанная с признанием его инвалидом третьей группы, также не влечет указанных правовых последствий, а может привести, в соответствии с рекомендациями врачебно-трудовой экспертной комиссии, к переводу на другую работу с учетом остаточной трудоспособности.

Досрочное освобождение от наказания по инвалидности может быть либо обязательным, либо факультативным. Обязательным оно является в том случае, если инвалидность первой или второй группы получена условно осужденным или условно освобожденным вследствие трудового увечья или профессионального заболевания, т.е. по причине, связанной с производственной деятельностью (ч. 3 ст. 46 Основ исправительно-трудового законодательства, ч. 1 ст. 352-1 УПК КазССР, ч. 2 ст. 107 ИТК КазССР). Если же инвалидность получена таким лицом по причине, не связанной с производственной деятельностью, досрочное освобождение от наказания может быть только факультативным. В последнем случае, законодатель предоставляет суду право альтернативного решения: или досрочно освободить лицо от наказания, или направить его для отбывания лишения свободы (ч. 4 ст. 46 Основ исправительно-трудового законодательства, ч. 3 ст. 107 ИТК КазССР).

Досрочное освобождение по инвалидности—одна из форм полного освобождения от дальнейшего отбывания наказания, так как ведет к прекращению правоотношений по поводу исполнения и отбывания уголовного наказания. Такое освобождение носит безусловный характер, ибо к лицу не предъявляются требования, невыполнение которых может повлечь отбытие неотбытой части срока наказания, как это имеет место, например, при условно-досрочном освобождении.

Другой вариант правовых последствий, могущий иметь место в случае признания условно осужденного или условно

освобожденного инвалидом первой или второй группы,—направление в места лишения свободы—по своей природе может рассматриваться как одна из форм замены наказания другим, более тяжким, ибо отбываемая мера заменяется наказанием, обладающим большим объемом правоограничений—лишением свободы.

Применение досрочного освобождения по инвалидности служит утверждению, укреплению и развитию гуманистических начал в развитом социалистическом обществе. Институт досрочного освобождения по инвалидности проникнут гуманной идеей о сохранении здоровья, облегчении участи лиц, несмотря на то, что они в прошлом совершили преступление. Такое освобождение направлено на предоставление нетрудоспособным осужденным более широких и благоприятных условий для лечения, социально-трудовой реабилитации, возможности вернуться к родным и близким с тем, чтобы получить от них уход и помощь.

Отсюда следует прийти к мнению, что применение досрочного освобождения по инвалидности служит, прежде всего, проведению в жизнь гуманистических начал Основного Закона нашей страны: об охране здоровья и оказании помощи гражданам СССР, утратившим трудоспособность.

Наличие в советском законодательстве института досрочного освобождения по инвалидности—важное свидетельство того, что наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. В этом смысле досрочное освобождение по инвалидности представляет собой одно из важных средств проведения в жизнь гуманистических начал законодательства, регулирующего борьбу с преступностью. Гуманистическая направленность—важная характеристика института досрочного освобождения по инвалидности.

Вместе с тем применение досрочного освобождения по инвалидности не должно вступать в коллизию с задачей охраны общества от преступных посягательств. Как общее правило, недопустимо досрочное освобождение лиц, представляющих общественную опасность, могущих совершить новые преступления. Поэтому в рассматриваемом случае при наличии такой опасности должно иметь место направление в места лишения свободы, где обеспечивается не только карательно-воспитательное воздействие, но и достаточно квалифицированная медицинская и иная помощь.

Действующее законодательство, как видим, ставит применение досрочного освобождения по рассматриваемому основанию исключительно в зависимость от связи полученной инвалидности с производственной деятельностью осужденного. Думается, что с такой регламентацией согласиться нельзя, ибо при таком положении, инвалидность осужденного, полученная, например, в связи с общим заболеванием, по своей юридической значимости и последствиям будет рассматриваться как форма уклонения от отбывания наказания¹.

Изучение практики показывает, что в ряде случаев трудовые увечья являются следствием появления осужденных на рабочих местах в состоянии алкогольного опьянения, умышленного нанесения себе повреждений, грубого нарушения техники безопасности. Иногда такие лица на момент наступления инвалидности имеют целый ряд взысканий за различные нарушения и, как следствие, отрицательно характеризуются и сотрудниками спецкомендатур, и администрацией строек предприятий народного хозяйства. Между тем отметим, закон не предписывает судам учитывать эти обстоятельства.

Представляется, что вопрос о досрочном освобождении или направлении в места лишения свободы должен решаться с учетом объективных причин инвалидности, вины в этом осужденного и данных, характеризующих его личность. При таком решении вопроса, на наш взгляд, будут в достаточной и разумной мере соблюдены идеи гуманизма и интересы обеспечения безопасности общества от преступных посягательств.

Если инвалидность получена условно освобожденным или условно осужденным по не зависящим от него причинам, то при положительных данных о его поведении должно иметь место досрочное освобождение от наказания.

В случае, если инвалидность получена таким лицом в силу его вины, либо лицом, поведение которого может приравниваться к поведению тех, кто злобно уклоняется от работы, систематически нарушает трудовую дисциплину, общественный порядок или установленные правила проживания, оно должно быть направлено в места лишения свободы. В исправительно-трудовые учреждения, как правило, долж-

---

¹ См.: *Щерба С. П.* Правовая оценка инвалидности подсудимого (осужденного). — *Суд юстиция*, 1981, № 8, с. 23—24.

цы направляться лица, поведение которых дает суду основание полагать, что они пугаются в особом карательно-воспитательном воздействии, связанным с изоляцией от общества.

С. Е. Еркенов

кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКАХ НЕЗАКОННОГО ЗАНЯТИЯ РЫБНЫМ ПРОМЫСЛОМ

В уголовно-правовой характеристике незаконного занятия рыбным промыслом наиболее сложными и дискуссионными являются вопросы, связанные с квалифицирующими признаками браконьерства.

До настоящего времени в теории и практике нет единства взглядов относительно понятия крупного ущерба при незаконном занятии рыбным промыслом. В юридической литературе высказаны различные точки зрения по этому вопросу.

Б. Н. Звонков под крупным ущербом понимает «подрыв либо возможность подрыва биологического потенциала данного вида в данное время и в данном месте. Решающая роль здесь должна принадлежать не количественным оценкам на момент лова, а перспективной биологической оценке нынешнего состояния и будущих запасов данного вида или данных видов»¹.

По мнению Ю. С. Богомяккова, «определяя размер ущерба, необходимо исходить прежде всего из стоимостной оценки незаконно добытого по таксам ущерба, а также учитывать потенциальный ущерб, например, гибель мальков, уничтожение кормовых полей и т. д.»².

На наш взгляд, бесспорным является установление точного количественного критерия для определения крупного ущерба по делам о незаконном занятии рыбным промыслом. Пленум Верховного Суда СССР от 3 июня 1977 г. рекомендует судам при решении вопроса о том, является ли ущерб, причиненный незаконным рыбным промыслом, крупным, исходить не из перспективной биологической оценки нынешнего состояния и будущих запасов данного вида, а из стоимос-

¹ Звонков Б. Н. Уголовно-правовая борьба с браконьерством в СССР.—Автореф. Дис. ...канд. юрид. наук.—Ростов н/Д., 1968, с. 14.

² Богомякков Ю. С. Уголовно-правовая охрана природных богатств в СССР.—Автореф. Дис. ...канд. юрид. наук.—Свердловск, 1972, с. 16.

ти, количества добытого, поврежденного или уничтоженного и вреда, нанесенного растительному и животному миру или особо охраняемым объектам природы¹. Тем более практика судов показывает, что крупным считается ущерб в размере 400 р. и выше, исчисленный по установленной таксе². Это положение подтверждается еще и тем, что в последние годы государство выделяет большие материальные средства для воспроизводства рыбных богатств страны.

По нашему мнению, незаконным промыслом, причинившим крупный ущерб, должна считаться и такая незаконная ловля рыбы, при которой ущерб явился результатом систематического сравнительно небольшого промысла, когда при каждом промысле браконьер добывал небольшое количество рыбы. Так, например, на чердаке дома гражданина Б. было обнаружено 1000 шт. рыбы частичковых пород весом 290 кг на сумму 2000 р. В процессе расследования установлено, что такое количество рыбы он выловил за 1,5 месяца, каждый раз добывая в среднем 50—60 кг. В данном случае умысел Б. был направлен на причинение крупного ущерба, а каждый отдельный случай незаконной рыбной ловли был этапом в осуществлении этого умысла.

Спорным остается вопрос о биологически ценных породах рыб, что также рассматривается квалифицирующим признаком ст. 162 УК КазССР и аналогичных статей других союзных республик. Перечень ценных пород рыб дан в таксе, утвержденной Советом Министров СССР от 24 окт. 1974 г. № 833*. В таксе, наряду с такими породами, как вобла, судак, сазан, таксовая стоимость которых от 2 до 5р., перечислены осетровые породы—белуга, калуга таксовой стоимостью от 10 до 400 р. В диспозиции ст. 162 УК КазССР и аналогичных статей УК других союзных республик лов или убой ценных пород рыб как квалифицирующий признак не ставится в зависимость от количественного критерия. Анализ изученных нами уголовных дел по Урало-Каспийскому бассейну показал, что в 21,4% случаев за один выловленный экземпляр рыбы осетровой породы виновных привлекли к уголовной ответственности, как за улов ценных пород рыб. В то же время судебной практике не известно ни одного слу-

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1977, № 4.

² Там же, 1972, № 3.

* СП СССР 1974, № 22, ст. 133

чая привлечения к уголовной ответственности за лов одного экземпляра судака или сазана. Хотя по установленной таксе обе эти породы относятся к ценным видам и их незаконный лов является квалифицирующим признаком при применении ч. II ст. 162 УК КазССР и аналогичных статей УК других союзных республик.

На наш взгляд, понятие «ценные породы» нужно уточнить: к этим породам должны быть отнесены рыбы стоимостью в 100 р. и выше (осетровые, белуга, калуга). Эти породы надо считать «особо ценными», за лов или убой их, независимо от веса, размера и количества, надлежит привлекать виновных по ч. II ст. 162 УК КазССР и аналогичным статьям других союзных республик. В отношении других пород рыб, таксовая стоимость которых ниже 100 р., на наш взгляд, следует указать минимальный размер материального ущерба, скажем 100 р., причинение которого дает основание привлекать виновное лицо по ч. II ст. 162 УК КазССР. При меньшем размере материального ущерба виновное лицо привлекается к ответственности по ч. I этой же статьи.

В юридической литературе остается нерешенным вопрос о повторности незаконного занятия рыбным промыслом.

Так, Н. Царев по этому вопросу пишет, что для наличия повторности «не имеет значения, привлекалось ли лицо за ранее совершенный уголовно наказуемый рыбный промысел к уголовной, административной, общественной ответственности или не привлекалось, разумеется, если не истекли сроки давности или с виновного не снята или не погашена судимость»¹. Точка зрения Н. Царева была подвергнута критике в юридической литературе. По этому поводу В. Д. Пакутин отмечает, что такое толкование не основано на законе и противоречит принятому в теории уголовного права пониманию повторности преступления².

Действительно, ч. II ст. 162 УК КазССР и аналогичных статей УК других союзных республик предполагают под повторностью преступные действия, которые предусмотрены диспозицией ч. I этой статьи. Административный проступок и преступление, совершенные впервые, не образуют понятие

---

¹ Царев Н. Квалифицирующие признаки незаконного занятия рыбным промыслом.—Сов. юстиция, 1971, № 22, с. 13.

² Пакутин В. Д. Уголовно-правовая охрана внешней среды и природных ресурсов в СССР.—Уфа, 1976, с. 142.

повторности преступления. Правы, на наш взгляд, авторы, утверждая, что повторность преступления—это юридическое понятие, означающее совершение двух или более преступлений¹.

Верховный Суд СССР также считает, что повторность в смысле ст. 163 УК РСФСР (ст. 162 УК КазССР) будет тогда, когда виновный незаконно занимался рыбным промыслом не менее двух раз, реализуя в каждом случае самостоятельно возникшее преступное намерение².

Вместе с тем, согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 и 15 февр. 1977 г. «О практике применения мер административного взыскания к лицам, освобожденным от уголовной ответственности», по тем статьям УК союзных республик, которые предусматривают лишение свободы до 1 года или менее тяжкое наказание (в том числе и ст. 162 УК КазССР), меры уголовного наказания заменены мерами административного воздействия³. В смысле этого указа понятие повторности приобретает новый аспект. Мы считаем правильным разъяснение Пленума Верховного суда Казахской ССР, в постановлении которого «О судебной практике по уголовным делам о незаконном занятии водными промыслами и незаконной охоте» указано, что действия лиц, совершивших повторное уголовно наказуемое занятие водным промыслом, должно квалифицироваться по ч. II 162 УК КазССР, независимо от того, привлекались они к судебной ответственности за предыдущие уголовно наказуемые деяния или нет.

Таким образом, квалифицирующим признаком повторности по ст. 162 ч. II УК КазССР и аналогичным статьям УК других союзных республик будет совершение такого преступного деяния, за которое ранее лицо привлекалось к уголовной ответственности за незаконное занятие рыбным промыслом.

---

1 Малков В. П. Повторность преступлений.—Казань, 1970, с. 22.

2 Бюллетень Верховного Суда СССР, 1968, № 3, с. 22.

3 Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 7, ст. 177.

Г. Г. ХАСАНОВ

УЧЕТ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УСЛОВИЙ, СОЗДАЮЩИХ БЛАГОПРИЯТНУЮ ОБСТАНОВКУ ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЙ НА ОБЪЕКТАХ МИНИСТЕРСТВА РЫБНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Важная роль в решении задач улучшения снабжения населения продуктами питания, выдвинутых XXVI съездом КПСС и Продовольственной программой СССР¹, отводится рыбной промышленности.

В условиях постоянного увеличения объемов добычи и переработки рыбного сырья все большее значение приобретают вопросы обеспечения сохранности социалистической собственности на предприятиях указанной отрасли. В этой связи важной задачей аппаратов БХСС органов внутренних дел, обслуживающих объекты Всесоюзного рыбопромышленного производственного объединения (ВРПО), является своевременное выявление и устранение условий, создающих благоприятную обстановку для совершения хищений рыбы и рыбопродукции.

Результаты исследования, проведенного по материалам УВД Астраханского, Гурьевского, Мурманского облисполкомов, показывают, что наиболее распространенными условиями, способствующими совершению хищений, являются недостатки в организационно-хозяйственной деятельности предприятий рыбной промышленности. К ним можно отнести недостатки, характерные в целом для предприятий рыбной промышленности (общие), и недостатки, имеющие место на отдельных предприятиях (особенные)².

К первой группе относятся: неудовлетворительное состояние первичного учета сырья и готовой продукции на всех стадиях производства—57,2%; низкая эффективность работы учетно-бухгалтерских и контрольно-ревизионных служб—46,7%; недостатки в подборе и расстановке кадров, обезличка в ответственности за материальные ценности—37,8%.

Ко второй группе относятся:

А. При лове (добыче) рыбы: отсутствие систематического контроля со стороны должностных лиц рыбодобывающих, перерабатывающих предприятий, а также других субъектов

¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС.—М.: Политиздат, 1981, с. 163.

² Такое разграничение недостатков условно.

профилактического воздействия (членов специализированных ДНД, групп содействия сохранности социалистической собственности, народных контролеров, внештатных сотрудников милиции)—20,7%; неудовлетворительная организация приемки рыбы-сырца (несовершенство весоизмерительного хозяйства, несоблюдение правил приемки рыбы-сырца приемо-транспортными судами, плавбазами, береговыми предприятиями от рыбодобывающего флота)—30,9%.

Б. При переработке ее и хранении: значительная разбросанность береговых производственных, подсобных и складских помещений, а в отдельных случаях их непригодность для организации производства и хранения рыбопродукции—12,2%; неудовлетворительное состояние пропускного режима в морских рыбных портах и на береговых предприятиях—13,5%; несоблюдение требования технологических норм при производстве рыбопродукции, отсутствие научно обоснованных норм на вновь вводимый ассортимент рыботорваров—5,3%; неисправность или отсутствие счетчиков на закаточных машинах при выработке консервов—4,1%.

В. При сбыте: нарушение фондовой дисциплины—2%; неудовлетворительная организация учета отпускаемой рыбопродукции (оформление общей накладной при условии доставки кольцевым методом в несколько магазинов) и отсутствие возможности контрольного пересчета ее при вывозе со сбытовых организаций—6,1%.

Г. При товарном рыбоводстве и воспроизводстве рыбных запасов: неудовлетворительное состояние охраны рыболовецких хозяйств—2,7%; несовершенство технологии учета выращиваемой прудовой рыбы—2,5%.

В целях своевременного выявления условий, способствующих совершению хищений, и их устранению, необходимо проведение комплекса профилактических мероприятий.

В частности, для первой группы: проведение совместных проверок работниками аппаратов БХСС и учетно-бухгалтерского и контрольно-ревизионного аппарата вышестоящих организаций состояния первичного учета сырья и готовой продукции на подведомственных им предприятиях; совместное и согласованное составление работниками аппаратов БХСС и контрольно-ревизионных служб планов проведения ревизии; осуществление в отделе кадров и в бухгалтерии предприятия проверок наличия договоров, заключаемых с

подотчетными лицами, установление фактов распоряжения материальными ценностями отдельными работниками без заключения договоров с администрацией.

Для второй группы: на рыбодобывающих предприятиях в указанных выше целях и для усиления ответственности отдельных руководителей и подчиненных им лиц за соблюдением трудовой, финансово-хозяйственной дисциплины, государственных стандартов и технических условий при экспедиционной¹ форме организации работы флота в районах промысла представляется целесообразным в состав промышленного совета включать представителя ВРПО, наделенного полномочиями по вопросам обеспечения сохранности социалистической собственности. Наряду с этим следует шире использовать действующие оперативные группы, в состав которых включать: инспекторов БХСС, ГАИ, работников инспекции рыбоохраны, речной инспекции по маломерному флоту, членов группы народного контроля, специализированных ДНД, представителей администрации портов, с приданием им радиофицированного автотранспорта, плавсредств и созданием условий для круглосуточной работы. Задачами групп должно являться осуществление досмотра прибывающих судов, барж; организация их сопровождения с приемных пунктов, проведение контрольных взвешиваний сдаваемой рыбы, а также проверка лиц и автотранспорта, моторных лодок в районе лова.

На предприятиях рыбообработывающей промышленности, осуществляющих переработку рыбы в условиях промысла и на береговых перерабатывающих предприятиях (рыбокомбинаты, рыбозаводы, рыбокомплексы), проводятся различные мероприятия по обеспечению сохранности рыбы и рыбопродукции.

В частности, аппараты БХСС направляют на имя соответствующих хозяйственных руководителей информацию о

---

¹ Экспедиционная форма организации работы флота представляет собой организацию сложного производственно-технического комплекса, объединяющего в себе функции добычи рыбы (добывающие суда), производство рыбной продукции (добывающие и обрабатывающие суда), передачу рыбной продукции на приемотранспортные суда и транспортировку ее в порт назначения. Руководящим органом создаваемого объединения является промысловый совет. См.: Рыбпромышленное дело./Под ред. А. Г. Витченко. М.: Легкая и пищевая промышленность, 1981, с. 163.

результатах проверок состояния сохранности социалистического имущества в производственных, складских и других помещениях; об улучшении пропускного режима; фактах несправности весоизмерительного хозяйства, технических средств учета готовой продукции.

Представляется целесообразным проведение сотрудниками аппаратов БХСС с участием специалистов (технологов), представителей пищевой лаборатории и общественности проверок по соблюдению технологической дисциплины при выпуске рыбопродукции, состоянию сохранности некоторых видов сырья, полуфабрикатов, основных и вспомогательных материалов, готовой продукции (особенно икры, красной рыбы, консервов, копченостей).

В сбытовых организациях, в составе которых имеются цеха по переработке рыбы, а также магазины и предприятия общественного питания, необходимо:

в оптовых торговых предприятиях проведение совместного изучения сотрудниками аппаратов БХСС и товароведов, работниками бухгалтерии, активистами народного контроля поступающих рекламаций по качеству и количеству отправляемого груза; с участием работников железной дороги, других аппаратов БХСС осуществление контрольных отгрузок в местах отправки и комиссионных проверок по месту получения; большое профилактическое значение имеет проведение внезапных проверок инспекторским составом аппаратов БХСС с членами групп содействия охраны социалистической собственности, работниками бухгалтерии сопроводительных документов и фактического наличия вывозимых на автотранспорте рыботоров с холодильников и складов сбытовых баз;

в розничных торговых предприятиях и организациях общественного питания проведение периодических проверок правильности документального оформления продукции; осуществление контроля за закладкой сырья, выходом изделий по весу, калорийности; проведение контрольных анализов проб пищи.

В необходимых случаях в вышестоящие звенья систем ВРПО вносятся предложения об улучшении организации охраны предприятий, выращивающих рыбу. В целях пресечения возможности исказить данные о количественных и качественных показателях прудовой рыбы целесообразно ре-

комендовать участие счетоводно-бухгалтерских работников, представителей общественных формирований наряду со специалистами (рыбоводами) в контрольных отловах. Кроме этого, необходимо проводить совместное изучение актов о порче кормов и гибели рыбы,—в определенных случаях такие акты могут свидетельствовать о подготовке к хищению.

В. П. Гмырко

К ВОПРОСУ О ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ТАКТИЧЕСКОГО РИСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Несмотря на то, что в последние годы проблема тактического риска все в большей мере привлекает к себе внимание криминалистов¹, она, по мнению В. И. Шиканова, по-прежнему остается белым пятном в теории криминалистической тактики².

В этой связи полагаем обоснованным рассмотрение в рамках исследования общенаучных основ тактического риска такого их важного компонента, каким, безусловно, является ряд положений праксеологии—научной дисциплины, исследующей вопросы рациональной деятельности с точки зрения ее эффективности³.

Праксеологами риск понимается как объективная ненадежность действия, величина которого находится в обратной зависимости от вероятности достижения цели в процессе ис-

---

¹ См.: *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации.—М.: Акад. МВД СССР, 1979, с. 115—117; *Комарков В. С.* Психологические основы очной ставки.—Харьков: Харьк. юрид. ин-т, 1976, с. 18—25; *Богинский В. Е.* Система тактических приемов допроса подозреваемого.—Дис. ...канд. юрид. наук.—Харьков, 1980, с. 174—185; Вопросы понятия и сущности тактического риска изложены автором настоящей статьи в работах, опубликованных в специальных изданиях Омской и Карагадинской высших школ МВД СССР в 1981—1982 гг.

² *Шиканов В. И.* Теория тактических операций следователя (перспективы развития).—В кн.: Алгоритмы и организация решений следственных задач.—Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982, с. 64.

³ В своих рассуждениях мы исходим из положений, содержащихся в работах Т. Котарбинского. См.: *Котарбинский Т.* Трактат о хорошей работе.—Вроцлав: Изд-во Нац. ин-та им. Оссолинских, 1973; его же: *Азбука практицизма.*—Варшава: Ведза Повшехна, 1974. (На польск. яз.).

пользования некоторого средства, обладающего определенной эффективностью.

Отсюда логически следует, что эффективность риска определяется прежде всего характером избираемых субъектом средств.

Это положение применительно к проблеме тактического риска можно интерпретировать так: следователь должен использовать такие тактические средства, которые бы отвечали требованиям праксеологического критерия надежности, т.е. объективно способствовали бы достижению необходимого результата.

В праксеологии имеется понятие решающего момента, которое служит для характеристики ситуации, в которой возможность действовать редуцирована до двух принципиальных вариантов. Это понятие связывается нами с положением своевременности обращения к тактическому риску, поскольку динамичность следственной ситуации может снижать заключенную в нем возможность добиться успеха до такого уровня, когда обращение к риску теряет смысл.

Если же субъект обратился к риску и в процессе совершения определенных действий увидел, что некоторое средство «уводит» его от достижения цели, он находит выход из создавшегося положения путем устранения возможности для противодействующей стороны воспользоваться отрицательными последствиями рискованного курса действий. Учет этого праксеологического положения необходим при разработке тактики риска, поскольку это позволяет в ряде случаев нейтрализовать влияние отрицательных последствий обращения к тактическому риску.

Теперь рассмотрим конкретные праксеологические положения, которые можно использовать для разработки тактики риска в процессе расследования, в частности, для разработки тактических комбинаций. К этим положениям можно отнести:

1. Информирование противодействующей стороны о собственных планах и намерениях. Это позволяет целесообразно, рационально бороться с противником, поскольку легче предвидеть шаги осведомленного определенным образом противника, ибо уровень информационной неопределенности в

этом случае гораздо ниже, чем в ситуации, когда субъекту не известно, что знает противодействующая сторона¹.

2. Использование в своих целях функций и резервов противника. В тактических комбинациях это дает возможность следователю использовать противодействующую сторону в качестве специфического тактического «средства».

3. Использование фактора внезапности. Внезапность является необходимым компонентом тактического замысла подавляющего большинства тактических комбинаций, поскольку она резко, скачкообразно повышает уровень информационной неопределенности, дезорганизует мыслительные процессы противника, сужая число альтернатив его поведения, увеличивает количество ошибок в оценке ситуации, что побуждает противодействующую сторону действовать в соответствии с планом следователя.

4. Расчленение сил противника и вывод из строя его координирующих комплексов. Особую эффективность учет этих праксеологических положений приобретает в комбинациях, проводимых по так называемым групповым делам.

Изучение практики расследования уголовных дел, публикаций в сборниках «Следственная практика», ряде изданий МВД СССР, в которых обобщен передовой опыт лучших следователей нашей страны, позволяет нам утверждать, что указанные праксеологические положения активно используются ими в ситуациях противодействия со стороны различных заинтересованных лиц.

Таким образом, передовой следственной практикой приведенные приемы борьбы апробированы и находятся в ее тактическом арсенале. Касаясь высказываемых в литературе суждений о возможности нарушений социалистической законности, связанных с применением этих приемов, укажем, что «криминалистическая тактика не рассчитана на «эксцесс исполнителя» и не может во всех случаях предусматривать популярную в технике «защиту от дурака» в виде, например, системы предохранителей, не позволяющей по невежеству или небрежности нажать спусковое устройство².

¹ К такому же выводу приходит и Т. Л. Саати в своей работе «Математические модели конфликтных ситуаций». — М.: Сов. радио, 1977, с. 222—226. Интересные суждения в этом плане высказывает Ю. Б. Гермейер. См.: Гермейер Ю. Б. Игры с противоположными интересами. — М.: Наука, 1976, с. 45—50.

² Белкин Р. С. Указ. соч., с. 140.

М. К. Исакова

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ЗАКОННОСТИ

Правоохранительные органы—это органы, непосредственно занимающиеся осуществлением функций социалистического государства в области охраны социалистического правопорядка, социалистической собственности, прав и свобод граждан и др.

Конституция СССР 1977 г. расширила систему правоохранительных органов и впервые закрепила, наряду с органами суда и прокуратуры, органы государственного арбитража.

В последнее время были приняты: Закон СССР о народном контроле в СССР, Закон СССР о Верховном Суде СССР, Закон СССР о прокуратуре СССР, Закон СССР о Государственном арбитраже в СССР, Закон СССР об адвокатуре в СССР¹, Закон о Государственной границе СССР².

В Конституции СССР определены две группы правоохранительных органов. Одна—это правоохранительные органы государства, непосредственно указанные в Конституции: суд, арбитраж, народный контроль, прокуратура. Другая—это группа органов, которые по своему правовому положению являются одновременно и управленческими, и правоохранительными. К ним относятся органы юстиции, внутренних дел, государственной безопасности. Хотя в советской юридической литературе эти органы часто рассматриваются как управленческие, однако по своему системно-функциональному признаку они входят в систему правоохранительных органов.

На наш взгляд, вся совокупность правоохранительных органов советского государства образует единую систему, осуществляя функции, характерные для каждого из органов, входящих в эту систему.

Функция борьбы с правонарушениями—главная для каждого правоохранительного органа. Для ее осуществления

---

¹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1979, № 49, ст. 840, 842, 843, 844, 846.

² Там же, 1982, № 48, ст. 891.

служат различные методы и средства: уголовно-правовые, административные и др.

В целях достижения наибольшей эффективности в деятельности правоохранительных органов законодатель тщательно регулирует правовое положение правоохранительных органов. Так, например, принято Положение о советской милиции СССР, утвержденное Постановлением Совета Министров СССР от 8 июня 1973 г., Положение о Министерстве юстиции СССР, утвержденное Постановлением Совета Министров СССР от 21 марта 1972 г.¹

Функция правовой пропаганды и воспитания. Развитие этой функции обусловлено общей активизацией и повышением уровня идейно-воспитательной, массово-политической работы в свете постановления июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС: «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии»².

Эта функция обеспечивается целым комплексом различных мероприятий: лекции и беседы перед коллективами трудящихся, выступления по радио, телевидению, проведение показательных выездных судов, публикации статей в газетах и журналах и др.

Функция управления органично присуща правоохранительным органам прежде всего по той причине, что часть правоохранительных органов непосредственно входит в систему аппарата государственного управления. Представляется, что и органы суда, прокуратуры и арбитража в известной мере также осуществляют эту функцию. В. И. Ленин рассматривал в качестве одной из функций государственного управления судебную деятельность. «...Суд,—писал он,—есть государственное учреждение, деятельность суда есть одна из частей государственной деятельности...»³.

Информационная функция. Правоохранительные органы регулярно информируют о результатах своей деятельности, во-первых, соответствующие Советы народных депутатов, во-вторых, население о состоянии общественного порядка, предотвращая тем самым распространение искаженной информации.

¹ СП СССР, 1972, № 6, ст. 32; 1973, № 11, ст. 43.

² Материалы Пленума ЦК КПСС. 14—15 июня 1983 г.—М., 1983, с. 67—80.

³ Ленин В. И. О промышленных судах.—Полн. собр. соч., т. 4, с. 280.

Контрольно-надзорная функция. Эта функция по-разному проявляется в деятельности каждой группы правоохранительных органов. Так, например, в ст. 164 Конституции СССР закреплено: «Высший надзор за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями, организациями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами, а также гражданами возлагается на Генерального прокурора СССР и подчиненных ему прокуроров». Однако контрольно-надзорная функция присуща и другим правоохранительным органам. Например, система ведомственного контроля за состоянием социалистической законности введена в органах МВД, КГБ, суда, арбитража.

Таким образом, все перечисленные функции, как основные направления деятельности правоохранительных органов, отражают потребность общества и вытекают из объективного процесса возрастания значения правовых основ на современном этапе развитого социализма.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Теоретические проблемы развития законодательства и его применения	3
БАЙМАХАНОВ М. Т. Конституция и текущее законодательство в развитом социалистическом обществе	5
ЗИМАНОВ С. З. Проблема взаимосвязи общей теории права и специальных правовых наук	12
САБИКЕНОВ С. Н. Осознание социальных интересов и его влияние на эффективность правотворчества	20
САРТАЕВ С. Некоторые вопросы развития национальной государственности в свете новой Конституции СССР	29
ЕРЕНОВ А. Е. Правовая охрана природы в свете решений XXVI съезда КПСС	34
НУРПЕЙСОВ Е. К. Пределы правового регулирования: подходы к изучению	39
БЕЙСЕНОВА А. У. Воспитательное воздействие правоприменительной деятельности и эффективность законодательства	45
ИБРАГИМОВ М. А. Советское право как фактор воспитания личности в условиях развитого социализма	51
Раздел 2. Развитие республиканского законодательства и задачи пропаганды права	60
МУХАМЕДШИН К. Д. Законодательная деятельность Верховного Совета союзной республики в условиях развитого социализма	61
БАЯНОВ Е. Правовые основы участия союзной республики в формировании и развитии территориально-производственных комплексов (ТПК)	66
АКУЕВ Н. И. Некоторые вопросы законодательной деятельности союзной республики	71
АБУЛГАЗИН С. Б. Понятие и признаки административного правонарушения	75
МАТВЕЕНКОВ А. С. Практика выборов в Советы народных депутатов и ее влияние на развитие избирательного законодательства Казахской ССР	79
МУКАШЕВ Р. Ж. Совершенствование нормативного закрепления обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность	81
СЕЙЛХАНОВ М. Некоторые вопросы административной юрисдикции органов внутренних дел	85
ФРОЛОВ А. Д. Совершенствование правовых средств борьбы с текучестью кадров	89
СТАМКУЛОВ У. М. Совершенствование гражданского законодательства о возмещении гражданам причиненного им вреда (отдельные вопросы)	92

МУХАМЕДШИН Р. К. Реальное содержание и процессуальные гарантии реализации принципа диспозитивности советского гражданского процессуального права	95
БЕЙСЕМБАЕВА Б. Ж. Развитие законодательства об охране рыбных ресурсов	99
КИМ Г. Развитие статуса народных депутатов в конституционном законодательстве	101
БАЙСАЛОВ С. Б., ИМАШЕВ С. М. Некоторые аспекты развития природоохранного законодательства Казахской ССР	103
ЛИТОВЧЕНКО Л. Нормативное регулирование правоохранительной деятельности местных Советов народных депутатов	107
БУЛГАКОВА Д. А. Социально-психологические аспекты формирования уважения к закону	112
КУЛЬЖАКАЕВА Р. Б. Совершенствование юридической службы как формы правового воспитания	119
Раздел 3. Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства Казахской ССР и практики их применения	123
ГАГАРИН Н. С. Тенденции развития советского уголовного законодательства в современный период	127
ЛИВШИЦ Ю. Д. Дальнейшее развитие законодательства о судостроительстве и уголовном судопроизводстве в свете новой Конституции СССР	134
ВИНИЦКИЙ Л. В. Развитие понятия освидетельствования и его процессуально-правовой регламентации	142
ТАШИБАЕВ К. У. К вопросу о деятельности прокурора при окончании предварительного расследования как самостоятельной стадии уголовного процесса	147
ЛИВШИЦ Ю. Д., КОГАМОВ М. Ч. К вопросу о профилактической деятельности следователя в связи с приостановлением и прекращением уголовных дел	152
РЗАЕВ А. А. Совершенствование законодательства о прекращении уголовных дел по реабилитирующим основаниям.	157
ПИНДИОР И. И. К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства о незаконной охоте	159
Раздел 4. Совершенствование деятельности органов внутренних дел Казахстана по борьбе с преступностью	164
ЗИНКЕВИЧ И. Б. Вопросы производства судебно-психологической экспертизы в деятельности правоохранительных органов	165

ЛУХТИН Ю. К. Вопрос об ответственности осужденных за нарушения режима в исправительно-трудовом учреждении	168
ЕРАЛИН А. Н. Правовые последствия признания инвалидом лица, условно осужденного или условно освобожденного, с обязательным привлечением к труду	171
ЕРКЕНОВ С. Е. К вопросу о квалифицирующих признаках незаконного запятия рыбным промыслом	175
ХАСАНОВ Г. Г. Учет органами внутренних дел условий, создающих благоприятную обстановку для совершения хищений на объектах Министерства рыбного хозяйства СССР	179
ГМЫРКО В. П. К вопросу о таксеологических основах тактического риска при расследовании тяжких преступлений в органах внутренних дел	183
ИСКАКОВА М. К. Осуществление правоохранительными органами функций государства в области охраны общественного порядка и законности	185

Св. план., 1984 г.
нов. № 37

**РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА
И ПРАКТИКА БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Сборник научных трудов

Редактор А. А. Ровицкая
Технический редактор Н. В. Струнин

Сдано в набор 18.05.84 г. Подписано к печати 17.09.84 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага писчая. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 10.
Тираж 500 экз. Заказ 651. Цена 1 р. 50 к.
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел
Карагандинской высшей школы МВД СССР. Филиал типографии
ХОЗУ МВД КазССР. 470064, Караганда, ул. Дзержинского, 124.